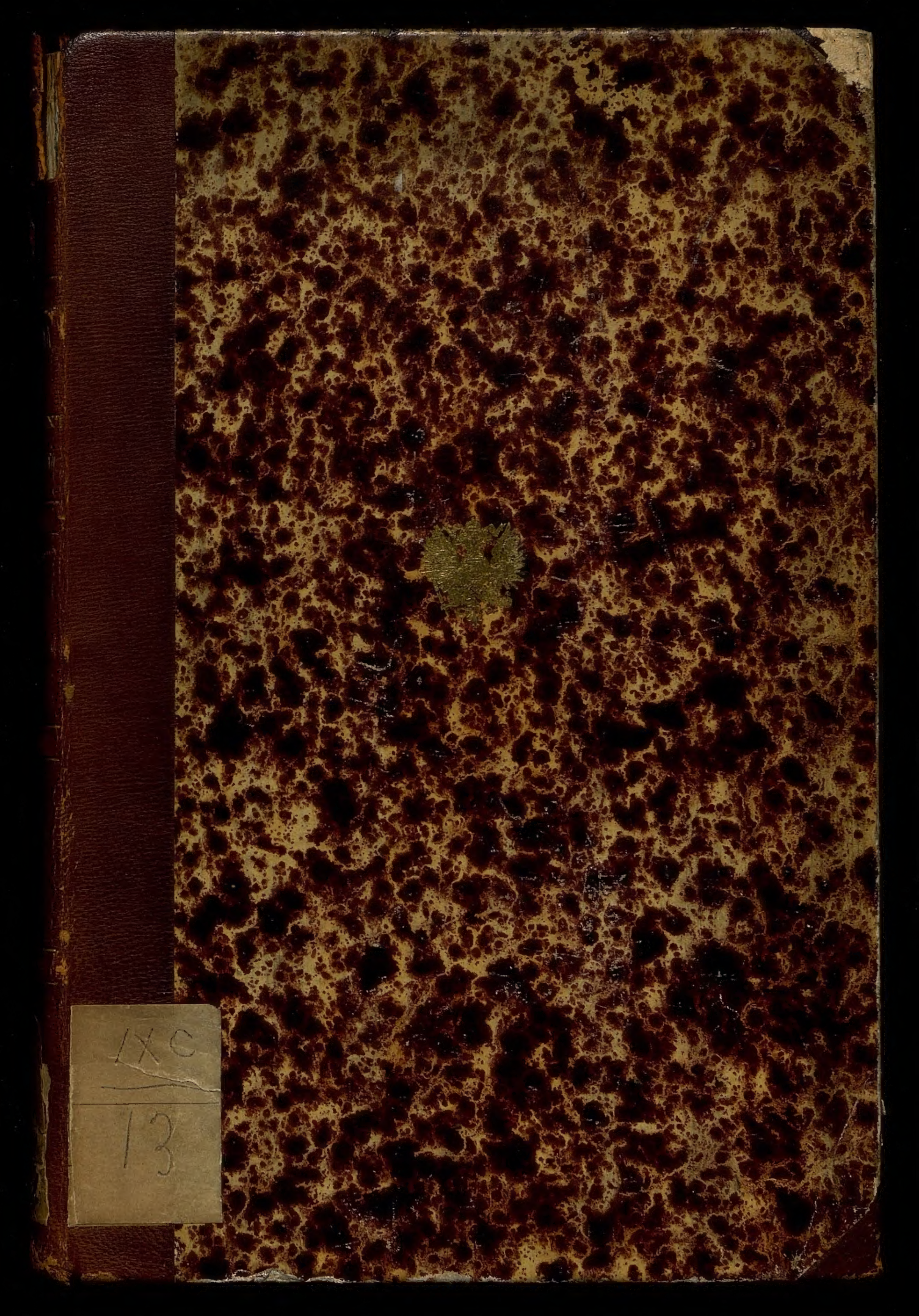

IXC
13

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ.

А. ЛОХВИЦКАГО.

ЧАСТЬ I.

Швейцарія.
Франція.
Германія
Швеція.
Норвегія.
Данія.
Финляндія.
Польша.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Ѳ. БАЗУНОВА.
1865.

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ

А. ЛОХВИЦКАГО.

ЧАСТЬ I.

Швейцарія.
Франція.
Германія
Швеція.
Норвегія.
Данія.
Финляндія.
Польша.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

С.ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Ѳ. БАЗУНОВА.
1865.

Дозволено цензурою. С.Петербургъ, 22 октября 1864 года.

Въ типографіи Ивана Бочкарева, у пѣвческаго моста, домъ № 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Швейцарія.

I.

II.

Франція.

I.

Германія.

I.

II.

СКАНДИНАВСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

I.

Швеція.

II.

Норвегія.

III.

Шведско-норвежскій союзъ.

IV.

Данія.

Финляндія.

Польша.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ 1862 году была мною издана первая часть Очерковъ Конституцій, пріобрѣтенная тогдашней редакціей «Русскаго Инвалида.» Обстоятельства не позволили тогда мнѣ окончить изданія. Редакція Русскаго Инвалида издала продолженіе этихъ очерковъ, написанное разными лицами, которое въ книгопродавческихъ объявленіяхъ приписывалось мнѣ, хотя имена авторовъ были подписаны, — такое смѣшеніе легко впрочемъ объясняется тѣмъ, что послѣдующіе выпуски были напечатаны подъ тѣмъ же заглавіемъ и отчасти по тому же плану, какіе имѣла выпущенная мною первая часть.

Въ настоящемъ второмъ изданіи читатель найдетъ исправленные и значительные дополненные очерки тѣхъ конституцій, которые заключались въ первой части, вышедшей въ 1862 году, — и вновь написанные очерки конституцій Сербіи, Румыніи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ. Читатель замѣтитъ конечно, что всѣ важные политическіе вопросы разобраны въ предлагаемомъ Обзорѣ, — такъ что при очеркѣ каждой отдѣльной конституціи преимущественно было обращено вниманіе на какой нибудь одинъ вопросъ, и вслѣдствіе этого всѣ они дополняютъ другъ друга. Прилагаемый при второй части алфавитный указатель облегчитъ справки. При указаніи на литературныя пособія авторъ ограничивался только книгами доступными и составляющими первоначальное дополнительное чтеніе къ Обзору, — источники и частныя монографіи читатель можетъ узнать изъ этихъ книгъ. Главный же источникъ со-

временнаго движенія конституцій, современнаго пониманія политическихъ вопросовъ составляютъ газеты и сборникъ современной исторіи, издаваемый подъ именемъ «Annuaire» редакціей французскаго журнала «Revue des deux Mondes.» Въ заключеніе повторяемъ сказанное въ предисловіи къ первому изданію: «Авторъ имѣлъ главной цѣлью ясность и общедоступность изложенія. Хотя онъ не могъ дать предлагаемымъ очеркамъ такихъ размѣровъ, какіе желалъ, — но все-таки и въ этомъ видѣ онъ не считаетъ ихъ безполезными уже по одному тому, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего другаго.»

А. Лохвицкій.

С. Петербургъ.
1865 г., 2-го февраля.

Политическое устройство Швейцаріи.

I.

Политическое значеніе малыхъ государствъ. Значеніе Швейцаріи и ея конституціи.—Происхожденіе ея.—Швейцарская національность.—Bundesstaat и Staatenbund.—Кантоны, ихъ число и народонаселеніе.—Федеральное собраніе.—Вопросъ о двухъ палатахъ.—Права и обязанности федеральнаго собранія.—Военная организація.— Совѣтъ государствъ.—Федеральный совѣтъ—Федеральная юстиція.

Въ политической экономіи вопросъ о большомъ и маломъ хозяйствѣ рѣшенъ признаніемъ пользы и необходимости того и другаго. Въ политикѣ также много разсуждали о преимуществахъ большихъ и малыхъ государствъ. Малымъ государствамъ античнаго міра и средневѣковой Италіи мы обязаны почти всей нашей цивилизаціей. Но наше время— есть вѣкъ громадныхъ государствъ, малымъ приходится плохо; ихъ независимость внѣшняя, болѣе кажущаяся, они притягиваются къ политикѣ того или другаго большаго государства; все великое дѣлается большими государствами; кажется, что жизненный процессъ развитія уже покончился для Швеціи, Голландіи, Швейцаріи, Португаліи; къ нимъ рѣдко обращается и міровая политика, и міровая мысль; ихъ не видно ни на конгрессахъ, ни въ движеніи современной мысли къ разрѣшенію великихъ соціальныхъ проблемъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ единство языка открываетъ возможность къ политическому и нравственному возрожденію во взаимномъ соединеніи: таково стремленіе итальянскихъ, румынскихъ и скандинавскихъ государствъ. Конечно, это

стремленіе обусловливается исключительными обстоятельствами нашей переходной эпохи, необходимостью защиты національности противъ напора великихъ государствъ; но и помимо этой внѣшней причины есть множество внутреннихъ, которыя показываютъ несостоятельность малыхъ государствъ.

Но какова бы ни была будущность малыхъ государствъ, ихъ политическая жизнь не лишена интереса: идеи и учрежденія, переработываемыя великими народами, находятъ здѣсь отголосокъ, и часто то, что падаетъ (хотя конечно на время) въ великихъ государствахъ, или что выработывается послѣ страшной борьбы, здѣсь утверждается прочно. Разумѣется, что учрежденія не имѣютъ здѣсь ни величія, ни міроваго значенія.

Но не одно это чувство вы испытываете при разсматриваніи политической жизни одного изъ такихъ государствъ— Швейцаріи, которая есть не только небольшое государство, но союзъ двадцати пяти большей частію крошечныхъ государствъ; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ Цугъ, имѣютъ всего 3,000 дѣйствительныхъ гражданъ. Конституція Швейцаріи имѣетъ для всѣхъ мыслящихъ людей большую важность. Моль справедливо назвалъ Швейцарію политическимъ микрокосмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, на этой небольшой почвѣ разрѣшились и пустили всходы, хотя конечно въ маленькомъ видѣ, великіе вопросы современной политики: о размѣрѣ централизаціи, необходимой для государственной жизни, о Staaten-Bund и Bundes-Staat, о непосредственной демократіи (управленіе государствомъ непосредственно всею массою народа), о національности, о парламентарномъ началѣ, раздѣленіи властей, объ устройствѣ военной силы въ такомъ видѣ, чтобъ она была грозна для внѣшнихъ враговъ и безсильна противъ свободныхъ учрежденій отечества и проч. Двадцать пять кантональныхъ конституцій представляютъ, кромѣ того, образцы замѣчательной отдѣлки конституціоннаго механизма. Словомъ, союзная и кантональныя конституціи имѣютъ много правъ на вниманіе публицистовъ. Представляя здѣсь очеркъ современнаго политическаго

устройства Швейцаріи, мы замѣтимъ, что ея конституція одна изъ старѣйшихъ въ Европѣ; но вліяніе великихъ политическихъ идей, а также и матеріальной силы Франціи отражалось болѣе или менѣе сильно на ея исторіи. Послѣ трехсотлѣтняго существованія первоначальная конституція Швейцаріи, подъ вліяніемъ французовъ была низложена базельскимъ актомъ 15 марта 1798; послѣ того, 24 октября 1801 Швейцарія получила подъ именемъ Гельветической республики новую конституцію, которая была измѣнена такъ называемымъ Mediationsacte 1803 года. Вѣнскій конгрессъ освободилъ Швейцарію отъ власти Франціи и опредѣлилъ, декларацией отъ 20 марта 1815 г., ея положеніе въ ряду европейскихъ государствъ и основы ея конституціи, которая и были провозглашена швейцарскимъ національнымъ собраніемъ 7 августа 1815 года. Но Швейцарія, освободившись отъ гнета французской силы, нисколько не отставала отъ движенія политическихъ идей своего могущественнаго сосѣда: событія 1830 и 1848 годовъ отразились на ней глубоко, и повели къ окончательному торжеству демократіи. Въ настоящее время дѣйствуетъ союзная конституція 12 сентября 1848 г., вотированная всей швейцарской націей. Кантональныя конституціи также были измѣнены тогда, насколько того требовалъ духъ времени и федеральной конституціи, такъ что всѣ эти конституціи относятся къ періоду 1848—1853 года *).

Въ швейцарскихъ союзныхъ палатахъ находится лицо, которое не существуетъ ни въ какомъ другомъ парла-

*) Тексты прежнихъ конституцій Швейцаріи (федеральныхъ и кантональныхъ) помѣщены въ третьемъ томѣ извѣстнаго изданія Пелица: „Die europäischen Verfassungen seit dem Jahre 789 etc.“, von Pölitz (1833 г.). Желающіе ознакомиться съ исторіей швейцарской конституціи должны обратиться къ превосходному сочиненію мюнхенскаго профессора Bluntschli: „Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes etc.“, два тома, Цюрихъ; 1849—1852 годъ. Огромная литература о швейцарскихъ конституціяхъ исчислена и критически разобрана въ первомъ томѣ знаменитаго сочиненія Моля (Robert von Mohl): „Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften,“ Эрлангенъ, 1855 г. Тексты нынѣ дѣйствующихъ швейцарскихъ конституцій изданы подъ заглавіемъ: „Texte officiel de la constitution fédérale Suisse et des XXV constitutions cantonales en vigeur“, 1857 года (послѣднее изданіе).

ментѣ,—это словесный переводчикъ рѣчей. Депутаты могутъ говорить рѣчи на одномъ изъ трехъ языковъ — французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, и, непосредственно послѣ произнесенія рѣчи, переводчикъ громко читаетъ собранію переводъ ея на два другіе языка. Конечно, это очень скучно; одинъ изъ членовъ парламента, понимавшій одинаково хорошо всѣ три языка, сказалъ мнѣ: «Повѣрите ли вы, что иной разъ просто одурь беретъ, когда приходится выслушать три раза одну и ту же глупую рѣчь, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка». Что же это такое Швейцарія, въ которой нѣтъ не только своего особеннаго языка, но есть еще трое другихъ? Стало быть это не нація, не государство, а искусственный союзъ трехъ различныхъ народностей. Во всѣхъ учебникахъ стоитъ, что народъ есть масса лицъ, связанныхъ единствомъ языка. Другаго единства, которому въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Швеціи, до сихъ поръ придаютъ большую политическую важность, — единства религіи также не существуетъ въ Швейцаріи: восточные кантоны католическіе, нѣкоторые западные и внутренніе протестантскіе; и притомъ швейцарцы вовсе не индиференты въ дѣлѣ религіи: Женева до сихъ поръ одинъ изъ центровъ протестантскаго міра, въ конституціяхъ восточныхъ кантоновъ католическая религія объявлена господствующею, іерархія пользуется полнымъ почетомъ. Дѣленіе на приходы до сихъ поръ играетъ важную роль въ политической организаціи; швейцарскіе журналы живо слѣдятъ за религіозными вопросами; напримѣръ, когда шведскій сеймъ не согласился въ прошломъ 58 году на предложеніе короля о полной свободѣ вѣроисповѣданій, швейцарскія газеты были наполнены горячими статьями, изъ которыхъ было видно, что здѣшнія протестантскія и католическія корпораціи находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими собратьями въ другихъ частяхъ Европы.

И при всемъ томъ, Швейцарія есть страна могучей національности: различіе языка и религіи замѣняется единствомъ прекрасной исторіи, единствомъ борьбы за свободу

и четырехсотлѣтнимъ пользованіемъ ею. Эта исторія и эти учрежденія положили на итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ общій, нивелирующій типъ, который прежде всего кидается въ глаза: женевецъ, говорящій чистымъ французскимъ языкомъ, несравненно ближе къ цюрихцу-нѣмцу, нежели къ своему сосѣду и соплеменнику — французу. Духъ политическихъ учрежденій прошелъ въ глубь народа — въ его нравы, привычки, и обособилъ его отъ другихъ. Въ этомъ случаѣ Швейцарія служитъ важнымъ и единственнымъ примѣромъ образованія твердой національности чрезъ политическую жизнь — изъ различныхъ народностей, которыя сохраняютъ свой языкъ и религію. Поставленная на рубежѣ трехъ великихъ народностей — французской, нѣмецкой и итальянской, она была во всѣ времена убѣжищемъ для ихъ свободы, и религіозной, и умственной, и политической.

Что за политическая форма есть швейцарская конфедерація? Въ политической наукѣ различаются двѣ формы конфедераціи: Bundesstaat (союзное государство) и Staatenbund (союзъ государствъ). Подъ первымъ именемъ разумѣется та форма государственной жизни, гдѣ различныя части имѣютъ полную внутреннюю самостоятельность (автономію), т. е. право издавать законы, собирать подати, право независимой администраціи и проч.; но въ отношеніи къ другимъ государствамъ и къ великимъ внутреннимъ вопросамъ союзъ составляетъ одно цѣлое: только союзное правительство имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ, бить монету, оно содержитъ регулярную армію и флотъ и проч. Образцомъ Bundesstaat служатъ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Германія представляетъ примѣръ Staatenbund: каждый членъ этого союза есть вполнѣ самостоятельное государство, которое можетъ заключать трактаты съ иностранными державами, имѣть какую угодно форму правленія, даже вести войну и проч. Союзный сеймъ вовсе не есть представитель германской націи, а конференція уполномоченныхъ сорока германскихъ великихъ, среднихъ и малыхъ государствъ, — и притомъ весь этотъ ап-

паратъ одна пустая форма, — всѣмъ распоряжаются Австрія и Пруссія, и нѣсколько Баварія. Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы покажемъ механизмъ этого чудовища, созданнаго Меттернихомъ. Швейцарская конфедерація есть дѣйствительное существо; ее ставятъ нѣкоторые нѣмецкіе систематики по серединѣ между Staatenbund и Bundesstaat. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о политическомъ чинѣ Швейцаріи, посмотримъ на ея конституцію.

Хотя предисловіе конституціи говоритъ о швейцарской націи *), но первая статья прямо показываетъ, что начало независимости кантона преобладаетъ надъ союзнымъ: «*Народы* двадцати двухъ суверенныхъ кантоновъ Швейцаріи: Цюриха, Берна, Люцерна, Ури, Швица, Унтервальдена, Глариса, Цуга, Фрейбурга, Золотурна (Солеръ), Базеля (Баль), Шафгаузена, Аппенцеля, Сен-Галля, Гриссона (Граубинденъ), Ааргау (Аргови), Тургау (Тургови), Тессина, Водъ (Ваатландъ), Вале, Невшателя (Нейбургъ) и Женевы **), — соединенные настоящимъ союзомъ, составляютъ вмѣстѣ швейцарскую конфедерацію.» Цѣль союза— обезпеченіе внѣшней безопасности, внутренняго порядка и развитіе свободы и благостоянія.

Союзное правительство состоитъ изъ федеральнаго собранія (assemblée fédérale)—власти законодательной и федеральнаго совѣта (conseil fédéral)—власти исполнительной.

Федеральное (законодательное) собраніе состоитъ изъ двухъ палатъ, или, какъ онѣ называются въ Швейцаріи,

*) „Au nom de Dieu tout puissant, la confédération Suisse voulant affermir l'alliance des confédérés, maintenir et accoroitre l'unité, la force et l'honneur de la nation Suisse“ etc.

**) Число кантоновъ—двадцать два—утверждено конституціей 1815 года, но послѣ этого времени нѣкоторые кантоны раздѣлились на два самостоятельные, именно: кантонъ Базель—на Базель-городъ и Базель-сельскій (Bâle-campagne), Унтервальденъ—на верхній и нижній, Аппенцель—на Rhodes extérieurs и Rhodes intérieurs. Конфедерація признала эти части за самостоятельные кантоны во всемъ, но права посылать по два депутата въ совѣтъ государствъ имъ не дала, каждая половина посылаетъ только по одному, оттого они называются въ отношеніи къ конфедераціи полукантонами. Итакъ самостоятельныхъ кантоновъ теперь двадцать пять, но число представителей въ совѣтѣ государствъ осталось прежнее.

совѣтовъ: національнаго (Conseil national, палата депутатовъ) и совѣта государствъ (Conseil des Etats).

Вопросъ объ устройствѣ законодательной власти принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ политикѣ. Опытомъ вѣковъ дознано, что двѣ палаты лучше одной, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Въ Англіи парламентъ всегда состоялъ изъ двухъ палатъ: лордовъ и депутатовъ; ея примѣру слѣдуютъ всѣ новыя парламентарныя государства. Въ двухъ палатахъ находятъ болѣе данныхъ для обезпеченія свободы: одна можетъ легко увлекаться, она всегда представляетъ интересы настоящаго дня, а главное, — только при двухъ палатахъ возможно равновѣсіе властей законодательной и исполнительной: въ противномъ случаѣ — при столкновеніи нѣтъ посредника, и одна изъ нихъ легко можетъ поглотить другую. Но для этого необходимо, чтобы первая (верхняя) палата имѣла свою физіономію, представляла бы по своему составу другое начало, нежели палата депутатовъ,—иначе это будетъ одно собраніе, перегороженное стѣною, только помѣха въ движеніи законодательной власти. Англія достигла этого раздѣленія тѣмъ, что обладаетъ могущественной поземельной аристократіей, поэтому палата лордовъ представляетъ наслѣдственную незасимую аристократію, съ небольшой прибавкой пожизненной, въ противуположность палатѣ общинъ, состоящей изъ депутатовъ народа, выбираемыхъ на срокъ. Оттого въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ такихъ общественныхъ условій, какъ въ Англіи, образованіе первой палаты искусственное, натянутое, и все зданіе парламентаризма не представляетъ той прочности.

Отъ этого Франція, въ которой революція 89 года уничтожила и аристократію (въ настоящемъ смыслѣ этого слова), и территорьяльныя особности, никогда не могла создать двухъ-палатнаго представительства. Оставляя въ сторонѣ абсолютную годность принципа двухъ палатъ, замѣтимъ, что въ конфедераціяхъ онъ является существенно необходимымъ. Великая американская и небольшая швейцарская республика — союзъ множества самостоятельныхъ

единицъ (кантоны, штаты), далеко неравныхъ по населенію. Такъ, въ числѣ швейцарскихъ кантоновъ, Бернъ имѣетъ 458,000 жителей, а Цугъ всего 17,500. Если бы существовала одна палата депутатовъ, естественно избираемыхъ по количессву народонаселенія, то большіе кантоны числомъ представителей совершенно бы подавляли малые и одни бы управляли союзомъ: пять кантоновъ — Бернъ, Цюрихъ, Ваадтъ, СентъГалль, Ааргау—имѣютъ болѣе населенія, нежели остальные семнадцать. Поэтому, только съ устройствомъ двухъ камеръ можно достигнуть двухъ началъ: сохраненія самостоятельности каждаго члена союза и національнаго единства. Національный совѣтъ (палата депутатовъ) выражаетъ собою швейцарскую націю; онъ состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ по одному на 20,000 жителей *), слѣдовательно изъ 240 членовъ (народонаселеніе Швейцаріи по переписи 1850 года простирается до 2,400,000 **). Совѣтъ государствъ (соотвѣт-

*) Кантоны, въ которыхъ менѣе 20,000 жителей, все-таки посылаютъ одного депутата.

**) Такъ какъ необходимо знать число жителей въ кантонахъ, для яснаго пониманія политическаго устройства, то представляемъ здѣсь роспись народонаселенія, по ревизіи 1850 года, въ круглыхъ цифрахъ:

Цюрихъ	250,700.
Бернъ	458,000.
Люцернъ	132,800.
Ури	14,500.
Швицъ	44,170.
Оба Унтервальдена	25,100.
Гларисъ	30,200.
Цугъ	17,500.
Фрибургъ	100,000.
Солотурнъ	69,700.
Базель-городъ	29,700.
Базель-сельскій	47,900.
Шафгаузенъ	35,300.
Аппенцель:	
Rhodes extérieurs	43,620.
Rhodes intérieurs	11,270.
Сентъ-Галль	169,600.
Гриссонъ	90,000.
Ааргау	200,000.
Тургау	89,000.

ствуетъ сѣверо- американскому сенату) состоитъ изъ сорока четырехъ членовъ: по два депутата съ каждаго кантона, не смотря на различіе въ народонаселеніи. *)

Исполнительная власть вручена не одному лицу, какъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ или бывшей французской республикѣ, а совѣту изъ семи членовъ **). Члены исполнительнаго совѣта (conseil fédéral) избираются парламентомъ, то есть обѣими палатами, изъ всѣхъ швейцарскихъ гражданъ, впрочемъ такъ, чтобы изъ одного и того же кантона не было болѣе одного человѣка.

Права и обязанности федеральнаго собранія слѣдующія:

1) Оно одно имѣетъ право объявлять войну, заключать трактаты, посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ. Отдѣльные кантоны могутъ только заключать съ сосѣдними государствами договоры, касающіеся предметовъ второстепенныхъ, напримѣръ полиціи; даже между собою кантоны не могутъ заключать частныхъ политическихъ трактатовъ .Въ случаѣ внезапнаго нападенія кантоны могутъ обороняться и до прибытія федеральной силы.

2) Каждый кантонъ есть суверенное государство и поэтому можетъ дать себѣ конституцію, но съ слѣдующими ограниченіями: a) чтобы кантонская конституція не заключала въ себѣ ничего, противнаго правамъ федеральной; d) чтобы она была республиканской формы; c) чтобы она бы-

Тессинъ	117,750.
Ваадтъ	200,000.
Вале	81,600.
Невшатель	70.750.
Женева	61.150.
Итого. . .	2.392.000.

Въ томъ числѣ 971,000 католиковъ и 1,417,000 протестантовъ.

*) Наши газеты обыкновенно называютъ его „государственнымъ совѣтомъ", и тѣмъ даютъ читателю совершенно невѣрное понятіе о его составѣ и значеніи.

**) Предсѣдатель этого совѣта носитъ громкій титулъ президента конфедераціи (président de la confédération). Но это названіе не должно вводить въ заблужденіе,—онъ не имѣетъ никакой особенной власти, кромѣ почета. Онъ, и вице-президентъ избираются федеральнымъ собраніемъ на одинъ годъ, и не могутъ быть въ тѣхъ же должностяхъ на слѣдующій годъ. Таково недовѣріе швейцарцевъ даже и къ тѣни исполнительной власти.

ла принята народомъ (а не одной только палатой) и чтобы въ ней была статья, допускающая ея ревизію, когда большинство гражданъ того захочетъ. Поэтому кантонъ долженъ представить свою конституцію на расмотрѣніе федеральнаго собранія, которое утверждаетъ ее только тогда, когда она согласна съ исчисленными условіями. Такъ напримѣръ, пятьдесятъ осьмая статья цугской конституціи, по которой великому совѣту этого кантона предоставлялось право объявлять войну, была уничтожена федеральнымъ собраніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація гарантируетъ каждому кантону его конституцію отъ нарушенія со стороны властей, партій и проч. Такъ, попытка невшательскихъ роялистовъ была casus foederis для вмѣшательства федеральной силы.

3) Такъ какъ на обязанностяхъ союза лежитъ внѣшняя защита, то военная сила находится въ его распоряженіи. Опытъ вѣковъ доказалъ, что политическая свобода шатка въ государствѣ, гдѣ правительство имѣетъ подъ рукою огромную регулярную военную силу. Отъ того въ Англіи такая антипатія къ постоянной арміи; оттого во Франціи такъ шатки политическія учрежденія. Единственный король Франціи, при которомъ представительныя учрежденія были сильны, былъ тотъ, который, разсматривая отчетъ военнаго министра о громадныхъ военныхъ силахъ, сказалъ: «Какъ прекрасно имѣть въ своей власти такія силы — и не пользоваться ими». Въ конфедераціи вопросъ о военной силѣ еще сложнѣе: если большая постоянная военная сила будетъ находиться въ рукахъ центральнаго правительства, тогда оно легко можетъ уничтожить или ограничить самостоятельность кантоновъ; если же кантонамъ предоставить право развивать неограниченно свои военныя силы,—тогда большіе изъ нихъ могутъ подавить малые и вообще будутъ управлять союзомъ, — подобно тому, какъ Пруссія и Австрія подчиняютъ себѣ остальныя германскія государства. Поэтому весьма любопытна швейцарская военная организація.

Она состоитъ въ слѣдующемъ: 1) конфедерація не имѣетъ права содержать постоянной арміи (сѣверо-американская имѣетъ это право); 2) каждый кантонъ, каково бы ни было его пространство и народонаселеніе, не можетъ имѣть болѣе 300 человѣкъ постояннаго войска (не считая впрочемъ полицейскихъ жандармовъ); 3) федеральная армія состоитъ изъ ополченій кантоновъ, созываемыхъ во время войны; каждый кантонъ поставляетъ по три человѣка со ста душъ населенія и кромѣ того полтора процента резерва, а въ случаѣ крайности можетъ быть призванъ на федеральную службу и второй резервъ (Landwehr). Слѣдовательно, военныя силы, которыми можетъ располагать конфедерація, состоятъ изъ 72,000 отборнаго войска (l'élite), 36,000 перваго резерва и неопредѣленнаго числа втораго *). Центральное правительство обязано обучать артиллерію, инженеровъ, кавалерію, и для этой цѣли имѣетъ право учреждать военныя школы. Оно обязано доставлять военные матерьялы, содержитъ штабъ, учреждаетъ ежегодные маневры и прочее.

Цеховые мастера военнаго дѣла недовольны такой организаціей: по ихъ мнѣнію, армія, составленная изъ ополченій, хотя и обученныхъ, не можетъ сравняться съ тою, которая постоянно живетъ лагеремъ; въ ней не можетъ быть ни того возвышеннаго духа, какимъ обладаютъ зуавы, готовые вырѣзать Парижъ, ни любви къ крови, ни предпочтенія знамени учрежденіямъ родины и т. д. Постоянная армія есть зло, конечно необходимое для многихъ государствъ, безъ нея нельзя вести наступательной войны. Но счастливы тѣ народы, которые по политическимъ условіямъ могутъ имѣть въ виду только оборонительную. Швейцарія именно въ такомъ положеніи. Надобно впрочемъ замѣтить, что Швейцарія обладаетъ лучшими военными средствами, нежели можно было бы ожидать отъ страны,

*) Союзъ имѣетъ въ настоящее время оружія и экипировки на 200,000 человѣкъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ швейцарцы. Артиллерія въ отличномъ состояніи, пѣхота, особенно стрѣлки, также; кавалерія очень немногочисленна.

гдѣ существуетъ только ополченіе. Во-первыхъ, швейцарцы по природѣ стрѣлки, слѣдовательно то, чего въ другихъ государствахъ достигаютъ при большихъ расходахъ на содержаніе стрѣлковыхъ баталіоновъ и на обученіе стрѣльбѣ пѣхоты, достигается здѣсь само собою. Въ Швейцаріи есть множество стрѣлковыхъ обществъ; ежегодно назначаются въ каждомъ кантонѣ дни для общей стрѣльбы, разумѣется, съ призами,—есть и національный тиръ, куда сходятся тысячи швейцарскихъ стрѣлковъ. Кто бывалъ въ Швейцаріи, тотъ помнитъ эти свободныя и одушевленныя собранія, помнитъ импровизированные отряды, которые, съ знаменемъ своего города, спѣшатъ, распѣвая патріотическія пѣсни, на общую сходку. Во-вторыхъ, множество швейцарцевъ служатъ офицерами въ Алжирѣ, въ англійской и голландской арміяхъ; а въ Неаполѣ и Римѣ до послѣдняго времени было 20,000 швейцарскихъ солдатъ *). Слѣдственно Швейцарія не имѣетъ недостатка въ опытныхъ офицерахъ и солдатахъ, и притомъ съ тою выгодою, что эта опытность пріобрѣтается не на счетъ учрежденій родины.

4) Федерація имѣетъ свою кассу; для покрытія союзныхъ расходовъ, сверхъ чрезвычайныхъ взносовъ отъ кантоновъ, она имѣетъ три регаліи: почтовую, выдѣлку и продажу пороха, таможенную.

5) Федерація объявляетъ обязательными для всѣхъ кантоновъ слѣдующія постановленія, гарантирующія личныя права и общность швейцарской націи: 1) гражданинъ одного кантона каждаго христіанскаго вѣроисповѣданія можетъ свободно поселиться въ другомъ кантонѣ, и пользуется тамъ

*) Въ 1859 году изданъ союзный законъ, запрещающій, подъ страхомъ лишенія на нѣсколько лѣтъ политическихъ правъ и другихъ наказаній, военныя капитуляціи, то есть вступленіе цѣлыхъ швейцарскихъ отрядовъ въ иноземную службу, причемъ они сохраняли знамена своего кантона, названіе швейцарскихъ полковъ и проч. Причина этого запрещенія состояла въ томъ позорѣ, который навлекали на Швейцарію эти войска, служа итальянскимъ деспотическимъ правительствамъ противъ ихъ несчастныхъ подданныхъ. Федеральное правительство показало въ этомъ случаѣ много мужества и благородства. Вступленіе по одиночкѣ въ иностранную службу не запрещено.

всѣми политическими правами, наравнѣ съ прочими гражданами; 2) кантоны не имѣютъ права лишать кого-нибудь изъ своихъ гражданъ права происхожденія (droit d'origine) и гражданства; 3) они не могутъ стѣснять свободнаго отправленія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; 4) книгопечатаніе свободно: кантоны могутъ опредѣлять только мѣры къ прекращенію злоупотребленій, но эти мѣры должны быть представлены на утвержденіе союзной власти; 5) право свободной ассоціаціи; 6) право представленія прошеній (le droit de pétition) кантональной или центральной власти; 8) не можетъ быть учреждено чрезвычайныхъ судилищъ, но всякій долженъ быть судимъ своимъ законнымъ судомъ; 8) за политическія преступленія не можетъ быть назначено смертной казни *); 9) орденъ іезуитовъ не можетъ существовать въ Швейцаріи; 10) рѣшеніе гражданскаго суда одного кантона обязательно въ другомъ; 11) выдача преступниковъ обязательна для кантоновъ, — за исключеніемъ политическихъ; 12) федерація принимаетъ мѣры къ осѣдлости людей безъ отечества (Heimathlosen) **) и къ воспрепятствованію образованія вновь этихъ бѣлыхъ цыганъ.

Вслѣдствіе этого, по 74 параграфу конституціи, къ компетенціи федеральнаго собранія принадлежатъ: 1) законы и декреты для приведенія въ исполненіе федеральной конституціи, въ особенности составленіе избирательныхъ округовъ и формы избранія депутатовъ, законы объ организаціи федеральныхъ властей и суда присяжныхъ; 2) опредѣ-

*) Честь перваго провозглашенія этого начала принадлежитъ временному правительству французской республики 1848 года.

**) Гейматлозами (les gens sans patrie), то есть людьми безъ отечества называются тѣ швейцарцы, которыхъ предки, по разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, потеряли права членовъ общины (наши старинные—изгои, казаки, гулящіе люди); это племя нищихъ, отверженцевъ. Ни одна община не соглашается ихъ принять, потому что они составляли бы для нея тяжесть. Отъ того несчастные гейматлозы ведутъ кочевую жизнь. Такъ какъ они не члены общины, то поэтому и не граждане кантона, а слѣдственно и неполноправные швейцарскіе граждане. По конституціи предоставлено федеральному правительству устроить участь этихъ несчастныхъ (число которыхъ не превышаетъ впрочемъ нѣсколькихъ сотенъ), но средства его весьма ограничены.

леніе жалованья федеральнымъ чиновникамъ, установленіе вновь необходимыхъ федеральныхъ должностей; 3) избраніе исполнительнаго совѣта, федеральнаго суда, главнокомандующаго арміей, начальника штаба, дипломатическихъ агентовъ; 4) признаніе иностранныхъ государствъ; 5) союзы и другіе трактаты съ иностранными государствами; 6) принятіе мѣръ для внѣшней безопасности, для поддержанія независимости и нейтралитета *) Швейцаріи, объявленіе войны и заключеніе мира; 7) гарантія кантональныхъ конституцій, вмѣшательство вслѣдствіе этой гарантіи, мѣры для внутренняго спокойствія, амнистія и право помилованія **); 8) мѣры для поддержанія уваженія къ конституціи; 9) законы о военной организаціи, обученіе войскъ, распоряженіе арміей; 10) составленіе федеральнаго бюджета, распредѣленіе по кантонамъ и распоряженіе военнымъ фондомъ, займы; 11) законы о таможняхъ, почтахъ, монетѣ, вѣсахъ и мѣрахъ, выдѣлкѣ и продажѣ пороха, оружія и военныхъ снарядовъ; 12) постройка сооруженій военныхъ или другаго рода, важныхъ для всего союза; 13) законы о геймагтлозахъ, наблюденіе за иностранцами, принятіе мѣръ для охраненія народнаго здравія въ случаѣ повальныхъ болѣзней; 14) наблюденіе за правильнымъ теченіемъ союзныхъ администрацій и суда (tribunal fédéral); 15) разсмотрѣніе жалобъ кантоновъ или отдѣльныхъ гражданъ на дѣйствія центральной исполнительной власти; 16) споры кантоновъ между собою, если они имѣютъ политическій характеръ (а если частный, напримѣръ споръ о землѣ, то дѣло принадлежитъ федеральному трибуналу); 17) вопросъ о компетенціи, между прочимъ рѣшенія: принадлежитъ ли извѣстное дѣло вѣдомству конфедераціи,

*) Нейтралитетъ Швейцаріи гарантированъ вѣнскимъ конгрессомъ, но конечно этотъ принципъ только до тѣхъ поръ будетъ уважаться, пока Швейцарія будетъ готова защищать его съ оружіемъ въ рукахъ,—какъ она и поступила въ послѣднюю войну.

**) Федеральное собраніе имѣетъ право амнистіи и помилованія только относительно тѣхъ преступленій, которыя подлежатъ суду федеральнаго трибунала (преступленія федеральныхъ чиновниковъ въ отправленіи должности, противъ конституціи и т. д.).

или кантона, — вѣдомству федеральнаго совѣта (центральной исполнительной власти), или федеральнаго трибунала; 18) ревизія конституціи *).

Обѣ палаты федеральнаго собранія избираются на три года и возобновляются интегрально. Каждая изъ нихъ имѣетъ своего президента и вице-президента; дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Палаты собираются ежегодно одинъ разъ, — обыкновенно на іюль мѣсяцъ; онѣ могутъ быть, кромѣ того, собраны экстраординарно, по призыву исполнительнаго совѣта, по требованію четырехъ депутатовъ или пяти кантоновъ. Для изданія закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ, которыя разсуждаютъ отдѣльно; но для избранія членовъ исполнительной власти, федеральнаго трибунала и сановниковъ онѣ соединяются въ одно собраніе. Законодательная инниціатива принадлежитъ каждому члену собранія,—каждый кантонъ пользуется тѣмъ же правомъ въ формѣ кореспонденціи. Члены обѣихъ палатъ считаются представителями всей швейцарской націи, а не того только кантона, гдѣ они избраны; они не могутъ быть связаны какими-либо инструкціями **). Они получаютъ вознагражденіе за труды: члены національнаго совѣта (палата депутатовъ) изъ федеральной кассы, члены совѣта государствъ — каждый изъ своего кантона. Выборы въ члены федеральнаго собранія прямые; право избирать имѣетъ каждый швейцарецъ, пользующійся въ своемъ кантонѣ гражданскими правами, если онъ не моложе двадцати одного года.

Исполнительная власть, какъ мы уже упоминали, принадлежитъ федеральному совѣту (conseil fédéral) изъ семи

*) Федеральная конституція можетъ быть ревизована во всякое время. Если одна палата желаетъ ревизіи, а другая нѣтъ, или если 50,000 гражданъ потребуютъ ревизіи, тогда вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли ревизовать, или нѣтъ? передается на рѣшеніе всего швейцарскаго народа, и если большинство отвѣтитъ утвердительно, тогда производятся новые выборы въ палаты, которыя немедленно по собраніи и приступаютъ къ ревизіи.

**) На этомъ основаніи федеральное собраніе уничтожило пятьдесятъ четвертую статью цугской конституціи, которая обязывала депутатовъ не только инструкціями, но и представленіемъ отчета.

членовъ. Они избираются на три года федеральнымъ собраніемъ въ соединенныхъ камерахъ изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ право быть депутатами. Члены этого совѣта имѣютъ входъ и право дѣлать предложенія въ обѣихъ палатахъ, подобно министрамъ конституціонныхъ государствъ. Федеральный совѣтъ не есть власть самостоятельная, какъ президентъ американскихъ штатовъ, — онъ вполнѣ подчиненъ федеральному собранію; притомъ самая его организація препятствуетъ той быстротѣ и силѣ, которая необходима для исполнительной власти и которая достигается только одноличнымъ составомъ. Онъ вообще управляетъ всѣми дѣлами, принадлежащими федеральному собранію: наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, внутренней и внѣшней безопасностью, и для этой послѣдней цѣли имѣетъ право, когда парламентъ не на сборѣ, собрать войско; но если потребуется собрать болѣе двухъ тысячъ войска или продержать его болѣе трехъ недѣль, то долженъ немедленно созвать парламентъ; онъ завѣдываетъ военною частью, финансами и прочимъ. Но во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ дѣйствуетъ по указанію парламента, только какъ исполнитель, и обязанъ, при каждомъ собраніи парламента, представлять ему рапортъ о своемъ управленіи. Словомъ, исполнительная власть въ Швейцаріи вовсе не самостоятельна, какъ напримѣръ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, а только коммиссія, которой парламентъ поручаетъ приводить въ исполненіе свои опредѣленія и вести дѣла. Впрочемъ, Швейцарія до сихъ поръ не чувствовала затрудненій отъ такого устройства исполнительной власти: малое пространство и быстрота сообщеній дѣлаютъ возможнымъ быстрое собраніе парламента.

Для отправленія федеральной юстиціи существуетъ верховный судъ (tribunal fédéral), по примѣру Сѣверо-американскихъ Штатовъ, хотя далеко не съ такимъ значеніемъ. Этотъ трибуналъ состоитъ изъ одиннадцати членовъ, избираемыхъ федеральнымъ собраніемъ. Какъ гражданскій судъ, онъ вѣдаетъ: 1) гражданскія тяжбы кантоновъ между собою, или конфедераціи съ кантономъ; 2) споры между

конфедераціей и корпораціями или частными лицами; 3) споры относительно гейматлозовъ. Для уголовныхъ дѣлъ ассизы составляются съ присяжными. Уголовному федеральному суду подлежатъ: судъ надъ федеральными чиновниками по преступленіямъ по должностямъ; измѣна, бунтъ или насиліе противъ федеральныхъ властей; преступленія противъ народнаго права; тѣ политическіе проступки, которые были причиною волненій или повели вмѣшательство федеральной силы; нарушеніе правъ, гарантированныхъ конституціей. При судѣ находится федеральная публичная министерія (прокуроръ).

Сіесъ сказалъ великое правило, которому должно слѣдовать при политической организаціи: diviser pour empecher la tyrannie, centraliser pour empecher l'anarchie (надобно раздѣленіе для того, чтобы избѣжать деспотизма, и нужна сильная центральная власть, чтобъ невозможна была анархія). Швейцарская федеральная конституція обладаетъ вполнѣ, можетъ быть даже слишкомъ, первымъ достоинствомъ; она обладаетъ въ достаточной степени и вторымъ, на столько, что при ней невозможны тѣ явленія, которыя губятъ испано-американскія республики. Послѣднія событія — столкновеніе съ Пруссіей въ 1857 г. показали достаточную силу центральнаго правительства; то же самое доказываетъ и внутренній порядокъ. По крайней мѣрѣ въ Швейцаріи незамѣтно стремленія къ усиленію центральной союзной власти въ ущербъ кантональному самоуправленію. Это понятно. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ есть страшное зло, которое грозитъ имъ гибелью — невольничество *), — зло, которое можетъ быть уничтожено только усиленіемъ центральной союзной власти; поэтому понятно тамъ существованіе сильной партіи, желающей этого усиленія. Въ Швейцаріи нѣтъ такихъ задачъ (нельзя же считать серьёзнымъ политическимъ дѣломъ нѣсколько сотъ гейматлозовъ), поэтому всѣ партіи довольны настоящей федеральной конституціей. А если обстоятельства покажутъ недостатки ны-

*) Писано въ 1859 году.

нѣшней организаціи, то Швейцарія обладаетъ лучшимъ средствомъ къ ихъ немедленному уничтоженію мирнымъ путемъ:—это средство заключается въ признаніи великаго начала ревизіи федеральной и кантональныхъ конституцій во всякое время.

II.

Непосредственная демократія и ея практическое значеніе.—Причины ея возможности только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи.—Конституція кантона Ури: общія положенія, майское собраніе, великій совѣтъ, исполнительный совѣтъ, кантональный и уголовный трибуналы.—Конституція обоихъ Унтервальденовъ.—Конституція Глариса.—Кантоны полу-представительной и полу-непосредственной демократической формы.—Заключеніе о малыхъ кантонахъ.

Кантоны представительной формы.—Бернъ.—Положеніе администраціи. Великій Совѣтъ.—Особенность въ составленіи рѣшенія.

Значеніе общинъ въ Швейцаріи.

Выводы о значеніи центральной власти для Швейцаріи.

Кантональныя конституціи въ настоящее время всѣ безъ исключенія чисто демократическія. Хотя во всѣхъ ихъ признанъ суверенитетъ народа, но между ними есть въ этомъ отношеніи замѣчательное различіе: въ однѣхъ этотъ суверенитетъ проявляется посредствомъ избранныхъ депутатовъ, въ другихъ непосредственно, т. е. весь народъ есть законодатель и верховный правитель. Античный міръ зналъ только непосредственную демократію, тамъ народное собраніе имѣло буквальное значеніе: сходка всѣхъ гражданъ республики была законодательнымъ собраніемъ; идея представительнаго правленія такой формы, гдѣ отъ имени всего народа, дѣйствуютъ нѣсколько десятковъ или сотенъ депутатовъ, не существовала въ немъ; она есть произведеніе новаго міра, потому что только въ новомъ мірѣ явились громадныя національности изъ мильоновъ и даже десятковъ мильоновъ людей, поселенныхъ на обширной территоріи, такъ что собраніе всего народа на одной площади сдѣлалось физически невозможнымъ. Кромѣ того, въ новыхъ государствахъ масса народа вовсе не имѣетъ того политическаго разви-

тія, которымъ обладали аѳиняне и римляне, она еще не способна вести сложные вопросы политики и законодательства; наконецъ экономическій бытъ новыхъ обществъ не тотъ, какъ античныхъ, гдѣ существованіе рабства и жизнь на счетъ государства доставляла гражданамъ возможность проводить время въ занятіи государственными дѣлами. Всѣ эти условія дѣлаютъ до такой степени невозможнымъ народное управленіе, что даже сама монтаньярская конституція Франціи 91 года не шла далѣе предоставленія народу права утвержденія и требованія ревизіи конституціи. Но то, что невозможно для большихъ государствъ, то весьма удобоприложимо къ такимъ крошечнымъ республикамъ, какъ напримѣръ Ури съ 14½ тысячами жителей, или Аппенцель (Внутреннихъ Родъ) съ одиннадцатью тысячами, гдѣ поэтому число активныхъ гражданъ не превышаетъ двухъ съ половиной тысячъ; а если исключить изъ этого числа отсутствующихъ, которыхъ всегда множество (въ военной службѣ иностранныхъ государствъ, по дѣламъ торговымъ и проч.), то, пожалуй, и эта цифра сократится вдвое. Чистая демократія существуетъ въ кантонахъ: Ури, Гларисѣ, обоихъ Унтервальденахъ и обоихъ Аппенцеляхъ; здѣсь законодательная власть прямо въ рукахъ народа. Такъ какъ въ сущности права народнаго собранія одинаковы во всѣхъ исчисленныхъ кантонахъ, то приводимъ здѣсь по этому предмету статьи одной изъ конституцій, именно — кантона Ури (конституція 1851 года, статьи 34—43).

«Верховная законодательная власть есть Майское Собраніе (Landsgemeinde). На этомъ собраніи народъ прямо выражаетъ свое самодержавіе.»

«Народъ въ отправленіи своей власти на майскомъ полѣ отвѣчаетъ только Богу и совѣсти. То, что опредѣлитъ большинство, то есть законъ для всего кантона.»

«Народъ долженъ руководствоваться не капризомъ и самовластіемъ безъ условій и границъ, но чувствомъ права и благомъ государства, — въ этомъ онъ долженъ присягнуть, приступая къ майскому собранію».

«Рѣшенія, принятыя большинствомъ на майскомъ собраніи, имѣютъ силу закона, и всѣ обязаны имъ повиноваться. Каждый гражданинъ можетъ представить возраженія. Но если рѣшеніемъ майскаго собранія нарушается частная собственность гражданина или гражданскія права, то онъ имѣетъ право сопротивленія; такое же право имѣютъ семь семействъ противъ нарушенія ихъ частныхъ правъ: въ такомъ случаѣ судебная власть, не обращая вниманія на народное рѣшеніе, вершитъ процесъ между народомъ и протестующими по совѣсти и присягѣ».

«Майское собраніе занимается только тѣми предложеніями, которыя будутъ представлены палатою или по крайней мѣрѣ семью гражданами».

«Майское собраніе происходитъ обыкновенно одинъ разъ въ году, въ первое воскресенье мая мѣсяца; но оно можетъ быть, сверхъ того, собрано по требованію правительственнаго совѣта (Landrath) или по просьбѣ семи гражданъ, одобренной палатою».

«Въ собраніи имѣютъ право голоса всѣ граждане не моложе двадцати лѣтъ».

Майскому собранію, какъ верховной государственной власти, принадлежитъ право: 1) утверждать и ревизовать конституцію; оно можетъ во всякое время дѣлать въ ней частныя измѣненія; но въ случаѣ общей ревизіи оно назначаетъ ревизіонный комитетъ, который представляетъ проектъ слѣдующему собранію; 2) утверждать или отвергать проекты федеральной конституціи; 3) измѣнять или вводить вновь налоги, преимущественно прямые; 4) отвергать или принимать представляемые палатою постоянные законы (гражданскіе и уголовные); оно можетъ уничтожить какой либо законъ; 5) оно имѣетъ право помиловать; 6) оно избираетъ всѣхъ сановниковъ и опредѣляетъ имъ жалованье.»

Майское собраніе есть верховная власть,—другія власти представительной формы суть: 1) законодательная—Великій Совѣтъ (Landrath), 2) исполнительная: Исполнительный Совѣтъ и подчиненная ему административная комиссія, 3)

судебная—Кантональный Трибуналъ (гражданскій) и Уголовный Трибуналъ.

Великій совѣтъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ общинами, по одному на триста душъ населенія; поэтому, по послѣднему счисленію, изъ сорока восьми депутатовъ, кромѣ того, президента (Landamann) и вице-президента, избираемыхъ всѣмъ народомъ на майскомъ собраніи, четырехъ членовъ исполнительнаго совѣта и президента кантональнаго трибунала. Великій совѣтъ избирается на четыре года и возобновляется интегрально. Депутаты, хотя избираются по общинамъ, суть представители всего кантона, и не могутъ быть связаны инструкціями. Великій совѣтъ собирается обыкновенно три раза въ годъ: въ маѣ, 28-го декабря и въ началѣ апрѣля, и, кромѣ того, въ чрезвычайныхъ случаяхъ по призыву исполнительнаго совѣта, президента, или семи депутатовъ. Великій совѣтъ есть власть законодательная, но только предварительная (par délégation). Онъ можетъ издавать законы только при нетерпящихъ отлагательства обстоятельствахъ, и въ такомъ случаѣ они исполняются какъ бы акты дѣйствительной законодательной власти, т. е. майскаго собранія. Но это продолжается до перваго майскаго собранія, которому великій совѣтъ представляетъ какъ эти законы, такъ и проекты новыхъ, и тогда только они получаютъ постоянную силу, когда утверждены этою верховною законодательною властію.

Другія права великаго совѣта слѣдующія: 1) онъ даетъ инструкціи для исполненія законовъ, заключаетъ договоры и конкордаты, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ администраціи, завѣдываетъ военною частію, финансами, попечительствомъ о бѣдныхъ, наблюдаетъ за трудомъ; 2) онъ составляетъ государственный бюджетъ и контролируетъ расходы, утверждаетъ общинныя смѣты приходовъ и расходовъ; 3) исполнительная власть представляетъ ему отчеты ежегодно и когда онъ того потребуетъ; въ важныхъ случаяхъ она спрашиваетъ у него инструкцій; военная сила для поддержанія внѣшней или внутренней безопасности не можетъ быть собрана безъ его разрѣшенія; великій совѣтъ назначаетъ

половину членовъ кантональнаго гражданскаго и всѣхъ уголовнаго суда; осужденный на смертную казнь имѣетъ право просить совѣтъ объ измѣненіи наказанія; 5) онъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, исключая важнѣйшихъ, назначеніе которыхъ принадлежитъ майскому собранію.

Исполнительная власть принадлежитъ исполнительному совѣту, который составляютъ шесть сановниковъ, избираемыхъ майскимъ собраніемъ,—именно: ландаманъ (президентъ великаго совѣта), вице-ландаманъ (вице-президентъ того же совѣта), знаменосецъ, воевода, казначей и директоръ публичныхъ работъ,—далѣе пять членовъ, избираемыхъ великимъ совѣтомъ изъ своей среды. Онъ избирается на четыре года, половина членовъ мѣняется каждые два года. Обязанности его: приводить въ исполненіе законы, управлять полиціей, администраціей, расходовать по утвержденному бюджету, составлять смѣту приходовъ и расходовъ и представлять ее на утвержденіе великаго совѣта, и наконецъ принимать всѣ мѣры, которыя, по ихъ маловажности, не требуютъ созванія великаго совѣта. Исполнительному совѣту подчинены двѣ комиссіи: 1) совѣтъ просвѣщенія, который состоитъ изъ десяти членовъ—пяти духовныхъ и пяти свѣтскихъ; 2) церковный совѣтъ, который составляютъ, подъ предсѣдательствомъ ландамана, четыре свѣтскихъ члена, назначаемыхъ великимъ совѣтомъ, два епископскіе комиссара и два члена, избираемые духовенствомъ. Церковный совѣтъ занимается дѣлами объ отношеніи государства къ церкви, сношеніями съ епископомъ, наблюдаетъ за расходомъ церковныхъ суммъ, и есть судъ о дѣлахъ брачныхъ и касающихся нравственности.

Судебная власть въ кантонѣ Ури, какъ и во всей Швейцаріи, состоитъ изъ выборныхъ на срокъ судей, такъ что судебной магистратуры во французскомъ смыслѣ этого слова не существуетъ. Въ кантонѣ, кромѣ мелкихъ судовъ, есть два центральныхъ: кантональный трибуналъ и уголовный. Кантональный состоитъ изъ одиннадцати членовъ, избираемыхъ на четыре года: шестеро избираются майскимъ собраніемъ и пятеро великимъ совѣтомъ изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ полноправіе, которые притомъ не занимаютъ должно-

стей въ исполнительномъ совѣтѣ,—для разграниченія двухъ властей—судебной и исполнительной, смѣшеніе которыхъ есть величайшее зло. Онъ судъ апелляціонный для гражданскихъ дѣлъ, ревизіонный и кассаціонный для уголовныхъ. Принципъ раздѣленія судебной власти отъ законодательной не проведенъ строго: на кантональный трибуналъ можно приносить жалобу великому совѣту за несоблюденіе предписанныхъ закономъ формъ. Уголовный трибуналъ подчиненъ кантональному: онъ судитъ безапелляціонно проступки, но въ судѣ по преступленіямъ онъ составляетъ только первую инстанцію, а послѣдняя есть кантональный трибуналъ. Тюрьмы находятся въ его завѣдываніи. Уголовный трибуналъ состоитъ изъ семи членовъ, назначаемыхъ великимъ совѣтомъ.

Въ другихъ кантонахъ прямой демократіи механизмъ еще сложнѣе. Такъ, въ Верхнемъ-Унтервальденѣ кромѣ майскаго собранія, великаго совѣта и исполнительнаго совѣта есть еще тройной совѣтъ, который состоитъ: 1) изъ членовъ великаго совѣта, 2) членовъ исполнительнаго совѣта и 3) ста десяти депутатовъ (по одному со ста двадцати-пяти душъ населенія). Онъ есть истолкователь законовъ и составитель проектовъ,—а великій совѣтъ есть только верховное правительственное мѣсто, и состоитъ изъ всѣхъ членовъ исполнительнаго совѣта и пятидесяти-пяти депутатовъ (по одному съ двухъ-сотъ шестидесяти душъ населенія),—исполнительный совѣтъ состоитъ изъ одиннадцати членовъ, назначаемыхъ майскимъ собраніемъ. Такимъ образомъ каждая высшая власть поглощаетъ въ своемъ составѣ низшую: великій совѣтъ поглощаетъ исполнительный и въ свою очередь оба вмѣстѣ поглощаются тройнымъ совѣтомъ, а этотъ послѣдній майскимъ собраніемъ,—и кантонъ съ четырнадцатью тысячами населенія обоего пола избираетъ во всѣ эти камеры сто семьдесятъ шесть депутатовъ, такъ что на восемьдесятъ душъ или на двадцать активныхъ гражданъ приходится одинъ депутатъ въ государственныя камеры (не считая тридцати членовъ верховнаго суда), такъ что въ Унтервальденѣ можно достигнуть титула депутата не съ такими хлопотами, какъ въ Англіи или во Франціи.

Въ другомъ Унтервальденѣ нижнемъ, нѣтъ тройнаго совѣта, но за то есть два майскихъ собранія: одно только для выборовъ (Landsgemeinde), другое законодательное (Nachgemeinde), исполнительный совѣтъ называется «еженедѣльнымъ» (Wochenrath). Судебная организація очень любопытна. Она состоитъ: 1) изъ уголовнаго трибунала,—это верховный уголовный судъ, онъ одинъ можетъ опредѣлять смертную казнь или другое тяжкое наказаніе; для изреченія смертной казни требуется три четверти голосовъ. Судъ этотъ состоитъ изъ всѣхъ членовъ великаго совѣта (пятидесяти-одного) и всѣхъ одиннадцати членовъ низшаго или присяжнаго суда; 2) судъ присяжныхъ — изъ одиннадцати членовъ; это высшій гражданскій судъ, и вмѣстѣ и безапелляціонный судъ по преступленіямъ, исключая важнѣйшихъ, относящихся къ компетенціи верховнаго суда; 3) полицейскій трибуналъ, соотвѣтствующій французскому tribunal de simple police, вѣдаетъ мелкіе проступки; 4) трибуналъ семи—вторая гражданская инстанція, судитъ безъ апелляціи иски ниже пятидесяти флориновъ; а первую инстанцію составляютъ мировые суды; 5) трибуналъ о брачныхъ дѣлахъ: онъ разсматриваетъ жалобы на приходскій совѣтъ въ отказѣ на бракъ; онъ состоитъ изъ пяти старшихъ членовъ присяжнаго суда и двухъ духовныхъ лицъ.

Въ кантонѣ Гларисѣ важную роль играетъ ландаманъ,—онъ даже болѣе нежели президентъ республики. Верховная власть кантона—майское собраніе; далѣе—совѣтъ изъ сорока пяти депутатовъ—власть исполнительная, а для текущихъ и маловажныхъ дѣлъ его во всемъ замѣняетъ государственная коммиссія изъ девяти членовъ, назначаемыхъ майскихъ собраніемъ,—она совершенно подчинена совѣту. Кромѣ того есть и тройной совѣтъ. Члены государственной коммиссіи вмѣстѣ и члены совѣта, а всѣ члены послѣдняго, съ прибавкою еще семидесяти депутатовъ, избираемыхъ народомъ и еще трехъ, избираемыхъ самимъ собраніемъ (всего сто семнадцать), составляютъ тройной совѣтъ, который приготовляетъ проекты законовъ, рѣшаетъ созва-

ніе военной силы и проч. Ландаманъ предсѣдательствуетъ во всѣхъ этихъ политическихъ собраніяхъ, начиная съ майскаго. Далѣе: онъ получаетъ всѣ пакеты, адресованные на имя предсѣдательствуемыхъ имъ собраній, хранитъ государственную печать, подписываетъ трактаты и конкордаты, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ и проч.

Всѣ другіе кантоны имѣютъ форму представительной демократіи; но во всѣхъ—принятіе конституціи зависитъ отъ согласія большинства народа, который можетъ также требовать ея ревизіи. А въ нѣкоторыхъ народъ вотируетъ новые налоги, или даже участвуетъ отрицательно въ законодательствѣ, имѣя право отвергнуть законъ, вотированный представительнымъ собраніемъ. Такъ по 43 статьѣ конституціи Базеля-Сельскаго (Bâle-Campagne) законъ, вотированный ландратомъ (законодательная палата), не прежде вступаетъ въ силу, какъ тогда, когда въ теченіи тридцати дней не было объявлено со стороны народа veto. Если же въ теченіи этого времени большинство народа въ общинныхъ собраніяхъ подаетъ письменно свое несогласіе,— то законъ считается несостоявшимся. Тоже самое и въ Тургау. Странное зрѣлище представляютъ кантоны чистой или непосредственной демократіи: каждый изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ селъ и мѣстечекъ, по количеству населенія онъ не составляетъ и четверти порядочнаго русскато уѣзда,—это большая волость. Но эта волость есть полное государство,—она имѣетъ право и законодательства, и верховнаго суда, и расправы, и внѣшнихъ сношеній. И вотъ въ ней являются не только совѣты для наблюденія за сельскими дорогами, школами и церквами, но и для изданія законовъ, трибуналы съ правомъ жизни и смерти, воеводы, министры и проч. Здѣсь всѣ великія учрежденія сокращаются микроскопически. Что это за палаты депутатовъ, гдѣ депутатъ приходится на двадцать человѣкъ гражданъ-пастуховъ? А если сосчитать еще всѣхъ членовъ общинныхъ и другихъ административныхъ совѣтовъ, да исключить тѣхъ гражданъ, которые въ отсутствіи, стариковъ и больныхъ, то чуть ли не всѣграждане занимаютъ какую-либо

политическую должность. Такое общество физически не можетъ найти силъ для отправленія того сложнаго механизма, который оно себѣ создало съ тою заботливостью и утрировкой, съ которою маленькій помѣщикъ устроиваетъ бытъ свой, когда хочетъ, во что бы то ни стало, подражать богачу. Эти государства не имѣютъ средствъ даже завести гимназію, не говоря уже объ университетѣ, ни провести желѣзной дороги, ни даже содержать своихъ, хотя великихъ, сановниковъ. Для правильнаго хода юстиціи необходимы апелляціонные суды и надъ ними кассаціонный судъ. Гдѣ все это возьметъ кантонъ Ури? Поэтому самобытное движеніе цивилизаціи невозможно въ такихъ пигмеяхъ. Ихъ спасаетъ одно то, что они члены швейцарской конфедераціи, слѣдственно—органически примыкаютъ къ жизни довольно большаго политическаго существа. Рѣшительно не понятно, какъ Ури, или Унтервальденъ справляется съ своимъ сложнымъ представительнымъ механизмомъ, тогда какъ для него мірская сходка и староста со старшинами были бы совершенно достаточны.

Въ другихъ кантонахъ, большихъ по населенію, форма представительная потому, между прочимъ, что майское собраніе всѣхъ гражданъ для кантона Берна, гдѣ болѣе 400,000 жителей, не возможно: могутъ ли 100,000 человѣкъ сойтись и разсуждать вмѣстѣ о вопросахъ законодательства? Эти кантоны уже походятъ на настоящія государства; политическій механизмъ ихъ движется правильно: вездѣ неизмѣнно наблюдается принципъ раздѣленія трехъ властей—законодательной, исполнительной и судебной, и эти власти имѣютъ дѣятелей довольно сильныхъ, потому что есть достаточно матерьяла, откуда ихъ можно взять. Разумѣется, чѣмъ больше кантонъ, тѣмъ лучше можетъ быть устроенъ его представительный механизмъ,—онъ будетъ наполняться не голыми цифрами, а политическими людьми, будетъ представлять идеи, партіи, словомъ—политическую жизнь.

Было бы утомительно и безполезно разсматривать порознь конституціи каждаго изъ двадцати двухъ представи-

тельныхъ кантоновъ. Ограничимся однимъ, показывая впрочемъ наиболѣе интересныя особенности другихъ. Возьмемъ самый большій изъ кантоновъ—Бернъ.

Кантонъ Бернъ есть демократическая республика, всѣ граждане свободны и равны въ своихъ правахъ, и съ двадцати лѣтъ пользуются политическими правами; но для того, чтобъ быть избраннымъ въ палату депутатовъ, требуется возрастъ двадцати пяти лѣтъ. Двѣ великія власти: исполнительная и судебная, строго отдѣлены одна отъ другой; центръ всего механизма составляетъ власть законодательная. Весьма важное начало положено въ устройствѣ администраціи. Во многихъ современныхъ государствахъ принята французская система, по которой администрація, подобно арміи, находится въ безусловномъ повиновеніи правительства; она можетъ назначать и смѣщать чиновниковъ, когда захочетъ, безотчетно. При такой системѣ административные чиновники конечно не могутъ имѣть никакой самостоятельности: они служатъ не общимъ интересамъ родины, а вкусу наличнаго правительства. Бернская конституція (статья 18) напротивъ того объявляетъ, что чиновникъ не можетъ быть отставленъ иначе, какъ по судебному приговору; начальство можетъ только устранить его на время и предать суду (не спеціальному, а общему). Другое важное начало въ устройствѣ бернской администраціи, это—право преслѣдовать злоупотребленія администраціи. По нѣкоторымъ конституціямъ, напримѣръ французской, чиновники за свои дѣйстія по должности, хотя бы они нарушали права гражданъ, не иначе могутъ быть преданы суду, какъ съ разрѣшенія правительства (государственнаго совѣта). Бернская конституція даетъ право каждому гражданину призвать въ судъ чиновника и, пожалуй, все правительство, если его дѣйствія нарушаютъ частныя и политическія права, но въ такомъ только случаѣ, если онъ докажетъ, что приносилъ жалобу на чиновника (или правительственное мѣсто) его высшему начальству и въ теченіи тридцати дней не получилъ удовлетворенія.

Законодательная власть принадлежитъ великому совѣту

(Grand Conseil), т. е. палатѣ депутатовъ, по одному на двѣ тысячи душъ народонаселенія. Палата избирается на четыре года; но она можетъ быть распущена и до этого времени и вмѣсто нея собрана новая, если большинство гражданъ того захочетъ, именно: если восемь тысячъ гражданъ подадутъ въ палату предложеніе, что они желаютъ новыхъ выборовъ, то немедленно это предложеніе пускается на голоса народа, и большинство рѣшаетъ—оставаться ли палатѣ, или слѣдуетъ избрать новую. Власть исполнительная подчинена въ своемъ общемъ направленіи законодательной; президентъ этой послѣдней имѣетъ право требовать во всякое время отъ исполнительной власти свѣдѣній о ея дѣйствіяхъ.

Атрибуты великаго совѣта слѣдующіе: 1) составленіе, изъясненіе, измѣненіе и отмѣна законовъ; составленіе военныхъ постановленій; опредѣленіе тарифовъ — почтоваго и другихъ, и жалованья; монетная система и курсъ иностранной монеты; подати и налоги; устройство общественныхъ должностей и штатовъ; право помилованія и амнистіи во всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ; право натурализаціи; заключеніе трактатовъ; 2) онъ имѣетъ высшее наблюденіе за администраціей: право требовать отчета отъ исполнительной власти, разсмотрѣніе и одобреніе ежегодныхъ отчетовъ о расходахъ и объ администраціи; составленіе бюджета; разрѣшеніе споровъ о неправильности выборовъ, представляемыхъ или избирательными собраніями, или исполнительнымъ совѣтомъ, или верховнымъ трибуналомъ; разрѣшеніе споровъ о компетенціи между высшими судебными и административными мѣстами; 3) разрѣшеніе расхода свыше пяти тысячъ франковъ, незанесеннаго въ бюджетъ; переуступка государственныхъ имуществъ (для этого необходимо большинство членовъ палаты, а не того числа, которое случайно будетъ находиться) *); государственные

*) По общему правилу представительныхъ собраній палата считается въ законномъ составѣ и можетъ отправлять свои обязанности, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе половины членовъ. Бернская палата состоитъ изъ двухъ сотъ депутатовъ, и — странное исключеніе изъ общаго прави-

займы; утвержденіе контрактовъ на соляной откупъ и на содержаніе почтъ; награды; 4) избраніе тѣхъ правительственныхъ мѣстъ, назначеніе которыхъ принадлежитъ ему по конституціи; опредѣленіе чиновниковъ, завѣдывающихъ какою-либо частію управленія на весь кантонъ; назначеніе начальника войска и производство въ чины, выше капитанскаго; назначеніе депутатовъ въ федеральное собраніе.

Законодательная иниціатива принадлежитъ каждому депутату. Конституція предписываетъ слѣдующія правила великому совѣту: каждый проектъ закона, о которомъ онъ будетъ разсуждать, должно предварительно довести до свѣденія народа; проектъ закона не иначе можетъ быть принятъ, какъ послѣ преній въ двухъ засѣданіяхъ, между которыми должно пройти по крайней мѣрѣ три мѣсяца. Великій совѣтъ собирается регулярно два раза въ годъ и экстраординарно — по призыву исполнительной власти, или по требованію президента или двадцати депутатовъ. Исполнительная власть подчинена законодательной. Великій совѣтъ избираетъ всѣхъ девять членовъ исполнительнаго совѣта на четыре года. Исполнительный совѣтъ управляетъ всѣми дѣлами государства; при немъ находится шесть департаментовъ (министерствъ): внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и полиціи, финансовъ, просвѣщенія, военныхъ дѣлъ, публичныхъ работъ, — каждымъ управляетъ одинъ изъ членовъ исполнительнаго совѣта. Далѣе, онъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, кромѣ тѣхъ, опредѣленіе которыхъ принадлежитъ великому совѣту. Что касается до судоустройства, то въ каждомъ округѣ находится окружный трибуналъ, а для всего кантона—верховный трибуналъ, изъ пятнадцати членовъ, избираемыхъ великимъ совѣтомъ изъ законовѣдцевъ на восемь лѣтъ (половина мѣняется каждые четыре года), а судъ по преступленіямъ уголовнымъ, политиче-

ла,—она считается въ законномъ составѣ, если присутствуютъ въ засѣданіи не сто одинъ, а всего восемьдесятъ членовъ, слѣдовательно законъ можетъ состояться, когда сорокъ одинъ депутатъ изъявитъ согласіе, но для отчужденія государственныхъ имуществъ необходимо большинство всѣхъ членовъ, то есть сто одинъ голосъ.

скимъ и по книгопечатанію производится присяжными.

Въ административномъ отношеніи кантонъ раздѣляется на округи. Въ каждомъ округѣ есть префектъ и представительное собраніе. Префекты назначаются исполнительнымъ совѣтомъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ окружнымъ собраніемъ.

Округи имѣютъ только административное значеніе. Другое дѣло общины — это есть коренное, органическое дѣленіе. Каждый швейцарецъ долженъ принадлежать къ какой либо общинѣ, безъ этого онъ не можетъ пользоваться гражданскими правами; собственно нѣтъ ни гражданина конфедераціи, ни гражданина кантона, — есть только гражданинъ членъ общины, который вслѣдствіе только этого есть гражданинъ кантона и наконецъ конфедераціи. Въ кантонѣ находятся представительныя учрежденія, но депутаты въ нихъ избираются по общинамъ, слѣдственно — кто не членъ общины, тотъ не можетъ быть избирателемъ. Отсюда это страшное явленіе — гейматлозы, люди безъ отечества, совершенно напоминающіе нашихъ древнихъ изгоевъ. Это потомки лицъ, потерявшихъ право членовъ общины по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ; они бродятъ по территоріи конфедераціи, какъ цыгане, имъ негдѣ преклонить голову, потому что кромѣ общины нѣтъ другой самостоятельной единицы: конфедерація есть союзъ кантоновъ, кантонъ есть союзъ общинъ. Гейматлозы — единственные подданные федеральнаго собранія. Поэтому понятна сорокъ третья статья федеральной конституціи, запрещающая лишать гражданина права происхожденія (droit d'origine); этимъ уничтожается тиранія общины и прекращается дальнѣйшее распространеніе гейматлозовъ.

Швейцарская община имѣетъ весьма любопытное экономическое устройство. Въ 1858 году одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ — «Русскій Вѣстникъ» — представилъ свой планъ общиннаго экономическаго устройства. Сущность его состоитъ въ томъ, что вся общинная земля въ нашихъ сельскихъ общинахъ должна быть раздѣлена на тягловые участки между наличными членами въ вѣчное и

потомственное владѣніе, но съ обязательствомъ — платить въ общинную кассу ежегодный оброкъ съ участка; этотъ сборъ должно раздѣлять поголовно (а не потягольно) между всѣми лицами, принадлежащими по своему происхожденію къ общинѣ, слѣдственно—такое устройство, которое до извѣстной степени, по мнѣнію журнала, избавитъ отъ пролетаріата, потому что каждый будетъ получать денежный доходъ, достаточный на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Такую именно цѣль имѣетъ швейцарское общинное устройство; только средства другія: не владѣльцы участковъ платятъ оброкъ (земля есть ихъ полная собственность), а каждая община имѣетъ свою общественную собственность, независимо отъ частной собственности ея членовъ; эта общинная собственность состоитъ въ выгонахъ, горахъ, лѣсахъ и проч.; она отдается въ арендное содержаніе, и доходъ (деньгами или натурою) дѣлится поголовно между всѣми членами общины. Встарину всѣ члены общины были поземельными собственниками, но впослѣдствіи, отъ естественныхъ причинъ—размноженія одной семьи и пр. — число ихъ сократилось на половину, и теперь въ швейцарскихъ общинахъ есть три рода членовъ: одни имѣютъ домъ и землю, другіе только домъ, третьи — ничего не имѣютъ. Но тѣмъ не менѣе и положеніе послѣднихъ безбѣдно, есть общины, гдѣ каждый получаетъ на свой пай изъ ежегоднаго общиннаго дохода отъ 300 до 600 и болѣе франковъ, тѣмъ болѣе, что теперь и вся неудобная общинная земля идетъ подъ постройку дачъ. Такъ напримѣръ одинъ англичанинъ заплатилъ Артской общинѣ 40,000 франковъ за право построить гостинницу на вершинѣ Риги-Кульмъ,— и вся сумма была раздѣлена по̀-ровну между всѣми членами общины. Понятно поэтому, какъ бобыли дорожатъ своимъ правомъ происхожденія отъ члена общины; понятно, съ другой стороны, и стремленіе поземельныхъ владѣльцевъ выживать изъ общины такого рода людей, которые право на пай основываютъ на одномъ происхожденіи: это и было причиною образованія гейматлозовъ.

Швейцарская община есть политическая единица: она

имѣетъ свой общинный совѣтъ, мірскую сходку, избираетъ судей и старшинъ, составляетъ свой бюджетъ; содержитъ школу, церковь и проч. Центральное, то есть кантональное, правительство имѣетъ только право общаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ общинѣ; оно заботится, чтобы общинныя земли не теряли своего назначенія. Но вообще общины самостоятельны.

Эта самостоятельность общинъ, это ихъ значеніе для гражданина отражается въ кантональныхъ конституціяхъ и намекаетъ на федеративное происхожденіе кантона, то есть, что встарину швейцарскія села, раздѣленныя природою, составляли чисто самостоятельныя общины. Въ кантональныхъ конституціяхъ часто встрѣчаются правила: чтобы каждая община, какъ бы она мала ни была, посылала депутата въ кантональный великій совѣтъ; далѣе, при выборѣ членовъ исполнительнаго совѣта, даже трибунала,— чтобы каждая община (или група малыхъ общинъ) имѣла здѣсь своего представителя, чтобы ландаманъ и вице-ландаманъ не были членами одной и той же общины и проч.

До какой степени кантоны сами по себѣ не достаточны для развитія цивилизаціи, и что высшія начала могутъ привходить къ нимъ только съ усиленіемъ федеральнаго правительства, показываютъ наглядно постановленія о религіи. Въ федеральной конституціи сказано, что всѣ швейцарцы одного изъ христіанскихъ исповѣданій пользуются полными и равными правами, но не дано того же нехристіанамъ тогда какъ въ Швейцаріи считается болѣе трехъ тысячъ евреевъ. Съ перваго разу можно было бы упрекнуть федеральную республиканскую конституцію въ этомъ противорѣчіи съ великой основой новой цивилизаціи—полной вѣротерпимостью и равенствомъ въ правахъ гражданъ всѣхъ религій, но если разсмотрѣть кантональныя конституціи, то выходитъ, что федеральная слишкомъ либеральна и очень рѣшительно пошла противъ духа многихъ кантоновъ. Во всѣхъ безъ исключенія кантональныхъ конституціяхъ встрѣчается на самомъ видномъ мѣстѣ статья о государственной религіи (католической или лютеранской),

которой одной оказывается всевозможное покровительство, а другія христіанскія исповѣданія только терпятся; а люцерискская конституція 1848 года (ст. 27) объявила даже, что только католики имѣютъ полныя гражданскія права (быть избирателями)! *).

Представляемъ любопытный по духу и стилю отрывокъ аппенцельской конституціи (Rhodes éxterieurs): «Евангелическо-лютеранская вѣра есть религія отечества. Строго совѣтуется всѣмъ жителямъ прилежно посѣщать божественную литургію и достойно праздновать дни воскресные и праздничные.» — Далѣе ст. 10-я: «Въ кантонѣ состоитъ судъ о нравственности (Ehegäumer) изъ пастора и двухъ капитановъ (т. е. старостъ). Онъ имѣетъ попеченіе о добрыхъ нравахъ и приличномъ поведеніи, о взаимномъ исполненіи родителями и дѣтьми своихъ обязанностей, отъискиваетъ супруговъ, которые разъѣхались», и проч. . . . Это уже переноситъ насъ въ ту до-христіанскую эпоху, когда нравственность и право еще смѣшивались.

Конституціи нѣкоторыхъ кантоновъ переносятъ насъ во времена давно минувшія, когда католицизмъ и протестантизмъ составляли два лагеря, замиренные общею сдѣлкою. Такъ напримѣръ, по 59 ст. ааргауской конституціи, половина членовъ верховнаго трибунала кантона должна быть изъ католиковъ, а другая изъ протестантовъ. Швейцарскій народъ чувствуетъ, что только усиленіе федеральной власти можетъ избавить его отъ множества несообразностей съ духомъ времени и удовлетворить потребностямъ цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи Швейцарія сдѣлала большой шагъ въ послѣднее время, а именно: федеральное правительство перестало кочевать, и установило свое постоянное мѣстопребываніе въ г. Бернѣ, который поэтому и называется теперь союзнымъ городомъ (Bundesstadt). Это придало ему болѣе твердости; далѣе,—федеральная конституція ограничила въ существенныхъ вопросахъ, касающихся правъ гражданина и

*) Само собою разумѣется, что эта статья была уничтожена федеральнымъ собраніемъ, какъ противная союзной конституціи.

формы правленія, суверенитетъ кантоновъ; она создала швейцарское національное представительство, потому что депутаты въ федеральную палату представителей (великій совѣтъ) избираются по числу населенія и получаютъ жалованье изъ федеральной кассы, а не отъ кантоновъ*); федеральное правительство взяло въ свое распоряженіе армію и ограничило кантоны содержаніемъ самаго ничтожнаго количества войска. Замѣтимъ, что оно получило по конституціи право учредить швейцарскій университетъ и политехническую школу, чѣмъ впрочемъ еще не воспользовалось. Повидимому, движеніе это будетъ идти и далѣе, то есть кантоны, напримѣръ, будутъ ограничены въ отправленіи правосудія учрежденіемъ общаго кассаціоннаго суда; произойдетъ единое гражданское и уголовное уложеніе и т. п.

Словомъ, движеніе прогреса, которое во многихъ европейскихъ государствахъ требуетъ ослабленія центра и приданія большой самостоятельности частямъ государственнаго тѣла, въ Швейцаріи требуетъ обратнаго—ослабленія самостоятельности частей и большей силы центра.

*) Значеніе жалованья не такъ ничтожно въ политическомъ отношеніи, какъ кажется съ перваго взгляда. Вспомнимъ остроумный отвѣтъ Талейрана Лудовику XVIII. Когда король читалъ ему проектъ конституціи и дошелъ до статьи: „депутаты не получаютъ жалованья“, Талейранъ поморщился.— „Вамъ это не нравится, сказалъ король. Но моя цѣль — чтобъ эти мѣста были почетныя.“ — „Такъ, государь, отвѣчалъ Талейранъ: — такъ.... но безъ жалованья, безъ жалованья.... это будетъ слишкомъ дорого!“

Государственное, административное и судебное устройство Франціи.

I.

Начала 89 года.—Права гражданина и человѣка.—Теорія трехъ властей. Конституція 1791 года. — Устройство Законодательнаго собранія.—Три начала для составленія представительства: народонаселеніе, пространство, цензъ.—Система всеобщей подачи голосовъ.—Система, принятая въ 1791 году.—Права Законодательнаго собранія. —Королевская (исполнительная) власть. — Устройство администраціи. — Судебное устройство. — Реформа въ брачномъ и наслѣдственномъ правѣ.

Мы должны отступить относительно Франціи отъ предположенной цѣли нашихъ статей—представить обзоръ только текстовъ нынѣ дѣйствующихъ конституцій. Франція отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ тѣмъ, что ея политическая исторія очень коротка, она не идетъ далѣе 1789 года; но за то нельзя говорить о ея настоящемъ, не начиная съ 1789 года. Великая революція провела цѣлую пропасть между идеями, правами и учрежденіями этой страны; она есть исходный пунктъ политическаго и юридическаго мышленія француза. Начала 89 года составляютъ въ политическомъ, юридическомъ и нравственномъ отношеніи коранъ новой Франціи; на нихъ основана политическая и юридическая интерпретація законовъ. Каждое правительство, а ихъ было много послѣ 89 года, и самыхъ разнообразныхъ, даже и самый бонапартизмъ признаетъ ихъ основою своей конституціи, хотя конечно въ другихъ статьяхъ высказываетъ такія положенія, которыя дѣлаютъ изъ нихъ мертвую букву. Но не одно только разсмотрѣніе началъ 89 года необходимо для

уразумѣнія текста нынѣ дѣйствующей конституціи,—необходимо также взглянуть и на всѣ другія, существовавшія во Франціи до послѣдняго времени. Съ 89 года Франція перемѣняла нѣсколько разъ форму правленія, сохраняя впрочемъ всегда принципы, положенные революціей; мало того, она по два раза повторяла каждую изъ нихъ: до 1815 она имѣла парламентарную монархію (констиція 1791 года) съ двумя отливами, республику, имперію; послѣ 1815 года опять тѣ же формы, съ тѣми же отливами, почти съ тѣми же переходными ступенями. Напримѣръ, Наполеонъ III повторилъ слово въ слово програму дяди: съ 18-мъ брюмеромъ (2-го декабря), съ десятилѣтнимъ президентствомъ и, наконецъ, съ имперіей. При каждомъ изъ этихъ повтореній мы встрѣчаемъ не только бывшія уже формы, но и теоріи, и людей, также думающихъ, чувствующихъ, иной разъ это даже тѣ же самыя лица (напр. Лафайетъ), говорящія то же самое,—какъ будто извѣстная политическая форма не вымирала, а только скрывалась подъ землей, и когда насталъ ея часъ, она вновь выходитъ въ полномъ вооруженіи. Ламартинъ мѣтко замѣтилъ, что въ 1848 году, послѣ провозглашенія республики въ Парижѣ, вся Франція перешла къ новой формѣ правленія такъ стройно и спокойно, какъ хорошо устроенная армія переходитъ на новую позицію: въ департаментахъ правительственные лица и совѣты сами собою удалились и на мѣсто ихъ безпрекословно вступили извѣстности республиканской партіи. Все это показываетъ ясно, что во Франціи борятся три партіи, три арміи, три политическія теоріи:—парламентарная монархія, республика, имперія, и еще неизвѣстно за кѣмъ будетъ окончательная побѣда. Эта борьба формы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба принциповъ свободы и авторитета; а еще глубже этихъ принциповъ лежитъ великая соціальная задача. Но соціальная партія до сихъ поръ не дѣйствовала самостоятельно; она двигалась за республиканской, потому что всѣ другія формы она считаетъ некомпетентными для разрѣшенія соціальной задачи. Ея значеніе и дѣятельность выходятъ изъ предѣловъ нашихъ статей, имѣющихъ цѣлью разсмотрѣніе только тѣхъ партій и теорій, которыя

выразились въ конституціяхъ.—Поэтому, излагая принципы 1789 года и содержаніе конституцій, бывшихъ съ тѣхъ поръ до нашего времени, мы не будемъ излагать *прошлое*, а настоящее; мы изложимъ такимъ образомъ корень, къ которому прикрѣпляется, законно или незаконно, нынѣшняя имперская конституція, и на ряду съ теоріей побѣдителя представимъ теоріи побѣжденныхъ, которые можетъ быть завтра будутъ побѣдителями.

Приступая къ изложенію началъ 1789 года, мы спѣшимъ замѣтить, что по ограниченности историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ въ нашей публикѣ господствуютъ самыя нелѣпыя мнѣнія; именно: добродушно смѣшиваютъ начала 1789 года съ тѣми, которыя проводилъ терроръ. Между тѣмъ какъ фанатики, каковы были Робеспіеръ и Маратъ, растоптали ихъ, вырѣзали людей 1789 года, убили во Франціи свободу, и, окончивши свои оргіи, сдали ее военному деспотизму Бонапарта. Начала 1789 года также виновны въ террорѣ и гильотинѣ, какъ христіанство въ инквизиціи и ауто-да-фе. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, совершенно разъясненнаго во французской политической литературѣ*); замѣтимъ одно: основный камень началъ 1789 года есть раздѣленіе и независимость трехъ властей—законодательной, исполнительной и судебной, между тѣмъ какъ система террора соединила всѣ власти, и притомъ не только государственныя, но—и религіозную! въ однѣхъ рукахъ, и представила міру такое политическое чудовище, которому не было подобнаго въ исторіи.

Начала 1789 года были результатомъ философіи XVIII и всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ; ихъ политическая сторона была изложена всего яснѣе у Монтескьё, ихъ сторона моральная преимущественно у Локе и Руссо. Еще прежде Франціи эти начала были приложены къ сѣверо-американской конституціи, и составили славу и безпримѣрное благополучіе великой за-атлантической республики. Въ настоя-

*) Напримѣръ у Мишле, въ его исторіи французской революціи. См. также превосходное сочиненіе: Essai sur la Révolution Française, par P. Lanfrey, 1858,— особенно XII и XIII главы.

ящее время трудно найдти страну, куда бы они не проникнули хоть однимъ лучомъ. Частица ихъ проникла и въ знаменитый наказъ Екатерины II. Теперь они день ото дня дѣлаются болѣе и болѣе господствующими въ Европѣ. Франціи принадлежитъ честь провозглашенія и приложенія ихъ въ той формѣ всеобщности, какъ началъ абсолютныхъ, которая составляетъ существенное свойство французскаго генія. Эти начала были выражены, хотя и не вполнѣ, въ конституціи 1791 года *). Мы говоримъ—не вполнѣ потому, что національное учредительное собраніе принуждено было сдѣлать важныя уступки правамъ тогдашняго общества.

Такъ какъ всякая конституція есть только механизмъ, имѣющій цѣлью гарантировать права гражданина, то національное собраніе 1789 года начало съ провозглашенія такъ называемыхъ правъ человѣка или естественныхъ правъ: политическаго равенства, личной свободы (права дѣлать все то, что не вредитъ другому; законъ можетъ запрещать только дѣянія вредныя для общества; никто не можетъ быть арестованъ, какъ только въ случаяхъ, прямо опредѣленныхъ закономъ; до приговора каждый обвиняемый считается невиннымъ и проч.), полной религіозной свободы, свободы слова и книгопечатанія, участія въ налогахъ, со-

*) Ясное и отчетливое изложеніе началъ, учрежденій и законовъ въ сферѣ политическаго, гражданскаго и административнаго права всей революціонной эпохи (1789 — 1804 годъ) читатель найдетъ въ сочиненіи профессора Лаферьера: Histoire des principes, des institutions et des lois pendant a révolution française, par M. F. Laferrière, Paris, 1852.

Тексты французскихъ конституцій мы будемъ цитовать по изданію Louis Tripier: Les constitutions françaises, Paris, 1849. Здѣсь помѣщены тексты конституцій, начиная съ конституціи 1791 до 1848 года включительно, а также и важнѣйшіе декреты. У Трипье помѣщенъ только одинъ голый текстъ; объясненный текстъ — см. въ курсахъ Дюфура, Лаферьера, Батби, — и наконецъ собраніе всѣхъ французскихъ конституцій, декретовъ и другихъ политическихъ актовъ, съ подробными и всесторонними объясненіями въ полномъ собраніи законовъ (съ 1789 г.), начатомъ Сиреемъ (Sirey) и вновь изданномъ и продолженномъ до 1853 г. адвокатами Devilleneuve и Carette: Recueil général des lois et des arrêts, avec notices et commentaires. Изъ сочиненій, спеціально разсматривающихъ исторію французскихъ конституцій, укажемъ на—Histoire du gouvernement parlamentaire—Дювержье де Горана и Histoire du gouvernement représentatif — графа Карне.

образно средствамъ; право ассоціаціи, право собираться безъ оружія для сужденій (митинги), право на помощь общества (сироты воспитываются на счетъ государства, бѣднымъ больнымъ дается вспомоществованіе, бѣднымъ здоровымъ работа), право на полученіе дароваго образованія въ той степени, которая необходима для каждаго человѣка; участіе каждаго гражданина въ законодательствѣ посредствомъ избранія депутатовъ; доступъ общественныхъ должностей для всѣхъ гражданъ,—только таланты и доблести даютъ преимущество *).

Основой конституціоннаго механизма 1791 года признано великое начало раздѣленія и независимости трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной. Это начало, до котораго дошла политическая философія древняго міра, было неизвѣстно въ средніе вѣка; оно начертано было Монтескьё и въ первый разъ было приложено въ сѣвероамериканской конституціи. Одновременно съ Америкой французское учредительное собраніе выработало и приложило его къ потребностямъ тогдашней монархической Франціи,—и съ тѣхъ поръ оно составляетъ камень всѣхъ французскихъ конституцій, и заимствовано всѣми другими государствами Европы, гдѣ была вводима представительная форма правленія. Власть законодательная была предоставлена собранію депутатовъ; но впрочемъ и король участвовалъ отчасти въ законодательствѣ посредствомъ своей санкціи законовъ; власть исполнительная — предоставлена королю; власть судебная—судьямъ, избираемымъ народомъ и притомъ безсмѣннымъ.

Разумѣется, что полная независимость этихъ властей на дѣлѣ существовать не можетъ, иначе государство управлялось бы трехъ-головымъ чудовищемъ, было бы осуждено на неподвижность. Но это сравненіе, которое враги разумной свободы, т. е. приверженцы деспотизма и анархисты, считаютъ весьма сильнымъ даже противъ самого принципа

*) См. Declaration des droits de l'homme et du citoyen (3 — 14 сентября 1791 года) у Трипье, стр. 8 — 13, и первый титулъ конституціи 1791 года, тамъ же, стр. 13 — 15.

раздѣленія и независимости, не можетъ относиться ни къ какой правильной конституціи. Естественно, что должно быть одно двигающее начало (principe moteur), одна власть, которая даетъ духъ и направленіе другимъ и въ случаѣ столкновенія имѣетъ перевѣсъ, не уничтожая однако же ихъ относительной независимости. На этомъ основаніи всѣ представительныя правленія раздѣляются на два рода: 1) въ однихъ—это двигающее и преобладающее начало дано исполнительной власти (правленіе представительное — gouvernement représentatif въ тѣсномъ смыслѣ слова, напримѣръ нынѣшнее французское), 2) въ другихъ — оно принадлежитъ законодательной палатѣ выборныхъ (правленіе парламентарное) *). Не входя въ оцѣнку этихъ комбинацій, мы замѣтимъ только, что онѣ опредѣляются не какимъ-нибудь отдѣльнымъ параграфомъ, а духомъ и положеніями всей конституціи. Какъ ни ново въ политикѣ великое положеніе о раздѣленіи и объ относительной независимости трехъ властей, но опытъ запада уже достаточно показалъ его силу; оно превосходно гарантируетъ свободу, даетъ правильность всѣмъ отправленіямъ государственнаго организма, по крайней мѣрѣ до-сихъ-поръ не найдено было ничего лучшаго **).

Конституція 1791 года была чисто парламентарная, — участіе исполнительной власти въ законодательствѣ было чрезвычайно слабо, а напротивъ того контроль и перевѣсъ законодательной власти надъ исполнительною весьма силенъ.

Начнемъ съ устройства законодательной власти.

Она предоставлена палатѣ депутатовъ подъ именемъ

*) Названія: конституціонное, представительное, парламентарное правительство — часто смѣшиваются, одно употребляется вмѣсто другаго. Но въ наукѣ строго различаютъ парламентарное отъ просто-представительнаго. Названіе "конституціонное правленіе" само по себѣ, грамматически не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія,—всякое правленіе есть конституціонное, то есть основанное на какихъ-нибудь учрежденіяхъ и законахъ; слово "конституція" значитъ: устройство.

**) Нѣкоторые находятъ этотъ механизмъ слишкомъ сложнымъ. Но эти любители простоты забываютъ, что всего менѣе сложенъ турецкій деспотизмъ, а потому простота не вездѣ хороша.

народнаго законодательнаго собранія (l'assemblée nationale législatif), изъ одной камеры. Депутаты избираются на два года въ числѣ семисотъ сорока пяти, кромѣ тѣхъ, которые будутъ назначены отъ колоній. Общее начало, что депутаты избираются по числу народонаселенія, подверглось любопытнымъ измѣненіямъ. Именно, число семьсотъ сорокъ пять было раздѣлено между восьмидесятью тремя тогдашними департаментами, сообразно не одному только количеству народонаселенія, но и двумъ другимъ началамъ — пространству и количеству платимыхъ податей: двѣсти сорокъ семь депутатовъ были раздѣлены по-ровну между восьмидесятью тремя департаментами (начало территоріяльное), каждый избиралъ трехъ депутатовъ (за исключеніемъ парижскаго, который избиралъ только одного), каково бы ни было его населеніе; двѣсти сорокъ девять избирались всей Франціей: королевство для этого было раздѣлено (въ умѣ) на двѣсти сорокъ девять ровныхъ по народонаселенію частей *), и каждый департаментъ назначалъ столько депутатовъ, сколько такихъ частей приходилось въ его населеніи; и наконецъ двѣсти сорокъ девять депутатовъ избиралось по количеству налога: вся сумма прямыхъ налоговъ была раздѣлена на двѣсти сорокъ девять частей, и каждый департаментъ избиралъ столько депутатовъ, сколько приходилось въ немъ этихъ частей. Слѣдовательно нормальное число депутатовъ съ каждаго департамента девять,—оно было болѣе, если департаментъ былъ богаче и населеннѣе; и на оборотъ: менѣе (отъ пяти до девяти), если его населеніе было менѣе $^1/_{83}$ населенія королевства и число платимыхъ налоговъ также менѣе $^1/_{83}$.

*) Эта сложная система выбора представителей была впослѣдствіи отброшена. Она была чисто-теоретическимъ стремленіемъ выразить въ представительствѣ не одно начало народонаселенія, числа,—но приложеніе этой теоріи было весьма неудачно. Что такое французскій департаментъ, чтобы непремѣнно нужно извѣстное равновѣсіе депутатовъ по департаментамъ? Дѣло другое—сѣверо-американскій штатъ: это живое цѣлое; а потому и необходимо, чтобы интересы этой единицы, если она мала по народонаселенію сравнительно съ другими, не оставались бы безъ достаточной защиты въ собраніи. Во Франціи только одно народонаселеніе есть живая основа для представительства.

Главнѣйшее условіе избирательной системы, а слѣдственно и прежде всего представительнаго правленія, состоитъ въ разумномъ устройствѣ права выборовъ. Депутаты должны представлять страну, ея интересы, ея нужды, ея желанія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ общій уровень образованія и нравственности массы достаточно [illegible], нѣтъ никакихъ причинъ дѣлать различіе между представителемъ и избирателемъ; но тамъ, гдѣ масса погружена въ невѣжество, гдѣ образованный слой не великъ, — предоставить дѣло избранія одному количеству, призвать всѣхъ поголовно къ выбору депутатовъ — это значило бы повести государство назадъ. Въ массахъ конечно есть великій политическій инстинктъ, который величественно обнаруживается въ важныя эпохи; но для регулярнаго отправленія обязанностей избирателя въ мирное время [illegible] образованія (мы разумѣемъ здѣсь не книжное ученіе, а образованіе моральное, гражданское, [illegible] способность понимать важность дѣла, независимость и проч.). [illegible] не можетъ быть допущена неограниченно безъ всякихъ опасеній: или она, взявши числомъ верхъ надъ образованною частью въ избирательномъ округѣ, будетъ выбирать не людей, отличныхъ по заслугамъ, уму, способностямъ, характеру, — а только своихъ; — или, и это всего чаще случалось, когда вся масса безъ различія была призываема къ выборамъ тамъ, гдѣ общій уровень образованія былъ низокъ, — она будетъ игрушкою интригановъ или исполнительной власти, и лестью, угрозами, обѣщаніями матерьяльныхъ выгодъ ее легко заставить сдѣлать такіе выборы, какіе захочется. Масса французскаго народа и теперь еще не вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ, необходимымъ для независимости избирателя. — Лучшее доказательство, что введеніе всеобщей подачи голосовъ въ 1848 году дало такого же рода представительство, какое было и при Людовикѣ-Филиппѣ, да и теперешній [illegible] есть также произведеніе всеобщей подачи [illegible]. [illegible] положе[illegible] теперь, то [illegible] году націо-

нальное собраніе не рѣшилось предоставить дѣло избранія одному числу.

Система, принятая конституціей 1791 года, состояла въ установленіи выборовъ на двухъ степеняхъ. Граждане были раздѣлены на двѣ категоріи: дѣйствительныхъ гражданъ (citoyens actifs) и избирателей. Къ первой категоріи принадлежали всѣ французы двадцати пяти лѣтъ, имѣющіе постоянное жительство въ городѣ или кантонѣ (осѣдлость) въ продолженіи извѣстнаго времени *), записанные въ національную гвардію, платящіе прямые налоги на сумму, равную по меньшей мѣрѣ трехъ-дневной заработной платѣ, и не находящіеся въ домашнемъ услуженіи (état de domesticité); далѣе, находящіеся подъ судомъ и слѣдствіемъ, и банкроты, нерасчитавшіеся съ кредиторами, не могли быть дѣйствительными гражданами.

Слѣдовательно, условія были самыя либеральныя. По нимъ исключались изъ списковъ дѣйствительныхъ гражданъ только нищіе (плата налоговъ, равная трехъ-дневной заработной платѣ, слѣдовательно не болѣе шести франковъ въ годъ), бродячее населеніе — лакеи и вообще домашняя прислуга, какъ люди лично зависимые, и притомъ надобно замѣтить, что на этомъ классѣ людей, замѣнившемъ рабовъ, лежитъ во всѣхъ слояхъ общества пренебреженіе. Условія были даже слишкомъ широки, они недостаточно очищали, — напримѣръ не наложено запрещенія, какъ въ послѣдующихъ конституціяхъ, на извѣстный срокъ для людей, наказанныхъ за воровство или за преступленія уголовныя **).

Совершенно другое замѣтимъ въ постановленіяхъ объ избирателяхъ (électeurs). Здѣсь начало [illegible]

*) Одного года, какъ опредѣлено однимъ декретомъ учредительнаго собранія.

**) Дѣйствительныхъ гражданъ считалось болѣе четырехъ мильоновъ. Такъ какъ народонаселеніе Франціи [illegible] мильоновъ обоего пола, то все число мужескаго народонаселенія, свыше двадцати пяти лѣтъ, не могло быть болѣе пяти мильоновъ (то есть одна четверть), слѣдовательно этими постановленіями исключалась всего одна пятая часть гражданъ, свыше этого возраста.

получило широкое значеніе. Со ста дѣйствительныхъ гражданъ избирался одинъ избиратель. Но только тѣ могли быть выбраны въ избиратели, которые въ городѣ обладали недвижимою собственностью (или нанимали) съ ежегоднымъ доходомъ (по податнымъ книгамъ) равнымъ 100, 150 и 200 дневной заработной платѣ (смотря по населенности города и титулу обладанія), а въ селахъ доходъ съ этой недвижимой собственности долженъ былъ быть равенъ ста пятидесяти-дневной заработной платѣ для владѣльца, и четырехъ-сотъ-дневной для фермера. Такимъ образомъ финансовыя условія для избирателей были въ тридцать, пятьдесятъ и даже сто тридцать разъ тяжелѣе, нежели для дѣйствительныхъ гражданъ. По этимъ условіямъ только люди достаточные (особенно въ селахъ) могли быть избирателями; ими устанавливалось то печальное раздѣленіе правъ гражданъ по имуществу, которое принесло впослѣдствіи столько вражды и бѣдствій. Если и справедливо, что древній и новый міръ не нашли другаго лучшаго признака для опредѣленія независимости гражданина и, слѣдовательно, для представленія ему гражданскаго полноправія, какъ состояніе, — если этотъ признакъ до сихъ поръ играетъ исключительную роль въ конституціонныхъ монархіяхъ Европы, и не безъ значенія въ демократической республикѣ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, — то все-таки національное собраніе не можетъ быть освобождено отъ упрека, потому что оно, обновляя всю сферу права новыми и великими началами, не ввело другихъ началъ и здѣсь, тѣхъ, которыя представляли бы лучшую гарантію независимости, нежели деньги, — какъ-то: извѣстное образованіе, заслуги и тому подобное (что впослѣдствіи, хотя отчасти, и было допущено въ другихъ французскихъ конституціяхъ на ряду съ цензомъ), потому что начало ценза всего противнѣе духу французскаго народа*), наконецъ потому, что цензъ высокъ.

*) Цензъ существуетъ и въ Сѣверной Америкѣ: тамъ для гражданскаго полноправія необходимо имѣть поземельную собственность, но въ такомъ маломъ размѣрѣ, что развѣ нищій не можетъ пріобрѣсть ее. Въ Англіи

Положивши такія строгія условія для избирателей, законъ является опять либеральнымъ въ окончательномъ фазисѣ избирательной процедуры: для того, чтобъ быть избраннымъ въ депутаты, требуются только тѣ условія, которыя постановлены для дѣйствительныхъ гражданъ. Депутаты не могли быть связаны обязательными инструкціями.

Права, предоставленныя законодательному собранію, были чрезвычайно велики и дѣлали его верховной властью въ государствѣ: 1) Ему принадлежало не только разсужденіе и постановленіе законовъ, но и вся законодательная иниціатива (т. е. каждый членъ имѣлъ право предлагать проекты законовъ); король могъ только предложить собранію принять во вниманіе какой-нибудь предметъ; 2) оно опредѣляло ежегодно сумму государственныхъ расходовъ, количество и роды податей и ихъ раскладку; 3) на основаніи королевскаго предложенія оно опредѣляло ежегодно количество сухопутнаго войска и флота, жалованье всѣмъ чинамъ, способы укомплектованія, правила чинопроизводства; 4) монетную систему; 5) установленіе и уничтоженіе штатныхъ мѣстъ; 6) отдача подъ судъ министровъ и другихъ высшихъ сановниковъ, также всѣхъ, обвиняемыхъ въ заговорѣ и покушеніи противъ конституціи и государственной безопасности; 7) законодательное собраніе утверждаетъ трактаты, которые только послѣ этой ратификаціи получаютъ силу; 8) война объявляется не иначе, какъ когда предложеніе короля будетъ утверждено декретомъ собранія.

Мы сказали, что абсолютная независимость трехъ властей на дѣлѣ существовать не можетъ; во всѣхъ конституціяхъ, не только монархическихъ, но и республиканскихъ (напримѣръ, сѣверо-американской), исполнительная власть имѣетъ извѣстную степень участія въ дѣлѣ законодательства: она должна обнародывать и приводить въ исполненіе законы, и при этомъ дается ей право либо вовсе

до сихъ поръ цензъ имѣетъ огромное значеніе,—что совершенно понятно для страны, гдѣ быть бѣднымъ чуть не преступленіе.

не соглашаться на законъ, и тогда онъ считается несо-
стоявшимся, —либо только передать его на новое разсмо-
трѣніе палаты и тому подобное, смотря по бóльшему или
меньшему значенію исполнительной власти. Конституція
91 года дала королю только veto suspensif: король можетъ
отказывать въ своемъ утвержденіи (подписывая «le roi exa-
minera»—король поразсмотритъ), и тогда декретъ считается
несостоявшимся и не можетъ быть предложенъ вновь ко-
ролю тѣмъ же законодательнымъ собраніемъ; но если два
собранія сряду, слѣдующія за тѣмъ, которое представило
декретъ, представятъ тотъ же самый декретъ и въ тѣхъ
же выраженіяхъ, то хотя бы король и не далъ утвержде-
нія, онъ получаетъ силу закона*). Конституція 91 года
была составлена во время борьбы короля, или лучше ска-
зать, роялистской партіи съ народной; эта борьба, опасе-

*) Безъ утвержденія короля получали силу закона декреты объ установленіи и сборѣ контрибуцій, о полиціи внутри собранія, о повѣркѣ правильности выборовъ въ депутаты, о преданіи суду министровъ.

Относительно внутренняго распорядка въ собраніи конституція постановила мудрое правило, нарушеніе котораго не проходило безнаказанно ни одной палатѣ: проектъ закона не прежде можетъ быть вотированъ (рѣшенъ подачею голосовъ), какъ послѣ троекратнаго прочтенія и разсужденія; между каждымъ разсужденіемъ долженъ быть промежутокъ по крайней мѣрѣ въ восемь дней. Конституція считала, и справедливо, такъ важнымъ это постановленіе, что король получалъ право, а на министровъ возложена обязанность, не утверждать и не публиковать декретовъ, изданныхъ безъ соблюденія этой формальности. Впрочемъ, изъ этого распоряженія исключались постановленія по дѣламъ, нетерпящимъ ни малѣйшаго отлагательства (urgens), но такимъ актамъ придавался только временный характеръ.

Рѣшеніе о ревизіи конституціи также требовало санкціи короля. Великій принципъ ревизіи конституціи, основанный на философіи Руссо (Contrat social), былъ впервые признанъ въ 1791 году,—до того времени конституція считалась чѣмъ-то вѣчнымъ, неизмѣннымъ. Но такъ какъ надобно сдерживать слишкомъ порывистыя стремленія къ измѣненіямъ, пока опытъ не убѣдитъ въ ихъ необходимости, то конституція 1791 года опредѣлила слѣдующія правила: 1) первыя два законодательныя собранія не могутъ измѣнять конституціи (слѣдовательно четыре года); 2) послѣ этого, если три слѣдующія сряду законодательныя собранія изъявятъ рѣшеніе о необходимости ревизіи (слѣдовательно еще шесть лѣтъ), тогда собирается для ревизіи новая палата изъ 994 депутатовъ. Но право ея не простиралось на измѣненіе монархической формы правленія, то есть новые депутаты также даютъ присягу въ вѣрности королю.

нія собранія, видѣвшаго, и справедливо, въ согласіи короля только невольную уступку, которую его партія хотѣла вознаградить съ лихвою при первой возможности, печально отразилось въ постановленіяхъ объ исполнительной власти. Всѣ конституціи стараются ограничить ее сколько возможно, потому что разрушеніе конституціи происходитъ только съ этой стороны, располагающей вооруженною силою; но ни одна не стѣсняетъ ее до того, чтобы она не имѣла достаточной силы и свободы для поддержанія порядка, для приведенія въ исполненіе законовъ, для охраненія независимости извнѣ. Мало того: такъ какъ ея обязанности требуютъ нерѣдко быстраго и рѣшительнаго дѣйствія, то ей даются особыя права во время роспуска законодательныхъ палатъ. Франція по особеннымъ историческимъ и политическимъ условіямъ такая страна, гдѣ исполнительная власть должна имѣть болѣе простора, нежели въ другихъ, — а между тѣмъ конституція 91 года предоставила королю менѣе власти, нежели Сѣверная Америка президенту; притомъ въ тонѣ ея ясно выражено недовѣріе, опасеніе измѣны, часто доходящее до оскорбленія. Защитники этой конституціи приводятъ въ оправданіе, что сѣверо-американцы имѣютъ дѣло съ избирательной и срочной исполнительною властью, почти безличной, тогда какъ Франція имѣла дѣло съ наслѣдственной, происхожденіе которой было другое, нежели законодательной, въ которой наконецъ подозрѣвали врага. Что не таковы были идеи людей 89 года объ исполнительной власти, какъ она поставлена въ конституціи, доказываютъ постановленія о регентствѣ *). Но принимая фактъ какъ фактъ, нельзя не видѣть въ немъ слабой стороны конституціи. Королю предоставлена верховная исполнительная власть, но въ отправленіи ея онъ дѣйствуетъ чрезъ министровъ, имъ назначаемыхъ и отвѣтственныхъ предъ національнымъ собраніемъ; актъ, подписанный королемъ, но не контрасигнированный министромъ, не имѣетъ силы и не долженъ быть

*) Регентъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть избранъ собраніемъ, а особыми избирателями.

исполняемъ. Онъ есть главнокомандующій сухопутныхъ и морскихъ силъ государства, и назначаетъ подчиненныхъ ему командировъ; какъ глава администраціи, онъ назначаетъ министровъ и другихъ сановниковъ; онъ ведетъ сношенія съ иностранными державами и назначаетъ дипломатическихъ агентовъ. Впрочемъ относительно администраторовъ департаментовъ (губернаторовъ), тогда выборныхъ, его власть ограничивалась только устраненіемъ ихъ отъ должности на время, до рѣшенія законодательнаго собранія объ ихъ виновности или неспособности. Объявленіе войны происходитъ отъ имени короля; но онъ можетъ объявить войну только съ согласія законодательнаго собранія. Если же во время роспуска собранія какое нибудь государство сдѣлаетъ нападеніе на Францію, или надобно будетъ безъ замедленія защитить союзника, владѣніе или право Франціи, то король и его министры могутъ начать военныя дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ немедленно созываетъ собраніе и предаетъ дѣло на его судъ; если собраніе найдетъ, что не было достаточныхъ причинъ для войны, то отвѣтственность падаетъ на министровъ. Король негоцируетъ мирные и другіе трактаты, но они получаютъ силу только по утвержденіи собраніемъ.

Особа короля священа и неприкосновена, министры его отвѣтствены за контрасигнировку противозаконныхъ постановленій. Если король поведетъ армію противъ націи или, уѣхавши изъ Франціи, не возвратится въ срокъ, назначенный собраніемъ, то онъ считается отрекшимся отъ престола. Власть королевская наслѣдствена, — но каждый король долженъ при вступленіи на престолъ дать присягу въ вѣрности націи и закону, въ противномъ случаѣ онъ также считается отрекшимся. Королю назначается содержаніе изъ государственныхъ доходовъ; количество его опредѣляется законодательнымъ собраніемъ при вступленіи на престолъ и остается неизмѣннымъ во все царствованіе. Король содержитъ свою гвардію на собственный счетъ; она не можетъ превышать 1,200 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы.

Реформа, произведенная въ области администраціи, была коренная, и принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которыя сохранились при всѣхъ политическихъ переворотахъ. «Кто хочетъ знать Францію, сказалъ одинъ изъ ея публицистовъ, какъ она есть въ дѣйствительности, съ ея хорошей и дурной стороной, съ ея силой и слабостью, тотъ долженъ изучить ея административное устройство». Ея сила и благо для Франціи состоитъ въ томъ, что она дала ей мощное національное единство, такое, котораго не имѣетъ никакой другой народъ, стерла всѣ племенныя и географическія различія, дала въ распоряженіе государства громадныя средства — какъ для дѣйствія внутри, такъ особенно извнѣ. Ея гибельное значеніе состоитъ въ томъ, что она убила всю жизнь въ частяхъ государства, сосредоточивъ ее только въ центрѣ (Парижѣ), и тѣмъ предала конституцію и свободу минутному увлеченію парижскаго населенія, или штыку узурпатора. Оттого во Франціи всѣ политическіе перевороты совершаются сравнительно чрезвычайно дешево и скоро: кто захватитъ Hôtel de Ville, тому повинуется Парижъ, онъ беретъ въ свои руки министерства,— и дѣло кончено; сопротивленіе можетъ произойдти только въ самомъ Парижѣ; провинціи съ любопытствомъ и страхомъ прислушиваются къ гулу пушекъ на парижскихъ баррикадахъ, и принимаютъ побѣдителя какъ приговоръ судьбы. Словомъ, всѣ колеса и пружины государственной машины остаются тѣ же, измѣняется только машинистъ, который можетъ свободно направить ее сообразно своимъ цѣлямъ.

Въ большомъ государствѣ провинціяльная самостоятельность необходима для прогреса, при ней невозможенъ деспотизмъ. Но надобно сознаться, что это зло, этотъ источникъ бѣдствій для Франціи, который называется административной централизаціей или опекой, есть произведеніе ея исторіи, духа французскаго народа. Токвиль неопровержимо доказалъ, что административная централизація уже была вполнѣ совершена королями стараго времени (дореволюціоннаго, ancien régime) на дѣлѣ, не доставало

только внѣшней оболочки, которую и дала революція. Въ самомъ дѣлѣ, до 1789 года французскія провинціи потеряли уже всякое жизненное значеніе, моральную и умственную силу,—онѣ продолжали существовать только своей вредной стороной: заставами, привилегіями. Поэтому учредительное собраніе встрѣтило полное сочуствіе и короля, и націи, уничтоживши историческое провинціальное раздѣленіе, провозгласивши разъ навсегда единство и не раздѣльность Франціи и подраздѣливши ее только для административныхъ цѣлей на восемьдесятъ три департамента. Дѣленіе на департаменты было чисто административное, полицейское, основа его—по возможности равенство пространства и населенія, такъ что одна прежняя большая провинція раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ департаментовъ безъ всякой связи между собою,—часто въ составъ департамента входили части разныхъ провинцій. При этомъ забыты были даже географическія условія: то, что связано было природой, раздѣлено, и на оборотъ. Но какъ ни вредно такое неорганическое дѣленіе не только для развитія политической свободы, но даже и въ экономическомъ отношеніи оно для француза искупается однимъ благомъ — національнымъ единствомъ. Идея провинціяльной самостоятельности всегда противна не только каждому изъ французскихъ правительствъ отъ Лудовика XVI, который самъ начертилъ новую карту Франціи и великолѣпными фразами поздравлялъ Собраніе, до Наполеона III включительно, но и народу. Словомъ, французская администрація есть фактъ, такъ сказать, политико-физіологическій; въ немъ можно и должно видѣть много дурнаго, но измѣнится онъ только съ измѣненіемъ духа народа. Каждый народъ съ любовью обращается къ какой-либо одной формѣ общественной жизни—къ общинѣ, ассоціаціи, провинціи, государству. Для француза любимая и даже единственная форма, которую онъ понимаетъ, есть государство. До какой степени это вѣрно — показываетъ исторія общинъ. Учредительное собраніе, и особенно, конвентъ, вздумали съ особенной силою воспроизвести общины, — форму, самостоятельности которой

англо-саксонская расса обязана всѣмъ своимъ могуществомъ. Что же вышло? Общины сдѣлались полными государствами, т. е. присвоили себѣ такія права, которыя принадлежатъ только государству; онѣ присвоили себѣ право выставлять красное знамя—(внутренняя война), самовластно расправляться съ гражданами, издавать постановленія подъ смертною казнью, мало того: сорокъ тысячъ общинъ стали указывать конвенту, а парижская община даже прямо держала конвентъ въ своей власти, и во время террора была дѣйствительнымъ повелителемъ Франціи, оставляя конвенту часто одно имя.

Учредительное собраніе, которое хотѣло не только уничтожить все напоминавшее привилегіи, но и дать широкій просторъ либеральнымъ учрежденіямъ,—окружило департаментъ избирательными совѣтами и сановниками. Учредительное собраніе вовсе не желало сильной административной централизаціи, не желало предать все управленіе въ руки министровъ. Въ департаментахъ были учреждены: законодательный совѣтъ (т. е. для постановленій о мѣстныхъ нуждахъ), исполнительный совѣтъ, администраторъ,—всѣ выборные и срочные. Администраторъ, какъ глава управленія департамента, подчинялся главѣ исполнительной власти, королю, который могъ устранить его отъ должности за упорное неисполненіе законныхъ распоряженій или за нарушеніе общественнаго спокойствія,—но это была только временная мѣра: король представлялъ дѣло нарушенія законодательному собранію, которое или подтверждало мѣру короля, или возстановляло администратора въ должности. Департаментъ былъ раздѣленъ на округи, округи на общины—съ тою же представительною системою.

Трудно сказать, во сколько могли привиться эти либеральныя учрежденія, приложенныя къ такимъ дробнымъ и неорганическимъ частямъ, каковы департаменты. Но нѣтъ сомнѣнія, что начало либеральной децентрализаціи могло бы окрѣпнуть, еслибы страшныя обстоятельства не потребовали принесенія ея въ жертву. Словомъ, все либеральное, что было въ административномъ устройствѣ 1789—1791

года, впослѣдствіи было уничтожено, и никѣмъ не возстановливалось, ни друзьями, ни врагами свободы,—осталась одна грозная машина.

Нынѣшнее судебное устройство Франціи, прдметъ ея справедливой гордости, есть созданіе великихъ творцевъ конституціи 1791 года. Главныя черты реформы состояли въ слѣдующемъ: 1) въ уничтоженіи прежнихъ парламентовъ съ продажею мѣстъ, прежнихъ разнохарактерныхъ судилищъ, и въ учрежденіи трибуналовъ, сообразно административному дѣленію, общихъ для всѣхъ французовъ и для всѣхъ дѣлъ; 2) въ учрежденіи кассаціоннаго суда, назначеніе котораго: хранить единство пониманія закона, интерпретировать его, и въ уничтоженіи судебныхъ рѣшеній, состоявшихся на ложномъ пониманіи закона, на невѣрномъ приложеніи его, или при несоблюденіи предписанныхъ формъ; 2) въ уничтоженіи прежней судебной власти короля и его совѣта и зависимости отъ него судовъ («toute justice émane du Roy»), и вмѣстѣ съ тѣмъ въ прямомъ запрещеніи и законодательному собранію вмѣшиваться въ ходъ правосудія; 4) въ независимости судебной власти уничтоженіемъ прежняго назначенія судей королемъ, и введеніи, вмѣсто этого, начала избранія судей народомъ; 4) въ учрежденіи присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ по вопросу о преданіи суду (большое жюри), такъ и по вопросу объ обвиненіи; 6) въ установленіи основанія разумной юриспруденціи постановленіемъ о мотивированіи судебныхъ рѣшеній; 7) въ учрежденіи мировыхъ судей. Это великое зданіе было впослѣдствіи, во времена болѣе спокойныя, приведено въ исполненіе во всѣхъ частяхъ. Но и здѣсь многія превосходныя начала, высказанныя въ 89—91 году, были оставлены, и отъ этого великое созданіе мыслителей учредительнаго собранія потеряло много. Такъ, уничтоженъ былъ принципъ избранія судей и замѣненъ назначеніемъ ихъ исполнительной властью, хотя и безсмѣнно,—и отъ этого судебная власть потеряла значительную часть своей независимости, уничтожено было большое жюри. Въ своемъ мѣ-

стѣ мы изложимъ судебное устройство Франціи, какъ оно существуетъ въ наше время.

Переворотъ 1789 года былъ общимъ въ жизни французскаго народа; онъ касался не одной сферы государственнаго права, но и частнаго. Мы здѣсь поставимъ на видъ только реформы въ тѣхъ частяхъ гражданскаго права, которыя имѣютъ великое значеніе и притомъ стоятъ въ непосредственной связи съ конституціей: 1) въ семейственномъ, 2) въ наслѣдственномъ правѣ. Семейственное право хотя относится къ гражданскому, но его основа опредѣляется государственнымъ. Конституція 1791 года провозгласила (Тит. II, ст. 7): Законъ разсматриваетъ бракъ, какъ гражданскій договоръ. Законодательная власть устроитъ для всѣхъ жителей безъ различія (т. е. безъ различія вѣроисповѣданія) форму, по которой будетъ происходить удостовѣреніе въ бракѣ, рожденіи и смерти, и назначитъ чиновниковъ, которые будутъ вести акты этого рода». Этимъ устанавливался такъ называемый гражданскій бракъ (mariage civil). Причемъ церковь потеряла преобладаніе надъ государствомъ, но нисколько не устранено было по совѣсти и желанію каждаго освященіе брака религіозными таинствами и обрядами. Это одно изъ тѣхъ великихъ коренныхъ учрежденій, которое осталось неизмѣннымъ и которое заимствуютъ у Франціи другіе народы. Наслѣдственное право есть та часть гражданскаго, которая связываетъ его тѣсно съ государственнымъ устройствомъ, формой правленія. Учредительное собраніе, уничтожившии привилегіи старшаго сына, братьевъ передъ сестрами, установило равенство раздѣла между братьями и сестрами наслѣдства безъ завѣщанія, уничтожило субст... и-туціи и всякія ограниченія свободы наслѣдника. Другая ... по-ловина реформы—ограниченіе самаго права произвол... а завѣщанія предоставленіемъ завѣщателю располаг... ать по усмотрѣнію только нѣкоторой частью имуществ... а — была обсужена собраніемъ, но не перенесена въ зак... ъ. Довершеніе это принадлежитъ наполеонову кодексу ... . Закономъ о

наслѣдствѣ введено начало равенства въ сферу семьи, какъ оно было введено въ государственную*).

Въ такую же гармонію съ новыми политическими учрежденіями собраніе 1789—1791 годовъ хотѣло привести и католическую церковь. Оно считало (что̀ не согласно съ духомъ католицизма), что не государство заключается въ церкви, а церковь въ государствѣ. Оно впрочемъ сдѣлало всѣ, какія только можно было, уступки сильному своимъ вліяніемъ на массу народа духовенству. Оно уничтожило всѣ церковные поборы (десятину и друг.), отобрало церковныя имущества, назначивъ духовенству приличное содержаніе изъ государственныхъ фондовъ, уничтожило въ глазахъ закона монашескіе ордена, монастыри, церковные обѣты. Затѣмъ собраніе издало такъ называемое гражданское устройство духовенства (constitution civile du clergé). Основанія этого духовнаго регламента были слѣдующія: 1) священники и епископы избираются народомъ (NB. слѣдовательно возстановленіе того учрежденія, которое наблюдалось въ первые вѣка христіанства, — но которое папа и католическое духовенство объявили революціоннымъ, нехристіанскимъ); 2) совпаденіе дѣленія на епархіи съ дѣленіемъ на департаменты; 3) равенство епископовъ, независимость одного отъ другаго; 4) независимость отъ власти папы, какъ при поставленіи въ епископскій санъ, такъ и при служеніи, запрещеніе исполнять и публиковать папскія буллы; но братскія сношенія съ папою дозволены. Эти начала впослѣдствіи были завершены конкордатомъ Наполеона, но и здѣсь опять существенная, либеральная сторона — избраніе народомъ священниковъ и епископовъ, нисколько не противная, какъ мы сказали, духу и исторіи христіанства, была оставлена, и здѣсь дѣло перешло въ руки исполнительной власти, — она назначаетъ

*) Сѣверо-американскіе Штаты были основаны совершенно на тѣхъ же политическихъ началахъ, какъ Англія. Отъ чего же они сдѣлались государствомъ чисто демократическимъ въ противоположность строго-аристократической Англіи? Отъ того, что уничтожено было англійское наслѣдственное право, майораты и субституціи.

епископовъ! Исполнительная власть пріобрѣла поэтому для себя еще одну армію—духовенство. Такъ было извращено созданіе 1791 года въ этой сферѣ, такъ было извращено оно и въ другихъ; это мы отчасти сказали, а обстоятельнѣе покажетъ разборъ послѣдующихъ конституцій *).

II.

Конституція 1793 года.—Невозможность для Франціи непосредственно-демократической формы правленія.

Конституція 1795.—Двѣ палаты одного и того же происхожденія.—Оригинальность этой конституціи въ предоставленіи санкціи закона не исполнительной власти, а другой палатѣ.

Конституція 1799.—Перевѣсъ исполнительной власти.– Консулы.—75-я статья.—Извращеніе системы выборовъ.—Рекомендація и выборы сенатомъ.—Законодательный корпусъ и трибунатъ.—Сенатъ.

Конституція 1791 года пала вскорѣ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Она по возможности соглашала идеи равенства съ идеями свободы. Но французскій народъ болѣе способенъ къ началамъ абсолютной демократіи, нежели свободы. Торжество демократической партіи повело Францію къ военной диктатурѣ, причемъ изъ зданія 1789 года остались одни начала равенства.

Идеи этой партіи выразились въ конституціи 1793 г. Впрочемъ она была далеко не полнымъ ихъ выраженіемъ, полнымъ было управленіе конвента, или точнѣе — комитета общественнаго блага (Comité du salut public). Конституція 1793 года, вотированная, но не приведенная въ исполненіе, осталась формулой демократической партіи и нынѣшней Франціи. Она заключала слѣдующія новыя на-

*) Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ реформахъ 1789 года, имѣвшихъ близкое соотношеніе къ политикѣ: 1) реформа налога: уничтоженіе подушной подати, монополій, мыта,—замѣненіе ихъ новыми: пошлиной съ найма квартиръ и земли, поземельнымъ и патентнымъ сборомъ; 2) раздѣленіемъ и мобилизаціей поземельной собственности: во Франціи (въ противоположность съ прежнимъ порядкомъ и съ Англіей) явилось нѣсколько милліоновъ поземельныхъ владѣльцевъ.

чала: 1) Начало непосредственнаго управленія народа, въ противоположность конституціи 1791 года, которая объявила, что народъ не иначе можетъ проявлять свой суверенитетъ, какъ чрезъ выборныхъ. Конституція 93-го года объявила, что палата представителей есть только редакціонная комиссія законовъ, а утверждаетъ и уничтожаетъ ихъ весь народъ поголовно. Конституція говоритъ, что подъ именемъ законовъ разумѣется законодательство уголовное и гражданское, управленіе доходами и расходами, распоряженіе національными имуществами, опредѣленіе рода и количества податей и сборовъ, объявленіе войны, опредѣленіе вѣса и рода монеты, административное раздѣленіе государства, общественное обученіе, почести великимъ людямъ. Во всемъ этомъ законодателемъ былъ самъ народъ. Но надобно замѣтить, что монтаньяры поставили это опредѣленіе только для виду; въ сущности они дѣлали проявленіе законодательной власти народа невозможнымъ. «Проектъ закона, одобренный національнымъ собраніемъ, говоритъ 58-я и 59-я ст. конституціи 1793 года, разсылается по всѣмъ общинамъ, — и если въ теченіи сорока дней послѣ разсылки, въ большей половинѣ департаментовъ, по крайней мѣрѣ десятая часть общинъ каждаго изъ нихъ не протестовала противъ него, то онъ получаетъ силу закона.» При этомъ условіи законодательная власть народа была невозможна.

Право ревизовать конституцію предоставлено народу во всякое время: «Если въ большей части департаментовъ десятая часть общинъ каждаго изъ нихъ потребуетъ ревизіи конституціи, или измѣненія нѣкоторыхъ частей ея, то законодательное собраніе обязано немедленно созвать всѣ общины республики и предложить имъ на рѣшеніе вопросъ» (ст. 115).

2) Выборы депутатовъ измѣнены: a) выборы должны быть прямые, непосредственные; b) каждый гражданинъ есть избиратель съ двадцать перваго года, — всѣ условія ценза, всѣ другія, самыя общія условія независимости избираемыхъ, введенныя конституціей 1791 года, отмѣнены;

уничтожилось различіе между просто гражданами и дѣйствительными гражданами, между дѣйствительными гражданами и избирателями; с) выборы на двухъ степеняхъ удержаны — для избранія членовъ исполнительнаго совѣта (двадцати четырехъ), для избранія членовъ департаментской администраціи и судей. Въ этихъ случаяхъ граждане избирали одного избирателя съ двухсотъ человѣкъ, избиратели соединялись въ губернскомъ городѣ.

3) Исполнительная власть поручена совѣту изъ двадцати четырехъ членовъ; ихъ избирало законодательное собраніе — изъ восьмидесяти трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніями избирателей — каждаго департамента по одному.

4) Депутаты и судьи избираются на одинъ годъ, члены департаментскаго управленія и исполнительнаго совѣта на два.

Какъ ни была демократична конституція 1793 года, но монтаньяры находили ее недостаточной, и согласились на нее только потому, что заранѣе было условлено, что она не прежде получитъ силу дѣйствія, какъ по успокоеніи Франціи, слѣдовательно они считали, что будетъ впереди достаточно времени для измѣненія ея. Ихъ идеалъ былъ полное, непосредственное управленіе государствомъ массы народа. Надобно ли говорить, что это начало есть не только анархическое, но и нелѣпое. Масса народа въ новомъ мірѣ до сихъ поръ еще не достигла того развитія, чтобы понимать и судить о сложныхъ дѣлахъ законодательства, войны, мира, управленія, финансовъ. Съ другой стороны народное управленіе есть нелѣпость, потому что объемъ законодательства, т. е. количество вопросовъ, которые должны быть разрѣшены государствомъ, такъ велико, что палаты обыкновенно не менѣе семи мѣсяцевъ въ году пребываютъ на сборѣ и ежедневно работаютъ. Слѣдовательно если весь народъ будетъ законодателемъ, то половина времени пойдетъ на это занятіе,—кто же будетъ содержать этого законодателя? Поэтому принципъ представительства есть коренной, абсолютный въ новомъ

мірѣ,—отъ него могутъ отступать безнаказанно развѣ такія государства, какъ швейцарскіе горные кантоны съ тремя или пятью тысячами гражданъ.

Страшное время конвента, когда господствовала чисто демократическая партія, показало, что она неспособна къ понятію правильной свободы. Она погубила всѣ свободныя начала, выработанныя мыслителями 1789 года. Вмѣсто раздѣленія властей она ввела соединеніе законодательной и исполнительной власти въ конвентѣ; вмѣсто правильнаго уголовнаго суда—революціонный трибуналъ; вмѣсто ограниченія власти государства и неприкосновенности личной свободы—чудовищное полновластіе, власть государства безотчетную и безпредѣльную надъ собственностью и жизнью гражданина; одного подозрѣнія стало достаточно, чтобы лишить человѣка свободы и жизни, — а по закону о подозрительныхътрудно было пріискать человѣка, котораго нельзя было подвести подъ эту категорію; вмѣсто раздѣленія церкви и государства—государственную религію (поклоненіе разуму) съ верховнымъ первосвященникомъ и даже—государственныя добродѣтели! вмѣсто свободы совѣсти начались гоненія на тѣхъ, кто не признавалъ государственной религіи, и проч., и проч. Террор, уничтоживши во французскомъ народѣ зачатки разумной свободы, истребивши всѣхъ великихъ дѣятелей, произвелъ страшную моральную пустоту, усталость, политическую безнравственность, жажду покоя во чтобы то не стало, и сдѣлалъ такимъ образомъ диктатуру и возможной, и необходимой. Онъ сдалъ Францію съ рукъ на руки Наполеону.

Но въ промежуткѣ между конвентомъ и диктатурой Наполеона была еще одна конституція времени директоріи. Эта конституція есть возвращеніе къ идеямъ 1789 года, въ ней много истинно-либеральнаго, она стремится снова водворить личную свободу, правильное раздѣленіе властей, святость закона. Исполнительная власть вручена была пяти директорамъ въ томъ же объемѣ, какъ и по конституціи 1791 года. Относительно устройства законодательной власти, эта конституція не только возвратилась къ 1791 году (т. е.

законодательная власть принадлежитъ палатѣ, а не непосредственно народу), но и ввела новое замѣчательное начало въ устройствѣ законодательной власти, — начало, которое съ различными измѣненіями удержано Франціей до настоящаго времени. Мы говоримъ о введеніи вмѣсто одной, двухъ законодательныхъ палатъ: совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (Conseil des anciens). Оба они одинаково избирались въ избирательныхъ коллегіяхъ, и условія для выбора были почти тѣ же: для перваго возрастъ тридцати, для втораго сорока лѣтъ, пребываніе въ государствѣ—для перваго десять, для втораго пятнадцать лѣтъ; было еще одно очень странное условіе для членовъ совѣта старѣйшинъ—быть женатымъ или вдовцомъ. Совѣтъ пятисотъ стоялъ, какъ показываетъ самое названіе, изъ пятисотъ депутатовъ, совѣтъ старѣйшинъ изъ двухсотъ-пятидесяти. Законодательная иниціатива, сужденіе и изготовленіе закона принадлежало одному совѣту пятисотъ; совѣту старѣйшинъ принадлежала санкція закона: онъ не могъ его измѣнять, или утверждать часть его,—онъ могъ или отвергнуть, или принять, его въ цѣлости,—наконецъ онъ могъ возвратитьназадъ законъ, который былъ принятъ въ совѣтѣ пятисотъ безъ соблюденія предписанныхъ конституціей формъ. Законъ, отвергнутый въ совѣтѣ старѣйшинъ, не могъ быть вновь представленъ ранѣе года. Но что должно дѣлать, когда онъ во второй и третій разъ будетъ отвергнутъ.— объ этомъ ничего не постановлено.

Обѣ камеры исходили изъ одного начала и притомъ въ той же самой формѣ, такъ что вторая не представляла другого принципа, а тотъ же самый, что и первая, т. е. народонаселеніе, такъ что въ сущности это была одна палата, перегороженная стѣной. Тѣмъ не менѣе идея поручить санкцію закона не исполнительной власти, а другой. выборной палатѣ, весьма важна. и необходимость двухъ палатъ для правильнаго движенія парламентарнаго механизма такъ велика, что и въ этой формѣ раздѣленіе принесло большія выгоды. Но не смотря на много хорошихъ сторонъ конституціи 1795 года (третьяго года республики),—

она не могла долго существовать: не было людей, которые искренно хотѣли бы этого порядка, никто въ массѣ не сочувствовалъ ей. Одного появленія Наполеона, увѣнчаннаго славою побѣдъ, достаточно было, чтобъ въ нѣсколько дней взорвать на воздухъ зданіе, не имѣвшее корней.

Совершенно другія основанія имѣла конституція, созданная Наполеономъ въ 1799 году. Здѣсь исполнительная власть получила всепоглощающее значеніе; право выборовъ дано было народу, какъ пустая форма, всѣ выборныя власти въ сущности были не выборныя, а назначенныя исполнительною. Народу постоянно предоставлялось одно право: утверждать конституцію,—и онъ утвердилъ почти единогласно какъ первую, такъ вторую, такъ и третью наполеоновскую конституцію (имперскую); это начало удержалъ и его племянникъ. Понятно, почему Бонапарты удерживали это начало, переданное имъ крайнею демократическою партіей; оно давало имъ видъ законности, а между тѣмъ въ успѣхѣ не можетъ быть сомнѣнія. Народу предлагается такая-то констптуція, или анархія. Конечно онъ согласится на какую бы то ни было конституцію, потому что она все-таки утверждаетъ извѣстный порядокъ; наконецъ, на массу узурпаторъ всегда имѣетъ громадное вліяніе во Франціи чрезъ безчисленную администрацію. Она довольна, что ей предоставляютъ будто бы рѣшать дѣло, — и обѣими руками вотируетъ то, что ей предлагаютъ.

Планъ конституціи 1799 года былъ составленъ знаменитымъ Сійесомъ, но Наполеонъ оставилъ изъ него только механизмъ, все либеральное было отброшено.

Если посмотрѣть снаружи на конституцію 1799 года (23 фримера VIII года), то она покажется совершенно республиканской: исполнительная власть поручена не одному лицу, а тремъ консуламъ;—есть сенатъ, охранитель конституціи; законодательная власть принадлежитъ палатѣ депутатовъ, да притомъ еще и не одной, а для лучшаго теченія дѣлъ ихъ двѣ—трибунатъ и законодательный корпусъ. Всѣ различныя свободы и права человѣческія и гражданскія исчислены по порядку, съ точностью, и выражены

въ строгомъ римскомъ стилѣ. Но заглянувши только слегка во внутрь этого зданія, мы видимъ только одно движущее желѣзное колесо—перваго консула (Наполеонъ Бонапартъ), все остальное—только досчатая покрышка.

Такъ какъ конституція Наполеона I была возстановлена съ нѣкоторыми неважными измѣненіями (второе изданіе конституцій всегда бываетъ съ подновленіями) нынѣшнимъ императоромъ Франціи, то здѣсь мы укажемъ только на ея главныя черты, подробности относятся къ изложенію нынѣ дѣйствующей конституціи. Вотъ ея главныя черты: 1) исполнительная власть принадлежитъ *тремъ* консуламъ, которые заранѣе назначены: первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ самимъ собою, два другихъ—имъ. Но это число три—только маска для сохраненія приличія; нельзя было вдругъ сказать, что власть поручается одному лицу; слово диктаторъ могло встрѣтить оппозицію, хотя слабую,—надобно было исподоволь перейдти къ единовластію. Но дѣло въ томъ, что въ сущности было утверждено единовластіе. Конституція, послѣ статьи 39, гдѣ сказано, что правленіе поручается тремъ консуламъ, назначеннымъ на десять лѣтъ, съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ въ 41 статьѣ говоритъ, что одинъ первый консулъ обнародываетъ законы, назначаетъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта, назначаетъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, посланниковъ, судей, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и назначеніяхъ онъ *совѣтуется* съ своими товарищами — вторымъ и третьимъ консулами, которые слѣдственно даже и здѣсь имѣютъ только совѣщательный голосъ! И такъ, исполнительная власть принадлежитъ одному лицу—первому консулу.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ является ея значеніе относительно администраціи. Мы видѣли, что конституція 1791 года поставила областную администрацію въ положеніе самостоятельное относительно исполнительной власти, глава которой могъ только отстранять на время отъ должности чиновниковъ, а признаніе причинъ основательными зависѣло отъ законодательнаго собранія; далѣе, всѣ лица областнаго управленія были выборныя,—все это уничтожено; но этого

мало, —самое главное состояло въ введеніи новаго начала, которое господствуетъ до сихъ поръ, составляя громадную силу исполнительной власти. Именно: по конституціи 1791 года всякій гражданинъ имѣлъ право обвинять чиновника за незаконное отправленіе должности; законодательное собраніе по частнымъ жалобамъ, которыя не были уважены начальствомъ обвиняемаго, предавало его суду, если находило обвиненія основательными. А конституція 1799 года ввела слѣдующую маленькую, но многозначительную статью, — это знаменитая 75-я статья: «Всѣ чиновники, исключая министровъ, не могутъ быть преданы суду за дѣйствія по должности иначе, какъ по рѣшенію государственнаго совѣта.» Но государственный совѣтъ и тогда, и впослѣдствіи, составлялся изъ лицъ по избранію главы исполнительной власти, съ правомъ отрѣшать ихъ во всякое время и безусловно. Слѣдовательно чиновникъ, напримѣръ префектъ департамента, можетъ позволить себѣ всякое превышеніе власти, и будетъ отвѣчать за это только тогда, когда угодно главѣ исполнительной власти, т. е. когда это нарушеніе противно его системѣ. Эта статья, какъ мы сказали, осталась въ силѣ до сихъ поръ; всѣ правительства, бывшія послѣ Наполеона, ревностно сохраняли ее. Токвиль говоритъ, что когда онъ разсказывалъ объ этомъ американцамъ, то они хохотали, упрекали его въ нелѣпой выдумкѣ, что могло существовать въ свободномъ государствѣ положеніе, по которому чиновникъ за притѣсненія отвѣчаетъ только тогда, когда этого не одобритъ та власть, которая его назначила, и у которой онъ состоитъ въ безусловномъ повиновеніи. Эта одна статья даетъ французскимъ правительствамъ полную возможность обѣщать въ конституціяхъ всѣ возможныя свободы, ни сколько не стѣсняя себя; она есть основный камень французской административной системы.

Въ 1802 году власть перваго консула еще болѣе расширена и званіе его стало пожизненнымъ.

Законодательная власть, какъ мы сказали, была раздѣлена между законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ.

Это былъ не парламентъ съ двумя камерами, а нелѣпое раздѣленіе самаго процеса законодательства: 1) трибунатъ изъ ста, впослѣдствіи пятидесяти, членовъ разсуждалъ о представленномъ правительствомъ проектѣ закона и изъявлялъ мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли принять его или отвергнуть; 2) законодательный корпусъ изъ трехсотъ депутатовъ — выслушавши комиссаровъ правительства и депутацію трибуната, *молча*, безъ всякихъ преній, балотировалъ законъ. Слѣдовательно были двѣ особыя палаты для законодательства; одна для разсужденія, другая для принятія проекта закона.* Впослѣдствіи трибунатъ былъ уничтоженъ, но законодательный корпусъ не получилъ права разсуждать. Законодательная иниціатива предоставлена исполнительной власти.

Законодательный корпусъ и трибунатъ были вовсе не выборныя власти, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вотъ какія положенія ввели наполеоновскія конституціи 1799, 1802 и 1804 года о выборахъ: 1) граждане каждаго округа избирали, или какъ говорятъ конституціи, рекомендовали тѣхъ, кого они считали способными къ общественнымъ должностямъ (Les citoyens de chaque arrondissement communal désignent par leurs suffrages ceux d'entre eux, qu'ils croient les plus propres à gérer les affaires publiques), — такихъ лицъ должно было избрать съ десяти одного, — изъ этого списка избирались лица общиннаго управленія, потомъ эти избранники всѣхъ округовъ департамента составляли новый списокъ, такъ называемый департаментскій, — также изъ десяти одного, — изъ этого списка избирались члены департаментской администраціи и суда, наконецъ, эти вторичные избранники составляли списокъ лицъ, которыхъ они считали годными въ члены законодательнаго корпуса и трибуната. Въ 1802 году эта система, гдѣ выборное начало сдѣлалось какимъ-то чиновничествомъ, приведена еще въ болѣе изящную форму. Граждане округа избирали отъ ста-двадцати до двухъ-сотъ членовъ, которые составляли избирательную коллегію округа (collège électoral d'arondissement), окружныя коллегіи избирали членовъ

въ департаментскую избирательную коллегію числомъ отъ двухъ до трехсотъ, смотря по числу народонаселенія, но и то не вполнѣ по своему желанію, а по списку, который представляло правительство, изъ шестисотъ лицъ, платящихъ наиболѣе податей и налоговъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ десятковъ гражданъ, извѣстныхъ первому консулу по своимъ заслугамъ. Такимъ образомъ и тѣнь свободы выбора была отнята. Департаментская коллегія каждаго департамента представляла двухъ кандидатовъ на каждое вакантное мѣсто въ законодательномъ корпусѣ или трибунатѣ; слѣдовательно, на каждое мѣсто депутата по числу восмидесяти трехъ департаментовъ составлялся списокъ ста шестидесяти шести кандидатовъ, и изъ этого списка избиралъ депутата или трибуна — сенатъ!! А изъ кого состоялъ сенатъ? Сначала было устроено такъ: второй и третій консулы, назначенные по указанію Наполеона, вмѣстѣ съ гг. Сійе и Дюко (также по его указанію), назначили большинство членовъ сената, которое избирало остальныхъ,—а потомъ вакансіи замѣщались Наполеономъ. И корпусу, такимъ образомъ составленному, назначено было: охранять конституцію, избирать депутатовъ въ законодательный корпусъ и трибунатъ, объявлять по предложенію правительства департаменты внѣ конституціи (т. е. предоставлять всѣ права гражданъ во власть правительства) и даже уничтожать судебныя рѣшенія, если онъ найдетъ ихъ противными государственной безопасности *)!

*) Французскій сенатъ оставилъ по себѣ самыя позорныя воспоминанія. Не было политическаго собранія болѣе угодливаго, болѣе готоваго на все для повелителя. Самъ Наполеонъ впослѣдствіи съ омерзеніемъ отвѣчалъ на упрекъ сената (разумѣется по возстановленіи Бурбоновъ), что онъ извращалъ его опредѣленія: „Мнѣ не зачѣмъ было извращать, сенатъ не только дѣлалъ все, на что я ему подавалъ знакъ, но часто дѣлалъ болѣе, нежели я желалъ“. Этотъ сенатъ, когда союзники вошли въ Парижъ, объявилъ Наполеона низложеннымъ, призвалъ Лудовика XVIII и продиктовалъ конституцію, въ которой была одна статья, характеризующая хорошо это собраніе, а именно: „Достоинство сенатора дѣлается наслѣдственнымъ по праву первородства, въ лицѣ настоящихъ сенаторовъ; они удерживаютъ ненарушимо свое жалованье и аренды“. Во время силы Наполеона, сенатъ дошелъ до того, что явился въ массѣ изъявить свои чувства шестимѣсячному его сы

Такова была конституція Наполеона. Она вводила совершенный произволъ исполнительной власти; но все это съ виду было прикрыто формами законности, и притомъ такими сложными, что, казалось, что произвола быть не можетъ *). Изъ дѣла 1789 года осталась только одна половина: политическое равенство, администрація, судебное устройство, да и то съ измѣненіями; другая, важнѣйшая—свободная, была отброшена. Эта конституція могла держаться только до тѣхъ поръ, пока у Наполеона твердо держалась шпага. Какъ только измѣнило ему счастіе войны, его пресловутый сенатъ, удивлявшій свѣтъ холопствомъ, объявилъ его низложеннымъ и призвалъ Бурбоновъ **).

III.

Конституціи парламентарныя.—Конституція 1814 года.—Конституція 1830.—Палата перовъ.—Палата депутатовъ.—Республиканская конституція 1848 года.

Съ паденія Наполеона (1814 года) до 1851 года Франція постоянно имѣла правительства либеральныя,—и парламентарная форма правленія казалось пустила въ ней глу-

ну, и выразилъ ихъ въ длинной рѣчи, на которую отъ имени принца имъ отвѣчала его няня!! Кажется, эти двѣ черты достаточно показываютъ моральную силу этого собранія, отъ котораго зависѣли всѣ другіе политическіе органы.

*) Конституціи Наполеона отличаются непостижнымъ хладнокровіемъ въ употребленіи словъ. Такъ напримѣръ въ конституціи 1804 года, которою окончательно уничтожалась республика и вводилась наслѣдственная императорская власть, дѣло представлено на словахъ такъ, какъ будто никакого важнаго измѣненія не произошло. Первая статья этой конституціи удивительна по выраженіямъ: Le gouvernement de la république est confié à un empereur (!); далѣе, по 53 статьѣ, императоръ присягаетъ сохранить цѣлость территоріи *республики!*

**) Во время Сга Дней Наполеонъ далъ новую конституцію, довольно либеральную. Но это была уступка необходимости. Онъ мрачно говорилъ, что еслибъ зналъ, что ему придется дѣлать такія уступки, то лучше остался бы на островѣ Эльбѣ. Онъ ожидалъ первой побѣды, чтобы разрушить эту конституцію, но побѣда не явилась. Бонапартизмъ и парламентаризмъ не мыслимы вмѣстѣ. Наполеонъ III возвратился къ первымъ, а не къ послѣдней конституціи своего дяди.

бокіе корни. Но и тридцати шести лѣтъ такой жизни было недостаточно для водворенія въ массѣ идей истиннаго порядка,—и она опять возвратилась къ наполеоновской демократіи.

Въ эти тридцать шесть лѣтъ Франція измѣнила три рода правленія, которые не были новыми для нея: сначала парламентарную монархію въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли установить въ началѣ 1789 года, въ 1830 году также парламентарную монархію, но съ большимъ демократическимъ отливомъ, и наконецъ умѣренную республику.

Лудовикъ XVIII въ прокламаціи, изданной по возвращеніи во Францію, объявилъ, что онъ желаетъ дать такую конституцію, которая бы удовлетворяла потребностямъ новаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ основана была на историческихъ началахъ. Эта конституція была либеральна, король искренно хотѣлъ ея прочности. Но механизмъ, на которомъ она была основана, былъ не въ духѣ французскаго народа.

Лудовикъ XVIII, поклонникъ англійской конституціи, ввелъ ея формы во Франціи. Англійское устройство состоитъ изъ двухъ-палатнаго парламента: одна палата депутатовъ, избираемыхъ на срокъ, представляющихъ нужды и желанія народа въ извѣстное время; другая лордовъ, которая держитъ равновѣсіе между королевской властью и депутатами народа. Естественно, что эта послѣдняя палата, если назначается по выбору, то равновѣсія быть не можетъ, она будетъ той же палатой депутатовъ, только подъ другимъ названіемъ; если назначеніе членовъ вполнѣ зависитъ отъ короля, тогда опять не будетъ равновѣсія: она будетъ органомъ исполнительной власти. Въ Англіи эта палата независима и самостоятельна: большинство членовъ ея наслѣдственны, что разумѣется даетъ ей полную независимость, они достаточно обезпечены майоратами, чтобъ не продавать себя,—и наконецъ главное, они представляютъ живой и великій элементъ — поземельную аристократію, — слѣдовательно это не искусственное учрежденіе,

а такое, которое имѣетъ корень въ соціальныхъ отношеніяхъ и характерѣ страны.

Лудовикъ XVIII учредилъ также парламентъ изъ двухъ палатъ. Палата перовъ должна была состоять изъ членовъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ, — тѣхъ и другихъ по назначенію короля. Но во Франціи аристократія уже задолго до революціи потеряла земское значеніе, стала придворною; а революція окончательно выполола ея корни, особенно лишивъ ее поземельной собственности. Такимъ образомъ эта полата была собраніемъ людей съ историческими фамиліями, громкими титулами, — но безъ всякаго корня въ странѣ, въ ея правахъ, понятіяхъ, отношеніяхъ. Король могъ возстановить только имя, — вещи давно уже не было. Другое непопулярное начало конституціи состояло въ введеніи сильнаго ценза для выборовъ: тѣ могли быть избраны депутатами, которые платили по крайней мѣрѣ тысячу франковъ въ годъ прямыхъ налоговъ, и даже для того, чтобъ быть избирателемъ, надобно было платить триста франковъ прямыхъ налоговъ. Законодательная иниціатива принадлежала королю.

Конституція 1830 года (Лудовика-Филиппа) не произвела существенныхъ перемѣнъ, — принципы остались прежніе. Главныя измѣненія состояли: 1) Въ уничтоженіи наслѣдственности перовъ. Палата перовъ должна состоять изъ членовъ, назначенныхъ королемъ — пожизненныхъ и безсмѣнныхъ. Но король могъ возводить въ это достоинство только лицъ, носившихъ почетныя званія и оказавшихъ большія заслуги государству *). 2) Въ предоставленіи за-

*) Король могъ назначать на основаніи закона 29-го декабря 1831 года въ званіе пера изъ лицъ слѣдующихъ разрядовъ: 1) бывшихъ президентами палаты депутатовъ; 2) бывшихъ депутатами три раза; 3) изъ маршаловъ и адмираловъ; 4) изъ генералъ-лейтенантовъ и вице-адмираловъ, послѣ десяти лѣтъ службы въ этомъ чинѣ; 5) министровъ; 6) пословъ, послѣ трехъ, и посланниковъ послѣ шести лѣтъ; 7) членовъ государственнаго совѣта, послѣ десяти лѣтъ; 8) префектовъ департамента также послѣ десяти лѣтъ; 9) губернаторовъ колоній послѣ пяти лѣтъ службы; 10) лицъ, бывшихъ три раза избранными въ президенты генеральныхъ совѣтовъ (совѣты департаментовъ); 11) два раза бывшихъ мерами (городскими головами) въ городахъ

конодательной инициативы въ равной мѣрѣ — королю, палатѣ перовъ и палатѣ депутатовъ. Но духъ новаго правительства значительно разнился отъ прежняго; какъ король избранный, Лудовикъ-Филиппъ не могъ имѣть тѣхъ стремленій, того перевѣса, который имѣли Божіей милостью короли Франціи и Наварры. Правленіе его было чисто парламентарное, — знаменитое изрѣченіе Le Roi regne, mais ne gouverne pas (король царствуетъ, но не управляетъ), лозунгъ приверженцевъ парламентаризма, вполнѣ осуществился. Управляло министерство, которое составлялось въ духѣ парламентскаго большинства, т. е. большинства палаты депутатовъ, потому что палата перовъ была безъ всякаго значенія на дѣлѣ.

Конституція Лудовика-Филиппа оставила однако администрацію въ той же формѣ и въ той же полной зависимости отъ исполнительной власти, какъ это было при Наполеонѣ. Цензъ она оставила тотъ же высокій, какой былъ при Лудовикѣ XVIII, даже еще повысила, такъ что полноправныхъ гражданъ (т. е. имѣвшихъ право избирать депутатовъ) было всего 200,000—вмѣсто восьми мильоновъ! Времена Лудовика XVIII были временемъ господства богатой буржуазіи.

Конституцію Лудовика-Филиппа смѣнила въ 1848 году республиканская. Эта Конституція (4-го ноября 1848 года)

съ населеніемъ свыше 30,000 жителей въ теченіи пяти лѣтъ; 12) изъ президентовъ кассаціоннаго и счетнаго суда (государственный контроль); 13) изъ генералъ-прокуроровъ этихъ судовъ послѣ шести лѣтъ службы; 14) изъ совѣтниковъ кассаціоннаго суда и первыхъ президентовъ аппеляціонныхъ послѣ пяти лѣтъ, генеральныхъ-адвокатовъ перваго и генералъ-прокуроровъ послѣднихъ послѣ десяти лѣтъ службы; 15) бывшихъ четыре раза предсѣдателями коммерческихъ судовъ въ городахъ съ населеніемъ свыше 30,000 человѣкъ; 16) изъ членовъ французскаго института; 17) изъ гражданъ, получившихъ за свои заслуги особенную національную награду; 18) изъ лицъ, платящихъ ежегодно три тысячи франковъ податей (по недвижимой собственности въ теченіи трехъ, по движимой—патентный сборъ—пяти лѣтъ), если они притомъ были въ теченіи шести лѣтъ членами коммерческаго или департаментскаго совѣтовъ, или были депутатами или членами коммерческаго суда. Такимъ образомъ перія должна была состоять только изъ политическихъ, судебныхъ, административныхъ, ученыхъ, военныхъ и финансовыхъ знаменитостей.

не представляетъ также никакихъ новыхъ политическихъ началъ. Она составлена изъ смѣшенія конституцій 1791 и 1793 годовъ съ наполеоновскими: 1) Всеобщая подача голосовъ при выборахъ въ депутаты (suffrage universel)— начало 1793 года; 2) законодательная власть принадлежитъ только законодательному собранію, исполнительная власть можетъ только на время задержать провозглашеніе закона (начало 1791 года); 3) ревизія конституціи происходитъ непремѣнно каждыя десять лѣтъ особымъ собраніемъ, и имъ утверждается конституція (а не народомъ), а до этого срока можетъ быть ревизована конституція по желанію двухъ третей голосовъ законодательнаго собранія; собраніе для ревизіи состоитъ изъ 1,000, а законодательное изъ 750 членовъ (начало 1791 года); 4) исполнительная власть поручается одному лицу — президенту республики, избираемому на четыре года всѣмъ народомъ: начало консульской конституціи, а потому и конецъ былъ тотъ же. Администрація осталась безъ перемѣнъ, т. е. въ томъ же подчиненіи исполнительной, съ тою же централизаціею; функціи исполнительной власти почти тѣ же, что и при Наполеонѣ, но только она поставлена въ нѣкоторомъ подчиненіи законодательной.

2-го декабря 1851 года разыгралось дѣйствіе, прологъ котораго сочиненъ былъ самой конституціей 1848 года: президентъ республики Лудовикъ Бонапартъ взбунтовался вмѣстѣ съ арміей и администраціей противъ законной власти; законная власть была безъ всякихъ матерьяльныхъ средствъ, потому что всѣ они были сданы въ распоряженіе исполнительной, и должна была уступить силѣ *). Вторая им-

*) Конституція предвидѣла возможность государственнаго переворота со стороны президента, и въ предупрежденіе постановила слѣдующую статью (68-ю): „Всякая мѣра, которою президентъ республики распускаетъ собраніе, или дѣлаетъ препятствіе къ отправленію его обязанностей, есть государственная измѣна. По одному этому факту президентъ считается низложеннымъ; граждане обязаны не повиноваться ему; члены верховнаго суда обязаны немедленно собраться, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, созвать присяжныхъ для суда надъ президентомъ.“ Это постановленіе очень мудро, да только привести его въ исполненіе противъ преступника съ 500,000 вой-

перія была провозглашена, и принята почти единогласно французскимъ народомъ, — изъ семи мильоновъ шесть съ половиною были *за*, и только полмильона противъ.

IV.

Конституція 1851—1852 года.—Переворотъ 2-го декабря.—Власть главы государства.—Сенатъ.—Его право сопротивленія обнародованію законовъ и уничтоженія неконституціонныхъ актовъ.—Право представленія.—Законодательный корпусъ.—Его право относительно законодательства и налога.—Государственный совѣтъ.—Право адресовъ.

Въ два пріема совершилъ Лудовикъ-Наполеонъ возстановленіе политической системы своего дяди. Въ первый разъ конституціей 14-го января 1852 г. удержано было имя республики и Лудовикъ-Наполеонъ былъ объявленъ президентомъ на десять лѣтъ,—но содержаніе было вполнѣ императорское, наполеоновское: исполнительная власть получила совершенный перевѣсъ надъ другими. Въ 1852 году онъ провозглашенъ былъ наслѣдственнымъ императоромъ.— Конституція осталась прежняя съ неважными измѣненіями,— такъ хорошо она и при названіи республиканской приноровлена была къ имперіи.

Эта конституція есть полное воспроизведеніе конституціи Наполеона I, съ нѣкоторыми неважными измѣненіями, которыя заставляли ввести случайныя обстоятельства. Она не республиканская и не монархическая, а особеннаго рода—наполеоновская, т. е. заключаетъ въ себѣ начала республиканскія, лучше сказать чисто-демократическія, но только по формѣ, и начала конституціонной монархіи, опять таки болѣе въ формѣ; а содержаніе ея: военный деспотизмъ, опирающійся на матеріальныя потребности массы.

Первая статья этой конституціи гласитъ: «Конституція признаетъ, подтверждаетъ и гарантируетъ великія начала,

ска было трудно. Впрочемъ французскій судъ поддержалъ свою честь. Президентъ верховнаго суда, знаменитый Порталисъ, объявилъ Лудовика-Наполеона виновнымъ въ государственной измѣнѣ, и опредѣлилъ представить его подъ стражей въ судъ.

провозглашенныя въ 1789 году, которыя и остаются основаніемъ государственнаго права французовъ.»

На сколько справедливо это введеніе, покажетъ изложеніе конституціи. Всеобщая подача голосовъ, на томъ же основаніи какъ въ монтаньярской конституціи 1793 г., т. е. безъ всякаго различія между гражданиномъ и избирателемъ, признана и въ этой конституціи выраженіемъ воли народа, верховнымъ законодателемъ. Но народъ призывается выражать свою волю непосредственно только въ принятіи основаніи конституціи и для утвержденія тѣхъ измѣненій въ ней, которыя правительство признаетъ нужнымъ ввести. Законодательное собраніе послѣдней республики ограничило право всеобщей подачи голосовъ (при выборѣ депутатовъ); это подало президенту поводъ выставить себя защитникомъ республики. 2-го декабря 1851 г. онъ отмѣнилъ это ограниченіе и въ воззваніи къ народу потребовалъ предоставленія себѣ власти устроить конституцію на началахъ, бывшихъ при Наполеонѣ I. Основанія эти были слѣдующія: 1) Отвѣтственный глава государства, избираемый на десять лѣтъ; 2) министры, зависящіе только отъ него; 3) государственный совѣтъ, составленный изъ людей самыхъ способныхъ, для приготовленія законовъ; 4) законодательный корпусъ изъ депутатовъ, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ (suffrage universel), вотирустъ законы; 5) сенатъ, составленный изъ всѣхъ знаменитостей страны, охранитель конституціи и свободы. Въ 1852 году, какъ мы говорили, первое положеніе было измѣнено съ утвержденія народа: Лудовикъ Бонапартъ изъ президента на десять лѣтъ провозглашенъ былъ императоромъ.

По этой конституціи президенту (или впослѣдствіи императору) предоставлена верховная власть: 1) вся исполнительная власть, администрація, армія—въ его управленіи; 2) онъ одинъ имѣетъ законодательную инниціативу; 3) ему принадлежитъ санкція законовъ, т. е. законъ не прежде получаетъ силу, какъ будучи имъ утвержденъ; 4) министры зависятъ только отъ него; они отвѣтствены

только каждый за свой департаментъ, между ними нѣтъ солидарности. Эта послѣдняя статья очень важна. Въ парламентарныхъ государствахъ глава управляетъ чрезъ посредство министровъ; министерство составляетъ одно цѣлое, т. е. людей одной и той же политической партіи, глава министерства — первый министръ есть настоящій правитель государства. Если парламентъ недоволенъ министерствомъ, т. е. если большинство голосовъ въ важномъ вопросѣ было противъ министерства, тогда глава государства распускаетъ его и составляетъ новое, которое было бы въ гармоніи съ парламентомъ; или если онъ и его министерство думаютъ, что большинство парламента не выражаетъ общественнаго мнѣнія, что оно напротивъ того за министерство, тогда государь распускаетъ парламентъ и объявляетъ новые выборы, и судьба министерства рѣшается новымъ парламентомъ. При этой системѣ не можетъ быть антагонизма между исполнительной и законодательной властью: первая или уступаетъ второй, или призываетъ націю для спокойнаго рѣшенія спора. Такое правленіе, парламентарное—потому что парламентъ имѣетъ перевѣсъ надъ исполнительной властью, указываетъ ей путь слѣдованія, было во Франціи въ полной силѣ съ 1830 года. Лудовикъ-Наполеонъ уничтожилъ званіе перваго министра, солидарность между министрами, другими словами: глава государства управляетъ, не заботясь о томъ, одобряетъ ли палата направленіе его внѣшней и внутренней политики; министры не болѣе, какъ секретари его, и отвѣчаютъ не палатѣ, а ему одному.

Первымъ политическимъ корпусомъ поставленъ сенатъ. Онъ состоитъ изъ ста пятидесяти членовъ, безсмѣнныхъ и пожизненныхъ; всѣ они назначаются главою государства *). Онъ составленъ, какъ говоритъ конституція, изъ всѣхъ знаменито-

*) Впрочемъ есть нѣсколько лицъ, которыя суть члены сената по самому званію своему, это: кардиналы, маршалы и адмиралы. Но производство въ маршалы и адмиралы зависитъ вполнѣ отъ императора (да и въ кардиналы почти такъ), слѣдовательно нѣтъ ни одного члена не по назначенію императора.

стей страны (illustrations du pays), другими словами — изъ самыхъ безусловныхъ приверженцевъ бонапартизма. Конечно члены сената безсмѣнны. Но безсмѣность есть хорошая гарантія независимости только въ такомъ случаѣ, когда люди способны быть независимыми по характеру и убѣжденіямъ. А если, какъ это во французскомъ сенатѣ, они составлены изъ людей, которыхъ все достоинство только въ приверженности къ бонапартизму, то безсмѣность не можетъ дать независимости, тѣмъ болѣе, что сенаторы получаютъ большое жалованье. Не поддерживать во всемъ правительства значитъ потерять деньги, потому что сенатъ можетъ существовать только при этомъ правительствѣ, другое не оставитъ его *). Не даромъ сенатъ первой имперіи прозванъ былъ охранителемъ — своихъ окладовъ (senat-conservateur его легальное имя). Нынѣшній сенатъ достойно поддерживаетъ репутацію перваго.

Законы, предложенные правительствомъ и одобренные законодательнымъ корпусомъ, представляются на разсмотрѣніе сената, который можетъ воспротивиться ихъ обнародованію, но только въ слѣдующихъ случаяхъ, исчисленныхъ въ 26-й ст. конституціи: 1) Если законы будутъ противны конституціи, религіи, нравственности (!), свободѣ вѣроисповѣданія, личной свободѣ, равенству гражданъ предъ закономъ, неприкосновенности частной собственности и безсмѣности судебнаго сословія; 2) если они могутъ затруднять защиту территоріи. Болѣе неопредѣленныхъ постановленій трудно найти: и религія, и мораль, и защита территоріи **)! Званіе защитника конститу-

*) Замѣтимъ, что перы іюльской монархіи не получали жалованья, что давало имъ нѣкоторую независимость отъ правительства.

**) Въ этомъ отношеніи устройство сената первой имперіи было гораздо роскошнѣе. При немъ состояли двѣ постоянныя комиссіи, каждая изъ семи сенаторовъ, одна—commission sénatoriale de la liberté individuelle (комиссія защиты личной свободы), другая—commission sénatoriale de la liberté de la presse (комиссія свободы книгопечатанія). Эти комиссіи обязаны были строго на строго наблюдать, чтобы личная свобода и свобода книгопечатанія не были нарушаемы, и виновныхъ въ этомъ нарушеніи предавать верховному суду. Любопытно, что въ теченіи десяти лѣтъ царствованія Наполеона I не оказалось ни одного виновнаго, между тѣмъ какъ ни свободы

ціи даетъ сенату (29 ст.) право уничтожать акты, о которыхъ сообщитъ правительство или граждане въ прошеніяхъ, что они противны конституціи. Одному сенату предоставлено: издавать конституціи для Алжиріи и колоній *), пояснять конституцію, принимать мѣры къ успѣшному ходу ея; но конечно всѣ постановленія сената по этимъ предметамъ (senatus-consulte) не прежде получаютъ законную силу, какъ по утвержденіи ихъ императоромъ. Сенатъ можетъ также представлять императору объ измѣненіяхъ въ конституціи и составлять въ общихъ чертахъ проекты важныхъ и полезныхъ законовъ. Если императоръ согласится съ представленіемъ сената, тогда послѣдній составляетъ senatus-consulte (сенатское постановленіе)**) и представляетъ его на утвержденіе императору. Но существенное измѣненіе въ конституціи должно быть произведено съ согласія народа ***). Если императоръ распуститъ законодательный корпусъ, то до созванія новаго всѣ мѣры, необходимыя для хода дѣлъ, издаются сенатомъ по предложенію правительства.

книгопечатанія, ни личной не существовало вовсе. Напримѣръ, реставрація застала нѣсколько сотъ человѣкъ, гнившихъ въ тюрьмахъ, куда засадило ихъ правительство только потому, что ихъ политическія мнѣнія были не сходны съ его видами,—и все это безъ суда и слѣдствія. То же самое, хотя въ меньшей степени, существуетъ и теперь. Сенатъ единогласно утвердилъ законъ 1858 года, по которому правительство получило право хватать и пересылать куда угодно людей, противъ которыхъ нѣтъ никакихъ законныхъ доказательствъ, но которыхъ оно считаетъ вредными.

*) Колоніи по конституціи 1848 года (также какъ и по конституціямъ 1791 и 1793 годовъ) посылали депутатовъ въ законодательное собраніе наравнѣ съ гражданами метрополіи. Конституція 1851 года лишила ихъ этого права и дала имъ особое управленіе.

**) Замѣтимъ, что не всѣ опредѣленія сената носятъ римское названіе senatus-consulte,—а только нѣкоторыя, именно только тѣ, которыми опредѣляется конституція колоній, истолкованіе конституціи, измѣненія въ ней.

***) Поэтому провозглашеніе президента императоромъ было передано на всеобщую балотировку народа. *За* оказалось 7,500,000 голосовъ, *противъ* 500,000. Въ сенатѣ это предложеніе принято единогласно, за исключеніемъ *одного* голоса. Любопытно, что и всѣ другія важныя мѣры правительства встрѣчаютъ также оппозицію этого таинственнаго одного голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что если имперія падетъ, то всѣ сто пятьдесятъ сенаторовъ будутъ громко присвоивать себѣ этотъ голосъ.

Палата выборныхъ носитъ названіе законодательнаго корпуса (corps législatif). Депутаты избираются всеобщей подачей голосовъ, что для нынѣшняго правительства, при его страшной силѣ, выгоднѣе, нежели избирательныя коллегіи. Оно выставляетъ своего кандидата, администрація поддерживаетъ его всѣми силами, на массу она имѣетъ огромное вліяніе, — обмануть и запугать массу крестьянъ легче, нежели нѣсколько сотъ людей достаточныхъ, каковы были прежніе члены избирательныхъ коллегій. При всемъ томъ законодательному корпусу даны самыя ограниченныя права. Онъ не имѣетъ законодательной инициативы, которая принадлежитъ только исполнительной власти, слѣдовательно онъ можетъ подавать голосъ только о тѣхъ законахъ, которые считаетъ нужными правительство, — и какъ бы страна ни нуждалась въ какомъ-либо новомъ законѣ, депутаты народа не могутъ предложить проекта *). Мало того. Законодательный корпусъ не имѣетъ права измѣнять и дополнять проекты правительства, а долженъ вотировать такъ, какъ ему представлено **). Наконецъ, и самое главное, это форма, по которой вотируется бюджетъ. Утвержденіе смѣты приходовъ и расходовъ есть важнѣйшее право представительныхъ собраній. Если

*) Слабая тѣнь законодательной инициативы предоставлена сенату, какъ объ этомъ было упомянуто. Законодательный корпусъ не имѣетъ права принимать прошенія гражданъ о кокой-либо общественной надобности,— прошенія должны быть подаваемы въ сенатъ. Этимъ законодательный корпусъ лишается органической постоянной связи съ народомъ, котораго между тѣмъ онъ есть представитель.

**) При представленіи закона наблюдается слѣдующій порядокъ. Законодательный корпусъ назначаетъ комиссію для предварительнаго разсмотрѣнія; правительство съ своей стороны посылаетъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта для объясненія и поддержанія своего проекта предъ комиссіей и законодательнымъ корпусомъ. Если комиссія найдетъ, что надобно сдѣлать измѣненіе (amendement), то проектъ этого амендемента доставляется государственному совѣту, который или соглашается на него, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ проектъ представляется на вотированіе законодательному корпусу такъ, какъ онъ вышелъ изъ редакціи государственнаго совѣта. Законодательный корпусъ не можетъ и предлагать государственному совѣту сдѣлать какія либо измѣненія, а долженъ вотировать проектъ по спартански,—принять или отвергнуть.

оно обезпечено вполнѣ за ними, то правительство всегда дѣйствуетъ такъ, какъ того требуютъ интересы страны: всякое учрежденіе требуетъ денегъ, далѣе усиленіе арміи, война требуетъ новыхъ и чрезмѣрныхъ расходовъ. Палата, отказавши, напримѣръ, правительству въ выдачѣ денегъ, нужныхъ для веденія войны, дѣлаетъ безплоднымъ его право объявлять войну: безъ денегъ нельзя воевать; или правительство захочетъ, напримѣръ, усилить полицію, — палата не даетъ на это денегъ, и правительство отказывается отъ своего проекта. Словомъ, имѣя въ рукахъ бюджетъ, палата держитъ всю внѣшнюю и внутреннюю политику въ своей власти. Нынѣшнее правительство распорядилось относительно этого вопроса чрезвычайно ловко: повидимому учрежденіе бюджета предоставлено законодательному корпусу, а на дѣлѣ онъ здѣсь почти ничего не можетъ сдѣлать.

Вотъ какъ это устроено. 39 статья конституціи говоритъ, что законодательный корпусъ вотируетъ налоги, — очень кратко, —а 12 статья дополненія къ конституціи *) развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «Смѣта расходовъ представляется законодательному корпусу съ раздѣленіемъ по главамъ и статьямъ; *она вотируется по министерствамъ*». Этимъ замѣчаніемъ отнята у палаты почти вся власть въ утвержденіи расходовъ. Она можетъ отказывать только въ смѣтѣ на цѣлое министерство. Но послѣднее почти невозможно. Напримѣръ, правительство задумало чрезвычайное усиленіе арміи, и палатѣ представляется, что положено держать столько-то пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, такія-то крѣпости привести въ оборонительное положеніе, столько-то новыхъ кораблей построить и проч. и проч., и на каждую статью столько-то мильоновъ, и въ суммѣ столько-то. Палата не желаетъ войны, она находитъ, что для защиты Франціи эти силы слишкомъ велики, —что же ей слѣдовало бы сдѣ-

**) Это дополненіе конституціи, составленное послѣ провозглашенія Лудовика-Наполеона императоромъ сенатскимъ постановленіемъ, —senatus-consulte, 25-го декабря 1852 года.

лать? Ей бы слѣдовало дать правительству столько денегъ, сколько нужно напримѣръ на триста, а не на пятьсотъ тысячъ войска, не дать вовсе на вооруженіе новыхъ кораблей и проч. А между тѣмъ конституція не даетъ ей права разсуждать по частямъ, палата можетъ или согласиться отпустить на военное министерство требуемую сумму, или вовсе отказать. Но какъ же можно вовсе отказать? Вѣдь это значитъ, чтобы Франція не держала ни одного солдата, распустила армію и флотъ, обезоружила крѣпости... И такъ палата поставлена въ дилему: или принять бюджетъ, или сказать чудовищную нелѣпость. Но, положимъ, ея нерасположеніе къ правительству, дѣйствующему вопреки интересовъ націи, дойдетъ до того, что она рѣшится на послѣднее. И это предусмотрѣно. Правительство имѣетъ право распустить палату и созвать новую въ теченіи шести мѣсяцевъ, а до этого времени оно имѣетъ право одно, съ согласія сената, (слѣдовательно все тоже одно) принимать всякія мѣры, необходимыя для хода государственныхъ дѣлъ, слѣдовательно оно объявитъ такой налогъ, какой ему нуженъ; черезъ полгода будетъ новая палата,—если и она заупрямится, и съ ней будетъ поступлено такъ же и т. д. И при всемъ этомъ правительство право: нельзя же странѣ, какъ Франція, остаться безъ войска, или безъ судовъ (если бюджетъ министерства юстиціи не будетъ принятъ); оно, пожалуй, даже можетъ объявить членовъ палаты измѣнниками отечеству, которые желаютъ предать его въ руки враговъ, и глава государства, пользуясь правомъ, даннымъ ему конституціей, можетъ сдѣлать прямое воззваніе къ народу, и по примѣру своихъ прежнихъ воззваній поставить вопросъ, напримѣръ, такимъ образомъ: «Желаетъ ли Франція быть безоружной, не имѣть ни одного солдата и быть покоренной англичанами и австрійцами?» и объяснить, что отрицательный отвѣтъ означаетъ, что Франція предоставляетъ императору принять всѣ мѣры для предупрежденія такого печальнаго событія. Разумѣется, что нація единогласно

на все согласится, иначе и быть не можетъ *). Все сказанное нами не есть одно голое предположеніе: чѣмъ разнится отъ этого воззваніе къ народу 2-го декабря 1851 года? Впослѣдствіи императоръ самъ сократилъ свои бюджетныя права: бюджетъ теперь представляется палатѣ раздѣленнымъ не на 8 главъ (по министерствамъ), а на 40 — по департаментамъ каждаго министерства, слѣд. палата получила болѣе возможности къ серьезному участію въ бюджетѣ; далѣе, императоръ обѣщалъ не прибѣгать къ дополнительнымъ кредитамъ.

Если проектъ закона одобренъ законодательнымъ корпусомъ, то онъ вносится въ сенатъ, который можетъ выразить сопротивленіе обращенію его въ законъ, если онъ противенъ конституціи, нравственности, религіи и проч. Затѣмъ санкція принадлежитъ императору: онъ утверждаетъ и обнародываетъ его. Впрочемъ право санкціи излишняя роскошь при нынѣшней конституціи, потому что палата не можетъ утвердить никакого проекта, кромѣ того, который представитъ правительство.

Члены законодательнаго корпуса избираются всеобщей подачей голосовъ на шесть лѣтъ. Замѣтимъ, что этотъ срокъ такой длинный, какого нѣтъ въ другихъ парламентахъ. Это также не безъ значенія: чѣмъ продолжительнѣе срокъ, тѣмъ труднѣе депутату быть выразителемъ потребностей и желаній страны. Напримѣръ, такое ли было состояніе умовъ, тѣ ли желанія были во Франціи въ 1851 и

*) Право дѣлать воззваніе или аппеляцію къ народу (appel au peuple)
принадлежитъ одному императору. Это страшное оружіе выработано край-
нею демократическою партіею, которая конечно никакъ не ожидала того,
кто и для чего имъ воспользуется. Та же статья конституціи, по которой
дается президенту (впослѣдствіи императору) это право, вмѣстѣ съ тѣмъ
говоритъ, что онъ отвѣтственъ передъ народомъ: Le président de la répub-
lique est r e s p o n s a b l e devant le peuple français, auquel il a toujours le
droit de faire appel (ст. 5). Начало отвѣтственности поставлено однимъ изъ
основаній конституціи въ воззваніи 2-го декабря 1851 года. Но какимъ об-
разомъ народъ можетъ призвать главу исполнительной власти къ отвѣту, за
что, и какія послѣдствія повлечетъ виновность, объ этомъ гробовое молчаніе
въ конституціи. Словомъ, это одно изъ литературныхъ украшеній, которыми
изобилуютъ французскія конституціи.

1857 году? При слишкомъ длинномъ срокѣ палата теряетъ свое значеніе—представителя нуждъ и желаній націи, и, напротивъ того, мало по малу привыкаетъ къ требованіямъ и духу правительства. Впрочемъ депутаты и по конституціи поставлены только какъ совѣтники нынѣшняго правительства. По 14 статьѣ они (точно также, какъ всѣ чиновники, военные, сенаторы) обязаны давать слѣдующую присягу: «Я клянусь въ повиновеніи конституціи и въ вѣрности императору». Эта статья стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ началомъ народнаго суверенитета, провозглашеннымъ нынѣшней конституціей. Народъ признанъ верховнымъ законодателемъ, утверждающимъ конституціи, — а его представители не могутъ отправлять своихъ обязанностей, пока не поклянутся въ вѣрности нынѣшнему правительству и конституціи; а если верховный господинъ послалъ ихъ именно съ тѣмъ, что не желаетъ нынѣшней конституціи? *) Впослѣдствіи эта статья была еще болѣе расширена: когда нѣсколько депутатовъ-республиканцевъ отказалось дать присягу, противную ихъ совѣсти и совѣсти тѣхъ, кто ихъ избралъ, то правительство въ избѣжаніе такихъ, какъ оно выразилось, скандаловъ, обязало давать присягу кандидатовъ, желающихъ балотироваться въ депутаты, — безъ этой присяги ихъ нельзя избрать. Въ такіе-то размѣры поставлено народное полновластіе правительствомъ, которое безпрестанно говоритъ, что оно есть чисто демократическое. При этомъ условіи ни одинъ искренній приверженецъ республики или монархіи (орлеанисты и легитимисты) не можетъ быть депутатомъ.

Число депутатовъ сравнительно невелико, около двухъ сотъ пятидесяти,—именно одинъ депутатъ съ 35,000 изби-

*) Народъ былъ призванъ принять конституцію, — это начало чистой демократіи; но другое начало, естественно вытекающее изъ этого и занесенное въ конституцію 1793 года, что народъ можетъ и измѣнить ее, когда захочетъ, вовсе не признано нынѣшней конституціей. Измѣненія можетъ предлагать сенатъ, съ непремѣннымъ условіемъ согласія императора. Слѣдовательно, конституція можетъ быть измѣнена только тогда и въ тѣхъ параграфахъ, когда и на которые захочетъ исполнительная власть.

рателей или со 150,000 населенія, слѣдовательно втрое меньше, нежели по конституціи 1791 и 1848 года, и (сравнительно съ населеніемъ) втрое меньше, чѣмъ въ Англіи, впятеро меньше, чѣмъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Причина, почему нынѣшнее правительство ограничило число депутатовъ, понятна: когда число депутатовъ сравнительно невелико, то различные оттѣнки партій не могутъ быть въ немъ достаточно представлены, и такимъ собраніемъ гораздо легче управлять *).

Законодательный корпусъ обыкновенно засѣдаетъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ въ году, но правительство можетъ продолжить и сократить этотъ срокъ. Депутаты получаютъ по 2,500 франковъ жалованья за каждый мѣсяцъ засѣданій **).

Изъ обозрѣнія устройства законодательнаго корпуса видно ясно, что и палата выборныхъ не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на политику правительства; оппозиція династическая невозможна, потому что нельзя попасть въ члены иначе, какъ присягнувши въ вѣрности династіи; оппозиція парламентарная также невозможна, и во всякомъ случаѣ не можетъ остановить правительства ***).

*) Нынѣшній императоръ французовъ сказалъ, что большое число членовъ законодательной палаты помѣха для спокойнаго обсужденія дѣлъ. Это напоминаетъ отвѣтъ Талейрана при дебатахъ объ учрежденіи конституціи въ 1799 году. Когда было сдѣлано предложеніе, чтобъ исполнительная власть была вручена комиссіи, Талейранъ сказалъ: „Генералъ не любитъ большаго общества, онъ предпочитаетъ уединеніе".

**) Сенаторы получаютъ по 30,000 франковъ въ годъ; члены государственнаго совѣта по 25,000 франковъ. Президенты законодательнаго корпуса и сената получаютъ сверхъ того еще особые оклады. Президенты и вице-президенты законодательнаго корпуса и сената назначаются ежегодно изъ членовъ этихъ собраній. Содержаніе императора назначается сенатомъ при началѣ царствованія и притомъ остается неизмѣннымъ во все время продолженія царствованія. Наполеона III получаетъ тридцать мильоновъ франковъ въ годъ и пользуется казеннымъ имуществомъ (дворцами, парками и проч.).

***) Впрочемъ въ этомъ порядкѣ лежитъ и сравнительная слабость нынѣшняго правительства. Взявши на себя все, оно не иначе можетъ жить, какъ при единогласіи законодательнаго корпуса и сената,—самая слабая оппозиція, которая не помѣшаетъ нисколько свободному парламентарному

Третій государственный корпусъ—государственный совѣтъ. Члены его назначаются и увольняются императоромъ, слѣдовательно по составу онъ вовсе не есть государственное учрежденіе, имѣющее хотя какую-нибудь независимость въ безсмѣнности или въ выборномъ происхожденіи; значенія политическаго онъ также не имѣетъ,—это не болѣе какъ высшее административное мѣсто, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заключаетъ тѣ функціи, которыя у насъ имѣетъ второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Государственный совѣтъ въ этомъ видѣ учрежденъ во Франціи Наполеономъ I; онъ получилъ тогда двоякое значеніе: 1) высшаго административнаго суда, 2) комитета для приготовленія проектовъ законовъ (законодательная иниціатива перешла вся въ руки правительства). По образцу французскаго, учрежденъ былъ императоромъ Александромъ I и нашъ государственный совѣтъ, конечно съ большими различіями, вслѣдствіе различія политическихъ учрежденій. То же самое значеніе онъ имѣетъ и теперь. Поэтому мы разсмотримъ его въ слѣдующей главѣ, гдѣ будемъ говорить объ администраціи.

Кромѣ названныхъ учрежденій есть еще верховный совѣтъ, установленный въ 1858 году. Онъ долженъ управлять государствомъ въ случаѣ малолѣдства будущаго императора, и кромѣ того собирается нынѣшнимъ императоромъ какъ частный совѣтъ, для разсужденія о великихъ государственныхъ дѣлахъ. Совѣтъ этотъ тогда былъ составленъ изъ принцевъ императорскаго дома (Жерома и его сына Наполеона) и важнѣйшихъ сановниковъ имперіи, кекъ-то: Фульда (государственный министръ), Морло (парижскій архіепископъ), Персиньи, маршала Пелисье, Бароша (президентъ государственнаго совѣта), Тролона (президентъ кассаціоннаго суда и сената), Морни (президентъ законодательнаго корпуса) и Валевскаго.

Нынѣшняя французская конституція есть сколокъ, какъ

правительству, есть для него гибель,—оно должно быть непогрѣшимо,—иначе весь престижъ его пропадетъ.

мы сказали, началъ демократическихъ и монархическихъ, — но извращенныхъ и направленныхъ только къ одной цѣли: къ полному господству военнаго деспотизма. Если въ ней и призваны нѣкоторыя изъ великихъ началъ 1789 года: суверенитетъ народа, равенство, раздѣленіе властей (впрочемъ далеко не полное), — то нѣтъ главнаго, — начала свободы. Этимъ бонапартистское правительство отличается рѣзко отъ монархическо-парламентарной и отъ республиканской партіи, потому что не только умѣренные, но и крайніе республиканцы столько же любили свободу, какъ и равенство, хотя послѣдніе въ своей политикѣ прибѣгали къ мѣрамъ и учрежденіямъ, совершенно противнымъ началу разумной свободы: они говорили, что это временныя мѣры.... Нынѣшнее правительство также объявляетъ, что оно впослѣдствіи введетъ свободу самую широкую, но пока, на время оно ставитъ ее на второй планъ. «Надобно прежде устроить зданіе, сказалъ нынѣшній императоръ. Свобода ничего прочнаго не создала, она должна только увѣнчать зданіе.» Эти слова не новы, тоже самое говорилъ и Робеспіеръ. Можетъ быть они и искренни, — да только свобода не такое существо, которое является по свистку, когда угодно будетъ исполнительной власти. Если ее изгоняютъ изъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, то народъ въ нѣсколько лѣтъ развращается, и потомъ на долго дѣлается неспособнымъ къ ней, а иногда и вовсе теряетъ эту способн ость. Внутреннее состояніе французскаго общества покрыто туманомъ. Конституція 1852 г. была только договоромъ съ необходимостью: средній классъ, запуганный соціалистами и красными, народъ, потерявшій довѣріе къ враждебному для него національному собранію и опасавшійся возстановленія монархіи, о чемъ явно говорило большинство собранія, — избрали бонапартизмъ, какъ единственный прочный якорь для отдыха. Партія бонапартистовъ сравнительно невелика. Наполеонъ III сказалъ, что конституція его дяди пала не вслѣдствіе внутренней несостоятельности и сопротивленія народа, а отъ внѣшней военной силы, — нашествія Европы. Это, во-

первыхъ, не со всѣмъ точно: конституція Наполеона I была измѣнена имъ самимъ во время Ста Дней, вслѣдствіе громкаго требованія націи, и во вторыхъ — слѣдуетъ прибавить, что конституція какъ первой, такъ и нынѣшней имперіи можетъ существовать только при посредствѣ военной силы и безпрестанныхъ внѣшнихъ войнъ. При всѣхъ недостаткахъ нынѣшней французской конституціи правительство императора Наполеона дѣлается все прочнѣе и тверже. Вожди противныхъ партій соглашаются теперь, что онъ по крайней мѣрѣ на время болѣе всего соотвѣтствуетъ чувствамъ и желаніямъ націи. Въ 13 лѣтъ своего царствованія Наполеонъ III не только возвратилъ Франціи ея военную славу, но и доставилъ господствующее положеніе въ дѣлахъ цѣлаго міра. А для такого военнаго и честолюбиваго народа, каковы французы, эта одна заслуга покрываетъ всѣ недостатки. Великія работы, предпринимаемыя государствомъ, занимая сотни тысячъ рабочихъ, отнимаютъ у революціи руки. Наконецъ, его мудрость и искусство возвышаютъ его въ глазахъ цѣлаго міра. Его система основана на слѣдующемъ правилѣ, громко имъ провозглашенномъ: «надобно управлять сообразно съ идеями вѣка; если вы станете во главѣ ихъ, онѣ васъ вознесутъ, если будете слѣдовать за ними, онѣ васъ увлекутъ, если пойдете противъ нихъ, онѣ васъ ниспровергнутъ». Онъ нѣсколько разъ объявлялъ, что не имѣетъ никакой другой власти, кромѣ той, какую французскій народъ захотѣлъ ему вручить для своего блага; если народъ захочетъ сократить ее, то онъ и его преемники всегда исполнятъ волю народа. Этимъ онъ даетъ своей власти единственное возможное во Франціи законное основаніе и неслыханную силу и твердость, дѣлая народъ солидарнымъ съ своимъ правленіемъ. Принципъ имперіи — суверенитетъ народа и всеобщая подача голосовъ по видимому отличаетъ ее отъ монархической Европы. Императоръ старается о введеніи его и въ другихъ государствахъ, — такъ онъ ввелъ его при присоединеніи къ Франціи Савойи и Ниццы, побудилъ ввести его Сардинскаго

короля, Грецію. Но вся сила системы имперіи основана на геніѣ императора. Удастся ли ему замирить старыя партіи, соединить власть съ свободой, доставить своимъ принципамъ значеніе въ Европѣ,—на это отвѣтитъ будущее.

Въ 1860 году императоръ даровалъ палатамъ право представлять ему ежегодно предъ открытіемъ сессій адресы. Право адреса есть одно изъ существенныхъ принадлежностей парламентарнаго правленія, посредствомъ его парламентъ дѣятельно участвуетъ въ ходѣ внутренняго управленія. Въ Англіи парламентъ при началѣ сессій вотируетъ королю отвѣтный на его рѣчь адресъ, въ которомъ выражаетъ или сочувствіе, или недовѣріе къ принятой правительствомъ системѣ. Если адресъ составленъ въ послѣднемъ духѣ, то министерство подаетъ въ отставку. Вообще этого рода адресы имѣютъ тамъ огромное значеніе: партіи новаго парламента и министерство измѣряютъ на нихъ свои силы. Во Франціи до изданія настоящаго декрета одинъ императоръ говорилъ, всѣ другіе политическіе органы только слушали. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ сдѣлалъ шагъ къ установленію другой существенной принадлежности парламентарной системы—отвѣтственнаго министерства. Но этотъ шагъ былъ очень робокъ: министры по прежнему остались отвѣтственными только предъ императоромъ, а палатамъ дано только право интерпелляціи (запроса), но и то не настоящимъ министрамъ; учреждены особые министры безъ портфеля, которыхъ обязанность выслушивать и отвѣчать на интерпелляціи; такимъ образомъ явилось два рода министровъ: одни управляютъ и не отвѣчаютъ палатамъ, другіе не управляютъ, но должны защищать мѣры управляющихъ министровъ и отвѣчать палатамъ на запросы! Такая странная уступка не повела, какъ и слѣдовало ожидать, къ перемѣнѣ въ духѣ и направленіи правленія.

V.

Судебное устройство.—Теорія судебной власти.—Безсмѣнность судей.—Вліяніе правительства на судей чрезъ право повышенія и оставленія на службѣ послѣ срока.—Прокуроры.—Административная юстиція.—Судебная свобода.

Абсолютное раздѣленіе и независимость трехъ властей—законодательной, исполнительной и судебной не существуетъ въ дѣйствительности; между ними есть связь, и есть и должна быть извѣстная зависимость отъ одной главной, въ которой лежитъ центръ тяжести (Schwerpunckt des staatlichen Gewalts, какъ говорятъ нѣмцы). Мы видѣли, что исполнительная власть всегда имѣетъ, даже въ демократическихъ республикахъ, извѣстное участіе въ законодательствѣ, а во Франціи она, какъ высшая и поглощающая, имѣетъ даже слишкомъ много этого участія. Въ свою очередь законодательная власть правомъ интерпелляціи, правомъ преданія суду министровъ и въ особенности чрезъ бюджетъ имѣетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на ходъ управленія. Но во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ по формѣ конституціи, признана независимость и раздѣльность законодательной власти отъ исполнительной. Нельзя сказать того же относительно судебной власти.

Изъ всѣхъ политическихъ понятій принципъ судебной власти есть самое трудный. Мы всѣ очень хорошо понимаемъ судебныя учрежденія, легко понимаемъ тѣ формы, при которыхъ они лучше всего соотвѣтствуютъ своему назначенію,—присяжныхъ, адвокатовъ; но идея *судебной власти* для многихъ народовъ еще недоступна. Даже лучше сказать, только въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ существуетъ судебная власть въ истинномъ смыслѣ этого слова. Во Франціи судебная власть существуетъ далеко не вполнѣ, такъ что даже и въ конституціи это слово — pouvoir judiciaire не употребляется, а замѣнено другимъ—судебное сословіе и судебныя учрежденія (l'ordre judiciaire). Судебная власть тогда только существуетъ, какъ великая госу-

дарственная, когда она: 1) имѣетъ свою собственную сферу дѣятельности, куда не можетъ проникать ни законодательная, ни исполнительная власть, 2) когда органы ея и въ своемъ происхожденіи и въ дальнѣйшемъ существованіи независимы отъ другихъ государственныхъ властей.

Нѣкоторые публицисты на основаніи сферы судебной дѣятельности, не признаютъ судебной власти на ряду съ законодательной и исполнительной. Они говорятъ, что есть только двѣ великія власти: одна издаетъ законы (законодательная), другая прилагаетъ ихъ (исполнительная); что есть два способа прилагать законы — одинъ безспорный, когда не представляется никакого сомнѣнія и затрудненія въ практическомъ приложеніи закона, надобно только исполнить его,—это сфера административной дѣятельности; другой спорный, когда надобно разрѣшить затрудненія или относительно смысла закона, или относительно его приложенія къ факту,—это сфера судебной дѣятельности. Поэтому, продолжаютъ они, администрація и судъ двѣ вѣтви одной власти — исполнительной. Въ подтвержденіе своихъ словъ они приводятъ положеніе конституціи 1830 года, оставшееся въ силѣ,—что правосудіе исходитъ отъ короля (toute justice émane du roi) и отправляется его именемъ чиновниками, имъ утвержденными.

Но такое понятіе, вѣрное относительно многихъ государствъ Европы, невѣрно относительно Франціи.

Съ идеей суда существенно связано понятіе о безпристрастіи; безъ этого нѣтъ суда; а чтобы судъ былъ безпристрастенъ, для этого надобно, чтобы судья былъ независимъ. Поэтому смѣшеніе судебной сферы съ административной уничтожаетъ существенное начало суда. Судебная сфера вполнѣ отдѣлена во Франціи отъ законодательной и исполнительной, т. е. всякій процесъ, гражданскій и уголовный, получаетъ начало и конецъ въ судахъ, и никакая другая власть не можетъ ни ревизовать, ни измѣнять, ни утверждать судебныхъ рѣшеній, ни отсрочивать или пріостанавливать приведеніе ихъ въ исполненіе. Характеръ

судебной власти Токвиль опредѣляетъ съ свойственной ему глубиной и ясностью слѣдующими словами:

«Первая черта характера судебной власти у всѣхъ народовъ—быть посредникомъ. Нуженъ споръ для того, чтобы трибуналы обнаружили свое дѣйствіе. Нуженъ процесъ, чтобы былъ судья. Пока законъ не подаетъ повода къ спору, до тѣхъ поръ судебная власть не имѣетъ случая имъ заниматься. Она существуетъ, но ея невидно. Если судья по случаю процеса нападаетъ на законъ, къ нему относящійся, то онъ расширяетъ кругъ своей дѣятельности, но онъ не выходитъ изъ него, потому что ему слѣдовало нѣкоторымъ образомъ обсудить прежде законъ, чтобы обсудить процесъ. Но если онъ толкуетъ о какомъ-либо законѣ не по поводу частнаго процеса, то онъ совершенно выходитъ изъ своей сферы и вступаетъ въ область законодательной власти.

«Вторая черта характера судебной власти: судить о частныхъ случаяхъ, а не объ общихъ началахъ. Если судья, разрѣшая частный случай, разрушаетъ при этомъ общее начало, что всѣ послѣдствія этого начала будутъ такимъ же образомъ поражены, а самое начало останется безъ значенія, не смотря на все это, онъ остается въ естественномъ кругѣ своихъ дѣйствій. Но если судья нападаетъ прямо на общее начало и разрушаетъ его, не имѣя въ виду частнаго случая, то онъ выходитъ изъ того круга, въ которомъ долженъ быть по мнѣнію всѣхъ народовъ. Онъ тогда дѣлается чѣмъ-то гораздо значительнѣе, можетъ быть полезнѣе, но онъ перестаетъ быть представителемъ судебной власти.

«Третья черта характера судебной власти: дѣйствовать тогда только, когда ее призываютъ (quand elle est saisie—техническое выраженіе). Хотя эта черта не всегда встрѣчается, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что она есть существенная. По своей природѣ судебная власть бездѣйствена; надобно привести ее въ движеніе, чтобы она тронулась. Ей доносятъ о преступленіи, и она наказываетъ виновнаго; призываютъ уничтожить несправедливость, и она ее уничтожаетъ; ей представляютъ актъ и она истол-

ковываетъ его. Но сама собою она не идетъ преслѣдовать злодѣевъ, отыскивать несправедливость, разсматривать документы. Судебная власть изнасиловала бы свою природу, еслибы приняла въ этихъ случаяхъ иниціативу и сдѣлала себя цензоромъ законовъ».

Всѣ эти черты имѣетъ французскій судъ, какъ покажетъ изложеніе его организаціи. Французскій судья изъ частнаго случая восходитъ къ общему началу. Но между французскимъ и сѣверо-американскимъ судьей, между судебной властью во Франціи и въ за-атлантической республикѣ—огромная разница. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ судья есть великая *политическая власть*, онъ вмѣшивается въ самую сферу законодательной власти, чего во Франціи нѣтъ.

Издавать законъ — дѣло законодательной власти, которая вездѣ на Западѣ состоитъ изъ палаты выборныхъ съ прибавкою въ нѣкоторыхъ странахъ и другихъ политическихъ властей,—но существенное начало: законъ не иначе можетъ быть изданъ, какъ по одобреніи палатою выборныхъ; никакая другая власть сама по себѣ не можетъ издать закона, т. е. постановленія, касающагося гражданскаго, уголовнаго права, податей, личныхъ повинностей, судебнаго устройства, политическихъ правъ и т. п. Судъ долженъ прилагать законъ къ частнымъ случаямъ, поэтому всякое рѣшеніе суда должно быть во Франціи основано на текстѣ закона. Прилагая текстъ закона, судья связываетъ его съ даннымъ частнымъ случаемъ логическими соображеніями, основанными на наукѣ права, духѣ законодательства, конституціи, какъ основѣ законовъ. Онъ интерпретируетъ (истолковываетъ) законъ. Это право интерпретаціи и дѣлаетъ французскій судъ властію. Понятно, что толкованіе закона можетъ часто доходить до того, что судъ совершенно нарушитъ букву и даже смыслъ закона, словомъ — дастъ ему другое значеніе, какъ бы издастъ новый законъ. Знаменитый примѣръ этой силы судебной власти представляетъ вопросъ о дуэли. Во французскомъ уголовномъ кодексѣ нѣтъ ни слова про дуэль;

на этомъ основаніи со временъ революціи до 1837 года считалось, что дуэль не есть ни преступленіе, ни проступокъ; прокуроры не преслѣдовали ее, а если иногда и доходило дѣло до суда, то онъ отказывался судить на томъ основаніи, что этотъ фактъ не предусмотрѣнъ закономъ; но въ 1837 году кассаціонный судъ по представленію генералъ-прокурора Дюпена рѣшилъ: дуэль есть убійство или нанесеніе ранъ, а потому за нее и слѣдуетъ полагать тѣ наказанія, которыя постановлены въ законѣ за эти преступленія, — законодатель потому не упомянулъ о дуэли, что не хотѣлъ оказать ей чести отличить ее особымъ именемъ отъ другихъ видовъ убійства. Это рѣшеніе основано было на исторіи французскаго права, общихъ философскихъ началахъ права и общественной жизни, конституціи и смыслѣ всего законодательства. Множество законовѣдцевъ не соглашаются съ этимъ толкованіемъ. Что же сдѣлалъ въ этомъ случаѣ, если принять послѣднее и самое справедливое мнѣніе, кассаціонный судъ? Онъ просто издалъ законъ, что за дуэль наказывать какъ за убійство и нанесеніе ранъ. Слѣдовательно, судебная интерпретація въ данномъ случаѣ повела, и можетъ повести во множествѣ другихъ, къ тому, что судебная власть выходитъ изъ своей сферы и дѣлается законодательною? Это только съ перваго и непривычнаго взгляда. Интерпретація кассаціоннаго суда имѣетъ значеніе закона, но только относительно опредѣленнаго случая, отдѣльнаго процеса. Случись другой процесъ, — и если бы губернскій судъ не согласился судить дуэли, то кассаціонный снова долженъ повторить свое толкованіе, и передать дѣло рѣшенію другого суда, — возобновить сложную процедуру кассаціи *). Этимъ и отличается истолкованіе закона отъ прямаго закона: законъ имѣетъ общую силу для всѣхъ случаевъ, интерпретація—для отдѣльнаго. Притомъ законодательная власть, замѣтивши, что изданный ею законъ измѣненъ

*) Значеніе судебной власти во Франціи, выражаемое вполнѣ въ правѣ интерпретаціи кассаціоннаго суда, подробно объяснено въ нашемъ сочиненіи „Дуэль и кассаціонный судъ.„—Отеч. Записки 1858 г., №№ 10, 11, 12.

толкованіемъ суда, всегда можетъ издать пояснительный законъ (такъ называемая законодательная интерпретація). Возможна ли дальнѣйшая борьба судебной власти съ законодательной? Этого нельзя себѣ представить, потому что законодательная власть есть высшая, и притомъ изъ всѣхъ трехъ великихъ властей судебная по своей природѣ самая медленная и неспособная къ завоеванію.

Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ судебная власть имѣетъ несравненно высшее значеніе. Мы сравниваемъ французскую судебную власть съ сѣверо-американской, потому что нигдѣ она такъ ни сильна, какъ въ этой послѣдней странѣ, и многіе считаютъ ея положеніе здѣсь образцовымъ, вѣрнымъ великой теоріи трехъ властей. Ни одно учрежденіе не существуетъ въ идеѣ; чтобы имѣть понятіе о недостаткахъ какого либо учрежденія, надобно сравнивать его не съ тѣмъ отвлеченнымъ идеаломъ, который составляется на бумагѣ, а съ болѣе или менѣе точнымъ его осуществленіемъ. Объяснимъ это вкратцѣ на основаніи словъ Токвиля *):

Три великія власти въ западныхъ государствахъ дѣйствуютъ на основаніи конституціи; ею опредѣленъ объемъ и значеніе ихъ. Одной изъ нихъ, законодательной, предоставлено великое право издавать законы. Но это право не есть безграничное, а ограниченное самимъ фактомъ существованія извѣстной конституціи: она не можетъ выдти изъ ея круга, она не можетъ измѣнить конституціи или издавать законовъ, противныхъ ея духу. Первая часть этого положенія достигается легко: общее правило конституціонныхъ государствъ, что всякое измѣненіе въ конституціи должно быть произведено не обыкновеннымъ законодательнымъ собраніемъ, а чрезвычайнымъ. Мы видѣли, что въ Швейцаріи измѣненіе конституціи не иначе можетъ быть произведено, какъ съ одобренія всего народа; во Франціи въ настоящее время основанія конституціи не могутъ быть измѣнены иначе, какъ также рѣшеніемъ всего народа. Въ

*) Tocqueville: De la démocratie en Amérique, t. 1, ch. VI (du pouvoir judiciaire aux États-Unis).

другихъ государствахъ, гдѣ не признано начало чистой демократіи, должно быть собрано особенное національное собраніе, въ большемъ числѣ членовъ, нежели обыкновенное; этимъ и отличается національное учредительное собраніе (Assemblée nationale constituante) отъ національнаго законодательнаго собранія (Assemblée nationale législative): первое постановляетъ конституцію, второе, на основаніи ея, издаетъ различные законы гражданскіе, уголовные, по части финансовъ, податей, администраціи и пр. Законодательное собраніе дѣйствуетъ на томъ основаніи и въ тѣхъ размѣрахъ, какіе даетъ ему конституція,—она для него законъ, которому оно должно подчиняться, измѣнять который, какъ данный высшею властью, оно логически не можетъ *). Но если текстъ конституціи трудно нарушить законодательному собранію, потому что это бы значило предъ лицомъ всего народа возстать противъ верховнаго закона,—то нельзя того же сказать о косвенномъ нарушеніи ея изданіемъ законовъ, противныхъ если не буквѣ, то духу и смыслу конституціи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ исполнительной власти принадлежитъ санкція законовъ, есть еще нѣкоторое обезпеченіе противъ возможности со стороны законодательной такого косвеннаго нарушенія конституціи: надобно, чтобы обѣ власти согласились. Но тамъ, гдѣ законодательная власть (какъ напримѣръ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, или во французской конституціи 1848 года) имѣетъ полный перевѣсъ, гдѣ исполнительная не имѣетъ veto, а должна исполнять

*) Въ Англіи парламентъ есть вмѣстѣ и законодательное и учредительное собраніе, т. е. онъ не только издаетъ законы, но и измѣняетъ конституцію. Но сложный конституціонный механизмъ этой страны, право короля отказать въ утвержденіи рѣшенія парламента, распустить его и созвать новый, дѣлаетъ законодательную власть не безграничною, а строго подчиненною общественному мнѣнію, народу, въ англійскомъ смыслѣ этого слова. Реформа парламента блистательно доказала, что нація въ Англіи и безъ демократическаго начала въ текстѣ конституціи—измѣнять конституцію по своей волѣ, въ дѣйствительности, хотя косвенно, а въ сильной степени обладаетъ этимъ правомъ и налагаетъ свою волю и на парламентъ, и на исполнительную власть.

законы безусловно, тамъ дѣйствительно есть опасность, что будутъ издаваться законы, противные духу и смыслу конституціи. Противъ возможности этого-то зла служитъ регуляторомъ въ Соединенныхъ Штатахъ судебная власть. Ея политическое значеніе заключается въ положеніи: что судья долженъ основывать приговоры болѣе на конституціи, нежели на законахъ, т. е. онъ имѣетъ право не прилагать законовъ, которые считаетъ противными конституціи. Конечно, законъ продолжаетъ существовать, если одинъ или нѣсколько судей въ нѣсколькихъ случаяхъ отказались его приложить; но если всѣ судьи и во всѣхъ случаяхъ отказываются прилагать законъ, тогда очевидно, что отъ него остается одно пустое имя; законъ, который постоянно не прилагается, все равно что не существуетъ. Такимъ образомъ суды могутъ косвенно отмѣнить законъ, и заставляютъ или чтобы законодатель отмѣнилъ законъ, или чтобы народъ, если онъ будетъ раздѣлять мнѣнія законодательной, а не судебной власти, заставилъ бы покориться судей, измѣнивъ конституцію.

Поэтому судебная власть въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ есть ограниченіе для законодательныхъ палатъ: она не допускаетъ ихъ выдти изъ своего круга и превратиться въ учредительное собраніе (конвентъ). Этимъ достигается великая цѣль: ни одна власть, даже самая могущественная — законодательная, не можетъ нарушить верховный законъ — конституцію.

Но здѣсь же представляется и оборотная сторона медали: возможность злоупотребленія такою властью со стороны судей. Судья, отдѣльное и притомъ безсмѣнное лицо, можетъ уничтожать дѣйствіе палаты, составленной изъ лицъ, непосредственно избранныхъ самимъ народомъ. Словомъ, гораздо болѣе опасности, что судья злоупотребитъ своимъ правомъ, нежели законодательная палата, избираемая на срокъ. По крайней мѣрѣ нигдѣ на Западѣ народы не выражали недовѣрія къ палатѣ депутатовъ, на практикѣ также не было примѣровъ явнаго злоупотребленія со стороны палаты. Существованіе этой огромной судебной

власти въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ безъ вредныхъ послѣдствій объясняется совокупностью всѣхъ общественныхъ учрежденій этой страны; необходимость ея заключается въ томъ, что тамъ законодательная власть не встрѣчаетъ никакой преграды со стороны исполнительной.

Американская теорія судебной власти неприложима въ Европѣ какъ по характеру учрежденій, такъ и по самому абсолютному значенію закона. Еслибы, напримѣръ, во Франціи предоставлена была такая власть суду, члены котораго по происхожденію зависятъ отъ исполнительной власти, тогда бы это послужило еще къ большему усиленію этой послѣдней. Эта идея противорѣчитъ политическому взгляду француза; мало того, она такъ еще неудобопонятна для европейскихъ націй, что даже и замѣчательные публицисты считаютъ подчиненіе судебной власти двумъ другимъ властямъ за совершенно нормальное: «Судебная власть, говоритъ Блунчли (Allg. Staatsrecht, 1 ч. стр. 404), также должна быть подчинена правительству, какъ сердце головѣ». При обзорѣ сѣверо-американской конституціи мы будемъ имѣть случай сказать о тѣхъ выгодахъ и невыгодахъ, съ которыми сопряжена тамъ судебная власть. Здѣсь мы можемъ замѣтить одно: что только по американской теоріи судебная власть есть великое колесо конституціонной машины, равное двумъ другимъ, т. е. законодательной и исполнительной власти.

Но при всемъ томъ, во Франціи право суда интерпретировать законъ дѣлаетъ изъ него власть, хотя конечно несравненно слабѣйшую, нежели законодательная и исполнительная. Другое условіе существованія судебной власти есть независимость ея органовъ отъ другихъ властей. Понятно, если судьи будутъ подобно административнымъ чиновникамъ назначаться и смѣняться исполнительной властью, то судъ не можетъ быть независимъ, онъ будетъ отправляться въ томъ духѣ, какъ будетъ угодно этой власти. А между тѣмъ сама исполнительная власть, ея агенты, казна очень часто бываютъ отвѣтчиками, слѣдовательно при такомъ порядкѣ не можетъ осуществиться

идея справедливости. Поставить ее въ зависимость отъ законодательной—здѣсь меньше опасности, но все-таки судъ потеряетъ независимость и прочность: каждая смѣна законодательнаго собранія будетъ и смѣной суда.

Поэтому въ республикахъ признано, что суды избираются народомъ, т. е. что судебная власть имѣетъ общее происхожденіе съ законодательной и исполнительной, слѣдовательно не подчинена ни одной изъ нихъ. Это начало существуетъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, какъ относительно федеральной юстиціи, такъ и въ каждомъ штатѣ; оно также признано почти во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ; оно, какъ мы видѣли, было введено во Франціи творцами конституціи 89 года и продолжало существовать до Наполеона I. Есть еще и другое начало, которое важнѣе самаго избранія для независимости суда, это безсмѣнность (inamovibilité) судей. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ это начало существуетъ относительно федеральной юстиціи; въ Швейцаріи, также какъ и въ республиканскихъ конституціяхъ Франціи, оно не признано. Это не значитъ, что судьи смѣняются, когда будетъ угодно исполнительной власти, а только то, что они, подобно депутатамъ, избираются на срокъ. Еще недавно, въ 1848 году, временное правительство объявило, что принципъ безсмѣности судей несовмѣстенъ съ республиканской формой, хотя примѣръ Сѣверо-американскихъ Штатовъ показываетъ противное. Конечно есть много справедливаго въ словахъ противниковъ безсмѣности судей при безсмѣности судья привыкаетъ смотрѣть на отправленіе правосудія, какъ на свою собственность, какъ на монополію, онъ можетъ безнаказанно отправлять свою великую обязанность безъ рвенія, безсмѣность порождаетъ апатію и пр.

Все это справедливо. Но не надобно забывать одного: въ человѣческихъ учрежденіяхъ нѣтъ ни одного, которое не представляло бы дурныхъ сторонъ; хорошимъ называется не то, при которомъ не можетъ быть никакихъ дурныхъ послѣдствій, а то, безъ котораго были бы вели-

кія бѣдствія, которое охраняетъ великія гражданскія блага. Въ этомъ смыслѣ начало безсмѣнности судей несравненно выше начала срочности: при выборѣ на срокъ, судья, который конечно долженъ быть изъ юристовъ, слѣдовательно человѣкъ, для котораго званіе судьи есть профессія, будетъ стараться всѣми силами угождать временнымъ мнѣніямъ избирателей, или угождать господствующей партіи, чтобы имѣть возможность сохранить мѣсто. А правосудіе должно стоять выше всѣхъ партій, выше всѣхъ измѣняемыхъ политическихъ взглядовъ, иначе оно не будетъ правосудіемъ, равнымъ для сильнаго и слабаго. Только безсмѣнность даетъ судьѣ среди политическихъ волненій истинную независимость. Вспомнимъ прекрасныя слова Монталамбера, сказанныя имъ въ 1849 году въ учредительномъ собраніи во время преній о безсмѣнности: «Революціи проходятъ мимо священника, не заставляя его преклонять головы. Я желаю такого устройства, чтобы онѣ проходили мимо судьи, не поражая его. Пусть рѣка прогреса будетъ течь между двумя несокрушаемыми берегами, между храмомъ закона и храмомъ Бога, между святилищемъ правосудія и святилищемъ истины».

Во Франціи, начиная съ конституціи первой имперіи, всѣ судьи всѣхъ инстанцій безсмѣны. Но другое начало независимости судебной власти, народное избраніе, не существуетъ. Судьи назначаются исполнительной властью (императоромъ). Законъ налагаетъ здѣсь только одно ограниченіе: въ судьи могутъ быть назначаемы только адвокаты, т. е. лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ и занимавшіяся извѣстное время судебной практикой. Нельзя сказать, чтобы это ограниченіе было очень сильно, потому что такихъ лицъ весьма много, но нельзя назвать его и слабымъ. Этимъ не ограничивается вліяніе исполнительной власти на судебное сословіе. Во Франціи существуетъ судебная іерархія, движеніе по этой іерархической лѣстницѣ зависитъ исключительно отъ главы исполнительной власти: судья, вице-президентъ, президентъ уѣзднаго суда (трибуналъ), совѣтникъ, президентъ и пер-

вый президентъ палаты (губернскій судъ), и наконецъ эти же три званія въ кассаціонномъ судѣ — вотъ длинная вереница наградъ для судей. Конечно найдется не мало членовъ судебнаго сословія, которые изъ желанія повышенія угождаютъ правительству. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Гелло въ своемъ изслѣдованіи о безсмѣности судей, учрежденіе это превосходно, потому что даетъ честному судьѣ спокойствіе, а малодушному и безчестному ничѣмъ нельзя доставить независимости. Но право исполнительной власти на повышеніе представляетъ другую, болѣе серьезную опасность: она можетъ по прошествіи многихъ лѣтъ наполнить верховный—кассаціонный судъ, органъ интерпретаціи и контроль надъ судами, своими сторонниками. Поэтому существующая со временъ Наполеона I во Франціи система, по которой исполнительной власти принадлежитъ право производства въ судебной іерархіи, вредно дѣйствуетъ на независимость и достоинство суда. Вспомнимъ, что по конституціи 91 года и послѣдующимъ республиканскимъ, члены суда сами избирали президентовъ и вице-президентовъ. Нѣкоторые французскіе публицисты полагаютъ, что всего лучше было бы ввести въ судебную сферу ту систему, которая существуетъ напримѣръ въ ученыхъ обществахъ, т. е. чтобы замѣщеніе вакантнаго мѣста въ судѣ высшей степени принадлежало ему самому, чтобы члены его избирали достойнѣйшаго изъ судей низшаго трибунала, и само собою, чтобы мѣста президентовъ были также выборныя. Эта система знакома намъ русскимъ, только въ другой сферѣ: въ нашихъ университетахъ званія доцентовъ, профессоровъ, декановъ, ректоровъ даются по выбору.

Не однимъ этимъ ограничивается тяготѣніе исполнительной власти надъ судебнымъ сословіемъ. Мы сказали, что судьи безсмѣны, т. е. что судья можетъ лишиться своего мѣста только за преступленіе, доказанное судебнымъ порядкомъ, а исполнительная власть отставить его не можетъ. Но естественно, что судья не всегда можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ до смерти, безъ вреда для

общества: онъ можетъ отъ дряхлости впасть въ отупѣніе, и даже просто, достигнувъ глубокой старости, потерять ту энергію и свѣжесть пониманія, которыя необходимы для его званія. Эта опасность давно уже предвидѣлась французскимъ законодательствомъ. По закону 16 іюня 1824 года, правительство могло уволить въ отставку судью, страдающаго постоянными и тяжкими недугами, но не иначе, какъ когда судъ, въ которомъ онъ членомъ, признаетъ уважительность этой причины. Но это постановленіе не имѣло никакихъ послѣдствій. «До сихъ поръ, сказалъ министръ юстиціи въ 1849 году, не было примѣра принудительной отставки, не смотря на законъ 1824 года, и опасеніе нарушить безсмѣнность преувеличивало чувство уваженія къ старости и сопряженнымъ съ нею недугамъ. Когда человѣкъ посвятитъ большую часть своей жизни судейскимъ занятіямъ, то у него рождается непобѣдимое желаніе умереть на своемъ сѣдалищѣ. Тщетно ослабленіе физическихъ и умственныхъ силъ даетъ знать судьѣ, что часъ отставки для него наступилъ, онъ не можетъ рѣшиться разорвать связи и воспоминанія, привязывающія его къ суду, а снисходительные сотоварищи не имѣютъ мужества отравить горечью послѣдніе дни почтеннаго старика. Что же происходило отъ этихъ любезностей? Ослабленіе судебнаго сословія и тѣхъ гарантій, которыя должны имѣть подсудимые.» Поэтому въ 1849 году былъ представленъ проектъ: не тотъ судъ, къ которому принадлежалъ судья, рѣшалъ дѣло объ отставкѣ за старостью и болѣзнями, а кассаціонный, который могъ быть совершенно безпристрастнымъ, не будучи связанъ личными отношеніями. По другому проекту вопросъ былъ поставленъ гораздо проще и притомъ такъ, что не оскорблялось ни достоинство судей, ни независимость ихъ отъ исполнительной власти, а именно: что отставка обязательна для судьи по достиженіи семидесяти лѣтъ. Этотъ проектъ былъ принятъ императорскимъ правительствомъ, но съ маленькимъ и съ перваго взгляда невиннымъ дополненіемъ, которое однако давало ему еще одинъ могуще-

ственный рычагъ вліянія на судебное сословіе. Дополненіе это состоитъ въ слѣдующемъ: «судьи, которые достигли означенныхъ лѣтъ (семдесятъ пять — для членовъ кассаціоннаго и семдесятъ для членовъ прочихъ судовъ), продолжаютъ однако отправлять свою должность до тѣхъ поръ, пока не будутъ назначены правительствомъ ихъ преемники». То есть: по достиженіи этихъ лѣтъ старый, заслуженный судья дѣлается чиновникомъ правительства, теряетъ безсмѣнность; если правительство имъ было довольно, то оно оставитъ его на службѣ, если было недовольно—то смѣнитъ. Такъ что судья, не имѣющій мужества удалиться по достиженіи семидесяти или семидесяти пяти лѣтъ, долженъ жить по милости правительства, и тѣ малодушные, которые дорожатъ мѣстами болѣе, нежели достоинствомъ, разумѣется заранѣе стараются быть на хорошемъ счету у правительства.

Таковы средства, основанныя на законѣ, которыми располагаетъ правительство для дѣйствія на судебное сословіе, — средства, противъ которыхъ безсмѣнность не достаточно сильное воздѣйствіе. Правительство имѣетъ полную власть при опредѣленіи судьи, оно сильно дѣйствуетъ на него во время службы, и наконецъ на старости беретъ его опять въ полную власть.

Теперь посмотримъ, какими средствами оно располагаетъ на самое отправленіе правосудія, и какъ оно само стоитъ, какъ юридическое лицо, въ отношеніи къ суду.

Средства его и здѣсь весьма велики: оно имѣетъ при судахъ стройно организованную армію изъ такъ-называемыхъ публичныхъ министровъ или прокуроровъ. Нигдѣ въ свѣтѣ эта сила не устроена такъ сильно, какъ во Франціи. Черезъ нее-то дѣйствуетъ правительство на ходъ правосудія.

Прокуроры подъ разными названіями существуютъ во Франціи при всѣхъ безъ изъятія судахъ и на всѣхъ безъ исключенія инстанціяхъ, они назначаются исполнительною властію, и во всякое время могутъ быть смѣняемы, пара-

внѣ съ административными чиновниками, слѣдовательно безусловно зависятъ отъ нея.

Обязанности прокурора двухъ родовъ: 1) блюстителя закона, 2) государственнаго обвинителя.

Обязанность приводить законы въ исполненіе, наблюдать за ихъ исполненіемъ, за установленнымъ закономъ порядкомъ суда, приводить въ исполненіе приговоры судебныхъ мѣстъ вездѣ лежитъ на исполнительной власти. Поэтому конституція 89 — 91 годовъ постановила, чтобы при всѣхъ судахъ для этой цѣли были комиссары короля. Прокуроръ поэтому въ гражданскомъ процесѣ, гдѣ дѣло интересуетъ только частныхъ лицъ и гдѣ каждая сторона имѣетъ своихъ защитниковъ—адвокатовъ, можетъ или говорить, или не принимать участія, какъ захочетъ. Если же найдетъ нужнымъ говорить, то ему дается слово послѣ того, какъ обѣ тяжущіяся стороны изложили вполнѣ свои доводы; тогда прокуроръ, какъ сторона безпристрастная, защищаетъ законъ, т. е. говоритъ, что смыслъ тѣхъ статей закона, на которыхъ каждая сторона основываетъ свое право — такой-то (donne des conclusions au nom de la loi), слѣдовательно подкрѣпляетъ одну изъ тяжущихся сторонъ,— есть то, что̀ на практикѣ называютъ partie jointe. Онъ можетъ быть истцомъ въ гражданскомъ дѣлѣ только въ томъ случаѣ, когда въ немъ замѣшанъ интересъ общества, напримѣръ, онъ можетъ завести процесъ объ уничтоженіи брака вслѣдствіе двоеженства, и въ тому подобныхъ немногихъ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда прокуроръ является истцомъ (partie principale), онъ имѣетъ столько же правъ и стоитъ въ такомъ же положеніи, какъ и обыкновенный тяжущійся. Наконецъ въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ заинтересованы государство, общины, малолѣтніе, онъ обязанъ непремѣнно высказать мнѣніе. Роль прокурора, какъ блюстителя закона, въ уголовномъ процесѣ состоитъ въ томъ, что по произнесеніи присяжными приговора онъ требуетъ примѣненія закона, подъ который подходитъ преступленіе, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ процеса, за

соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формъ и обрядовъ, и въ случаѣ нарушенія ихъ судомъ, доноситъ кассаціонному суду. Наконецъ онъ приводитъ въ исполненіе приговоры, въ качествѣ начальника судебной полиціи.

Такова роль прокурора, какъ защитника закона.

Болѣе грозное значеніе имѣетъ онъ въ качествѣ государственнаго обвинителя.

Предоставить великое дѣло преслѣдованія уголовныхъ преступленій только частному лицу, котораго право нарушено, невозможно безъ величайшихъ невыгодъ для общества. Въ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ убійствѣ, обиженная сторона физически не можетъ быть истцомъ. Въ большей части другихъ эта сторона обладаетъ слишкомъ ничтожными средствами для преслѣдованія нарушителя своихъ правъ. «Въ Англіи, говоритъ Леонъ Фошэ («Mémoire sur le caractère et sur le mouvement de la criminalité en Angleterre»), преступники преслѣдуются только по жалобѣ обиженной стороны или по свидѣтельству полиціи, которая ихъ захватила; но такъ какъ полиція серьезно организована только въ большихъ городахъ, то изъ этого слѣдуетъ, что большая часть преступленій въ малыхъ городахъ и селахъ избѣгаетъ кары закона». Правда, что въ Англіи духъ ассоціацій помогаетъ отсутствію твердой власти, преслѣдующей преступленія, но онъ далеко не въ состояніи замѣнить ее *). Во Франціи нѣтъ этого недостатка. Въ ней репрессивная

*) Такъ напримѣръ въ Англіи существуетъ ассоціація для прекращенія публичнаго разврата (the Society for the suppression of vice), которая между прочимъ ведетъ процесы съ содержателями публичныхъ домовъ. Англійское законодательство такъ недостаточно въ репрессивномъ отношеніи, что публичные дома существуютъ безнаказанно, хотя тамъ совершаются ужасныя преступленія — развращеніе малолѣтнихъ и проч., и агенты правительства не имѣютъ никакой возможности представлять въ судъ содержателей этихъ домовъ. Законъ допускаетъ доносъ только отъ двухъ гражданъ, платящихъ подати и принадлежащихъ къ той же общинѣ (приходу), гдѣ находится домъ, требуетъ отъ нихъ денежнаго залога, окружаетъ процесъ столькими формальностями, что преслѣдованіе со стороны частныхъ лицъ дѣлается чрезвычайно обременительнымъ, и большею частію безплоднымъ,

сила организована такъ могущественно, какъ этого нигдѣ нѣтъ. Французскій прокуроръ есть начальникъ всей многочисленной массы полицейскихъ агентовъ явныхъ и тайныхъ, жандармовъ и административныхъ чиновниковъ во всемъ, что касается до отысканія преступленій и преслѣдованія преступниковъ. Онъ слѣдитъ даже за направленіемъ общественнаго мнѣнія, за дѣйствіями политическихъ партій. Въ прокурорской камерѣ (parquet) ведутся списки лицъ, подвергавшихся осужденію, бывшихъ подъ судомъ, замѣшанныхъ въ какихъ-либо дѣйствіяхъ, противныхъ правительству. Прокуроръ самый могущественный изъ властей (magistrat). Прокуроры назначаются правительствомъ изъ сословія адвокатовъ. Мы упоминали, что судьи назначаются по закону также изъ этого сословія, — но это на практикѣ дѣлается не прямо. Прежде поступленія въ судьи адвокатъ долженъ прослужить въ паркетѣ (прокурорство). Другими словами паркетъ есть разсадникъ судебной магистратуры: изъ низшихъ степеней прокуреріи назначаются судьи низшихъ инстанцій, а прокуроры высшихъ степеней прямо назначаются въ высшія судебныя должности*).

потому что обвиненный переводитъ свое заведеніе черезъ улицу, и тогда надобно начинать другой процесъ.

*) Прокурорская и судебная іерархія во Франціи:

Помощники уѣзднаго прокурора (substitut или avocat imperial).	Сверхъ-штатный судья уѣзднаго суда (juge supplcant).
Уѣздные прокуроры (procureur imperial).	Судья.
	Президентъ.
Младшіе помощники губернскаго прокурора (substitut).	Совѣтникъ апелляціоннаго суда.
	Президентъ.
Старшіе помощники губернскаго прокурора или генеральные адвокаты (avocat general).	Первый президентъ.
	Совѣтникъ кассаціоннаго суда.
	Президентъ.
Генералъ-прокуроры апелляціоннаго суда.	Первый президентъ.
Генеральные адвокаты кассаціоннаго суда.	
Генералъ-прокуроръ.	
Министръ юстиціи.	

Если обвинительное слѣдствіе прокурора найдено будетъ судомъ уважительнымъ, то обвиняемый предается уголовному суду,—и здѣсь прокуроръ является защитникомъ, адвокатомъ общества; онъ есть лицо обвиняющее, въ противоположность адвокату, защищающему обвиняемыхъ.

Таково значеніе въ судебной сферѣ агентовъ правительства, называемыхъ прокурорами. Нѣтъ сомнѣнія, что магистратура, такъ стройно организованная и такая просвѣщенная, приноситъ великую пользу въ изысканіи и преслѣдованіи преступленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть для Франціи одна изъ сильныхъ препонъ для развитія свободы.

Прокуроръ стоитъ къ суду и присяжнымъ отчасти въ томъ же отношеніи, какъ правительство къ законодательному корпусу: *ему принадлежитъ уголовная инипіатива*, какъ правительству принадлежитъ законодательная. То есть, одинъ прокуроръ можетъ представить гражданина передъ уголовный судъ. Лицо, котораго право было нарушено, можетъ помимо прокурора позвать нарушителя только въ судъ исправительной полиціи: такъ, что граждане въ своихъ важнѣйшихъ правахъ находятся подъ опекой прокурора.

Конституція 89—91 года совершенно раздѣлила двѣ власти, слитыя теперь въ лицѣ прокурора,—охранительную и обвинительную. Обвинительная власть предоставлена была особому лицу — публичному обвинителю (accusateur public), избираемому гражданами каждаго судебнаго округа; королевскій коммиссаръ (прокуроръ) имѣлъ только власть охранительную, смотрѣлъ за правильностію теченія процеса, требовалъ примѣненія закона и т. п. Публичный обвинитель могъ призывать предъ уголовный судъ какъ частныхъ лицъ, такъ и чиновниковъ правительства, виновныхъ въ нарушеніи правъ гражданъ, или конституціи. Въ этомъ видѣ онъ существуетъ теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Даніи.

Такимъ образомъ по нынѣшней организаціи прокурорскаго учрежденія во Франціи правительство вполнѣ без-

опасно за своихъ агентовъ. Но этого еще мало. По знаменитой 75 статьѣ конституціи VIII года, статьѣ сохранившей силу до сихъ поръ, гражданинъ можетъ жаловаться на административную власть только государственному совѣту, который состоитъ изъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ. Эта статья даетъ исполнительной власти громадную силу, какъ мы уже имѣли случай сказать. Во времена парламентарнаго управленія палата депутатовъ правомъ интерпеляціи и правомъ обсуживанія дѣйствій министровъ и преданіемъ ихъ суду до нѣкоторой степени ограничивала этотъ административный самосудъ. Теперь палаты не могутъ интерпелировать,—а главное, не могутъ требовать къ отвѣту министровъ и предавать ихъ суду, потому что по нынѣшней конституціи министры отвѣтствены только предъ императоромъ. «Американцы и англичане, говоритъ Токвиль, не думали, что можно упрочить свободу дозволеніемъ палатамъ предавать суду верховныхъ сановниковъ. Они думаютъ, что свобода можетъ быть гарантирована лучше посредствомъ мелкихъ процесовъ, повторяемыхъ ежедневно, доступныхъ каждому гражданину, нежели торжественными процедурами, къ которымъ или никогда не прибѣгаютъ, или прибѣгаютъ слишкомъ поздно». Токвиль писалъ это тогда, когда во Франціи существовала еще возможность торжественныхъ процесовъ надъ министрами, во времена Лудовика-Филиппа. Въ этомъ вопросѣ обнаруживается ясно рѣзкая противоположность политическаго быта Франціи въ сравненіи съ Сѣверо-американскими Штатами, а въ особенности съ тѣмъ швейцарскими кантонами, гдѣ гражданинъ можетъ даже протестовать на рѣшеніе всего народа и завести съ нимъ передъ судомъ процесъ, когда это рѣшеніе нарушаетъ коренныя права гражданской свободы, — гдѣ слѣдственно судъ есть нѣчто священное, высшее всѣхъ другихъ властей *).

*) Кромѣ того, въ Англіи и Сѣвероамериканскихъ Штатахъ существуетъ еще и политическій судъ: палата депутатовъ имѣетъ право обвинять и предавать суду министровъ (въ Англіи и другихъ лицъ) за наруше-

Изложеніе судебной организаціи не относится къ предмету нашей статьи. Намъ слѣдовало только показать характеръ судебной власти во Франціи и ея отношеніе къ законодательной и исполнительной властямъ. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ отношеніи гражданъ къ суду или о судебныхъ правахъ, судебной свободѣ.

Судебная свобода есть корень всѣхъ другихъ правъ,— она заключается въ habeas corpus, въ присяжныхъ, въ судебной защитѣ (адвокатурѣ). Какія бы политическія права ни предоставляла конституція гражданамъ, всѣ они ничего не значатъ, если исполнительная власть можетъ по произволу схватить и заключить въ тюрьму гражданина, — или предавать его суду преданныхъ себѣ судей, оставляя его безъ защиты. Судъ присяжныхъ и адвокатура существуютъ во Франціи и теперь въ полной силѣ, и въ этомъ отнонашеніи о не можетъ завидоваль никакой другой странѣ въ мірѣ. Относительно суда присяжныхъ надобно замѣтить одно, что нынѣшнее правительство сократило его

ніе конституціи и другія политическія преступленія, а высшая палата (палата перовъ, сенатъ) въ этомъ случаѣ судитъ. То же самое существовало и во Франціи до 1848 года; теперь, какъ мы упоминали, французскія камеры не имѣютъ этой власти, судъ надъ государственными преступниками принадлежитъ особому судилищу—Haute cour de justice, составленному изъ нѣсколькихъ членовъ кассаціоннаго суда и присяжныхъ. Соединенію законодательной власти съ судебной всегда вредно; оттого даже и въ такомъ высокомъ учрежденіи, какъ палата перовъ или сенатъ, судъ не можетъ имѣть должнаго безпристрастія,—здѣсь выступаютъ на сцену политическія партіи съ ихъ интересами. Во Франціи судъ палаты перовъ оставилъ печальныя воспоминанія. Въ Англіи въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, обычай поправляетъ законы: по закону вся палата перовъ есть судъ, а по обычаю судятъ только "судебные лорды" т. е. всего пять или шесть перовъ возведенныхъ въ это достоинство изъ высшихъ судебныхъ сановниковъ, всѣ остальные расходятся. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ политическій судъ устроенъ превосходно; сенатъ хотя и дѣлается судебнымъ мѣстомъ, но онъ можетъ только своимъ приговоромъ отрѣшить сановника отъ должности, а если въ числѣ проступковъ его находятся и уголовные, то онъ предаетъ его, послѣ отрѣшенія, обыкновенному уголовному суду (съ присяжными), который одинъ можетъ опредѣлить уголовное наказаніе. Такимъ образомъ и законодательная власть сохраняетъ свое право наблюдать за чиновниками, и обвиняемый не лишается тѣхъ судебныхъ гарантій, которыя предоставлены всѣмъ гражданамъ.

вѣдомство, отдѣливъ судъ о проступкахъ по книгопечатанію къ вѣдомству суда исправительной полиціи (гдѣ нѣтъ присяжныхъ),—и такимъ образомъ поставило одно изъ величайшихъ политическихъ правъ, выработанныхъ въ 91 году, право на свободу печати, въ зависимость отъ суда, на который оно имѣетъ сильное вліяніе. Что касается до habeas corpus, то оно, какъ великое и неотъемлемое право гражданина, существуетъ только въ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Конституція 89—91-года уничтожила знаменитыя lettres de cachet, по которымъ прежніе короли могли заключать въ тюрьму безъ всякаго судебнаго изслѣдованія, и положила, что гражданинъ можетъ быть арестованъ только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и притомъ по бумагѣ судебной власти. Въ настоящее время во Франціи гражданинъ подвергается тюремному заключенію (какъ предварительной мѣрѣ) только тогда, когда судъ признаетъ улики достаточно-сильными и притомъ когда эти улики взводятъ на обвиняемаго уголовное преступленіе. Если же гражданинъ обвиняется въ проступкѣ, за который слѣдуетъ исправительное наказаніе, то президентъ суда можетъ или оставить его на свободѣ до постановленія приговора, или приказать арестовать, — соображаясь съ тѣмъ, до какой степени вѣроятно, что обвиняемый предстанетъ предъ судилище. Полиція можетъ только задержать уличаемаго въ преступленіи до прибытія слѣдственнаго судьи. И такъ, если во Франціи гражданинъ и не пользуется тою свободою и неприкосновенностью, какъ въ Англіи, то все таки она обезпечена достаточно, потому что лишиться ея можно только по рѣшенію суда, чего далеко нѣтъ во многихъ странахъ Европы. Нынѣшнее правительство выпросило въ 1858 году (послѣ извѣстнаго дѣла Орсини) у законодательнаго корпуса законъ, по которому оно имѣетъ право безъ судебнаго слѣдствія арестовывать и ссылать на житье въ другія мѣста, но только тѣхъ лицъ, которыя были замѣшаны въ прежнихъ политическихъ смутахъ и находились подъ судомъ и слѣдствіемъ. Это вопіющее нарушеніе самаго драгоцѣннаго

права гражданина—права на личную свободу. Но для насъ и этотъ фактъ представляетъ много интереснаго. Мы видимъ, что во Франціи, какъ ни сильно правительство, оно не могло иначе схватить и выслать въ другой городъ враждебныхъ ему гражданъ, какъ вслѣдствіе закона, конечно безнравственнаго, но изданнаго депутатами народа *). Вообще, если мы говоримъ «деспотизмъ наполеоновскій» и т. п., то это слово имѣетъ условное значеніе, т. е. это есть самоуправство въ сравненіи съ Англіей, но никакъ съ какими нибудь другими странами. Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы этотъ деспотизмъбылъ бы величайшей свободой.

VI.

Государство и церковь—Гражданская конституція духовенства.—Конкордатъ и органическія статьи.—Докладъ Порталиса о значеніи религіи въ государствѣ и о значеніи конкордата.

Революція 89 года была не только политическая, но и религіозная. Гражданская конституція духовенства (constitution civile du clergé) была существенной частію конституціи 91 года. Два рода постановленій находятся въ гражданской конституціи духовенства. Въ однихъ національное собраніе только продолжало дѣло королей Франціи, дѣло ограниченія папской власти. Знаменитыя вольности галликанской церкви, по которымъ ни одна папская булла не могла быть обнародываема во Франціи безъ согласія короля, даже рѣшенія собора католической церкви получали дѣйствіе только подъ этимъ условіемъ, епископы должны быть природными французами и назначаемы папою по представленію короля, и вообще доктрина: церковь заключается въ государствѣ, а не государство въ церкви,—

*) Законъ этотъ данъ только на нѣсколько лѣтъ и притомъ съ тѣмъ условіемъ, что граждане этого разряда подвергаются его дѣйствію только по рѣшенію комиссіи: изъ префекта, прокурора и военнаго начальника департамента. Законъ этотъ былъ значительно смягченъ въ августѣ 1859 года.

были національнымъ достояніемъ Франціи, ихъ поддерживали всѣми силами и короли, и парламенты, и духовенство. Противъ этихъ льготъ ратовали и ратуютъ теперь папы и ультрамонтанская партія. По ультрамонтанскому ученію эти льготы составляютъ расколъ, разрушаютъ единство католической церкви. Въ наше время большинство французскаго духовенства принадлежитъ къ этой партіи, точно также и въ странѣ совершенно свободной — въ Бельгіи. Мы сказали, что національное собраніе съ одной стороны продолжало историческое дѣло старой Франціи. Таковы его постановленія о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и бенефицій, совершенное уничтоженіе власти папы надъ управленіемъ французской церкви, и другія. Съ другой стороны, національное собраніе ввело новыя органическія постановленія, хотя и совершенно въ христіанскомъ духѣ, но на которыя оно не имѣло права, потому что онѣ касались католической догмы, слѣдовательно выходили изъ его компетенціи; оно, словомъ, присвоило себѣ право вселенскаго собора. Таковы слѣдующія положенія: 1) избраніе священниковъ и епископовъ народомъ; даже хиротонія епископовъ производится не папою, а митрополитами, поставленный епископъ пишетъ папѣ только братское извѣстительное письмо; 2) новое распредѣленіе епархій, сообразно новому административному раздѣленію Франціи; церковное дѣленіе должно совпадать съ административнымъ, и такимъ образомъ церковь теряла самостоятельный территоріяльный характеръ; 3) уничтоженіе монашескихъ орденовъ, религіозныхъ обѣтовъ, монастырей; 4) присяга духовенства конституціи; 5) разрѣшеніе священникамъ вступать въ бракъ. Въ бо́льшей части этихъ вопросовъ національное собраніе не вводило чего либо новаго, оно только возстановляло порядокъ, существовавшій въ первые вѣка христіанства. Знаменитые ученые бывшіе членами коммиссіи, выработавшей проектъ гражданской конституціи духовенства, представили въ подтвержденіе этихъ положеній множество цитатъ изъ церковной исторіи, изъ соборныхъ постановленій. Противники

нихъ представили другія цитаты. Послѣдующія событія показали ясно, что вопросъ объ отношеніи государства къ церкви не есть дѣло одной науки, онъ разрѣшается духомъ народа, потому что здѣсь затрогивается важнѣйшій жизненный интересъ. Церковная конституція не могла получить практическаго значенія; во французской церкви обнаружился страшный расколъ, слѣдствіемъ котораго была вандейская война, развитіе религіознаго фанатизма, полное религіозное разстройство. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло первый консулъ Наполеонъ. Онъ положилъ конецъ разстройству и опредѣлилъ внутренній порядокъ французской церкви, ея отношенія къ государству и къ папѣ законоположеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ конкордата и органическихъ статей (Concordat, Articles organiques *).

Въ западныхъ государствахъ вопросъ объ отношеніи церкви къ государству разрѣшенъ весьма различно. Въ большей части католическихъ государствъ признана верховная власть папы надъ духовенствомъ, и во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ государство подчиняется чужестранному государю — папѣ. Это основное положеніе католичества; только при этомъ оно сохраняетъ ту всеобщность, отрѣшеніе отъ національности, независимость отъ свѣтской власти, что составляетъ его существенный характеръ. Таково, напримѣръ, положеніе его въ Австріи или Испаніи. Въ протестанскихъ государствахъ наоборотъ—церковь не имѣетъ вселенскаго характера, она есть національное учрежденіе, вполнѣ подчиненное свѣтской власти. Въ Англіи церковь хотя и составляетъ довольно сильное учрежденіе, но король есть на столько же глава государства, какъ и церкви,—онъ національный папа. При такомъ порядкѣ вещей

*) Общія свѣдѣнія относительно французской церкви и ея отношеній къ государству и къ папѣ читатель найдетъ въ сочиненіи Дюпена: „Manuel du droit pupliс ecclésiasţique francais etc. Paris, 4-e édit., 1845.“ Здѣсь изложены и объяснены положенія галликанской церкви, конкордатъ, законы о церковной администраціи, церковныхъ имуществахъ. Къ сочиненію приложено много интересныхъ изслѣдованій и документовъ, между прочимъ рѣчи Порталиса. Лучшая похвала для „Manuel“—проклятіе, которымъ удостоила его римская конгрегація, на ряду съ сочиненіями Гуго Гроція и Монтескье.

всѣ старыя привиллегіи церкви, остатокъ католичества, не производитъ никакого столкновенія съ государствомъ. Такъ, по основному закону Англіи, есть два парламента —свѣтскій и духовный (соборъ), и король долженъ оба созывать одновременно. Изъ этого положенія моглибы послѣдовать въ наше время самыя странныя, можетъ быть даже грозныя столкновенія, если бы наряду съ высшей государственной властью, парламентомъ, засѣдалъ соборъ, который разсуждалъ бы о дѣлахъ церкви и обо всемъ, что къ ней относится (а что можетъ не относиться?). Этого однако не бываетъ, и очень просто. Король дѣйствительно всякій разъ, когда созываетъ свѣтскій парламентъ, созываетъ и духовный, но какъ только послѣдній соберется, въ тотъ же день издается декретъ о его распущеніи. Въ другихъ протестанскихъ государствахъ церковь не имѣетъ той іерархіи и политическаго значенія, какъ въ Англіи: духовенство, какъ сословіе, не существуетъ, и государственная власть смотритъ на церковь, какъ на вѣтвь администраціи.

Наконецъ, въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ государство совершенно отстранило отъ себя церковныя дѣла. Религія и церковь считаются тамъ частнымъ дѣломъ гражданъ и общинъ. Граждане могутъ строить церкви, учреждать іерархію, основывать новыя религіи, признавать себя зависимыми въ религіозныхъ дѣлахъ отъ папы, далай-ламы и вообще отъ кого имъ угодно. Государству до этого нѣтъ никакого дѣла. Оно не строитъ церквей, не заключаетъ конкордатовъ, не утверждаетъ религій, не даетъ субсидій духовенству. Оно стоитъ, какъ говорятъ юристы, въ негативномъ (отрицательномъ) положеніи къ церкви.

Франція не избрала ни одной изъ этихъ системъ. Ни австрійской, совершенно противной не только началамъ 89 года, но и началамъ старой монархіи; ни англійской,—потому что французскій народъ не желалъ отпаденія отъ католическаго единства, и притомъ соединеніе церковной власти въ одномъ лицѣ съ свѣтскою представляло во Франціи нѣкоторое неудобство: въ Англіи есть господствующая цер-

ковь, во Франціи нѣтъ ея, всѣ церкви пользуются равными правами, слѣдовательно еслибы она приняла англійскую систему, то Наполеону пришлось бы быть вмѣстѣ и папою, и консисторіальнымъ президентомъ, и имамомъ, и великимъ равиномъ. Американская система, теоретически самая мудрая, самая сообразная съ значеніемъ религіи и съ верховнымъ началомъ правды и свободы, не могла быть допущена не только вслѣдствіе поглощающаго значенія государства, и въ особенности исполнительной власти, нетерпящаго ничего самостоятельнаго, но и для успѣшнаго развитія цивилизаціи и свободныхъ учрежденій. Тамъ, гдѣ масса погружена въ невѣжество, какъ это во Франціи, гдѣ она суевѣрна и наклона къ фанатизму, тамъ оставить католическое духовенство безъ контроля государства—значитъ предать дѣло свободы въ руки врага, превосходно организованнаго, получающаго направленіе извнѣ, помощь отовсюду, богатаго, энергическаго. Французское общество, въ которомъ духъ ассоціаціи и частной инипіативы такъ мало развитъ, не могло бы найдти достаточныхъ средствъ для отпора этому врагу, который и теперь, связанный со всѣхъ сторонъ конкордатомъ, грозно подымаетъ голову и готовъ еще разъ на битву съ началами новой цивилизаціи. Примѣръ Бельгіи показываетъ ясно, чего можно ожидать отъ католическаго духовенства, если допустить его жить независимо отъ государства. Поэтому, разсматривая конкордатъ съ этой практической, такъ сказать, временной точки зрѣнія, нельзя не видѣть въ немъ одного изъ величайшихъ пріобрѣтеній для Франціи. На этомъ пунктѣ совершенно сходятся и всѣ правительства Франціи и либеральныя партіи всѣхъ оттѣнковъ, исключая клерикало-либеральной, для которой либерализмъ есть только маска, и требованіе полной свободы въ вопросѣ о церкви только брешь, чрезъ которую она хочетъ провести іезуитизмъ со всей его обстановкой, а затѣмъ деспотизмъ.

Все глубокое значеніе конкордата ясно видно изъ исторіи его введенія. Консульское правительство, предлагая его законодательной палатѣ, совершенно сводитъ церковный интересъ на второй планъ предъ государственнымъ. До-

кладчикъ конкордата, знаменитый Порталисъ, въ своемъ докладѣ развиваетъ послѣдовательно положенія: полезна ли религія вообще и христіанская въ частности для государства; не противна ли христіанская религія политическимъ учрежденіямъ Франціи; что лучше и удобнѣе для Франціи— соединить церковную власть со свѣтской, основать особую церковь съ національнымъ патріархомъ, или признать католическое единство въ лицѣ папы, и наконецъ не лучше ли основать новую религію,—и разобравши эти положенія, онъ переходитъ къ защитѣ конкордата не какъ абсолютнаго законодательства, истекающаго изъ какихъ-либо неполитическихъ началъ, а какъ законодательства, практически самаго полезнаго и лучшаго для Франціи.

Конкордатъ и органическія статьи заключаютъ слѣдующія положенія: 1) Правительство дѣлаетъ новое распредѣленіе епархій, соотвѣтственно съ административнымъ дѣленіемъ государства, по соглашенію съ папою. Во Франціи будетъ десять митрополій и пятьдесятъ епископій; епископы суть суффраганы митрополитовъ-архіепископовъ. Число приходовъ будетъ по крайней мѣрѣ равняться числу округовъ мироваго судя (justice de paix—нѣсколько общинъ). Архіепископы получаютъ жалованье изъ государственнаго казначейства по 15,000 франковъ въ годъ, епископы по 10,000, священники перваго класса по 1,500, втораго по 1,000 франковъ. Кромѣ того, департаменты и общины могутъ изъ своихъ фондовъ дѣлать прибавку къ этому содержанію, и должны доставлять безплатно помѣщеніе. Въ замѣнъ этого всѣ требы должны быть безвозмездны. Такимъ образомъ католическое духовенство живетъ на жалованьи правительства, и, по его мнѣнію, должно вполнѣ отъ него зависѣть, подобно чиновникамъ. Но не такъ думаетъ духовенство: оно говоритъ, что деньги, получаемыя имъ отъ правительства, — проценты за несправедливо захваченныя государствомъ его имущества. 2) Глава государства назначаетъ архіепископовъ и епископовъ; папа хиротонисуетъ первыхъ, архіепископы послѣднихъ. До посвященія, архіереи и священники даютъ присягу на вѣрность государству

и началамъ галликанской церкви. 3) Епископы избираютъ для поставленія въ священники лицъ съ одобренія правительства. 4) Правительство имѣетъ право порицать и объявлять ничтожными тѣ поступки и дѣйствія епископовъ, которыя нарушаютъ вольности галликанской церкви, общественное спокойствіе, или посягаютъ на совѣсть и честь граждань (Appel comme d'Abus). 5) Никакая папская булла, никакой декретъ собора, даже вселенскаго, не могутъ быть принимаемы, публикуемы или другими способами приводимы въ исполненіе безъ разрѣшенія правительства. 6) Французскіе національные и провинціальные соборы и всякія совѣщательныя духовныя собранія могутъ происходить только съ разрѣшенія правительства. 7) Архіереи могутъ учреждать съ разрѣшенія правительства кафедральные капитулы и семинаріи. Всѣ другія церковныя учрежденія (NB. монастыри и конгрегаціи) уничтожаются. 8) Священники могутъ вѣнчать только тѣхъ лицъ, которыя представятъ свидѣтельство, что они заключили гражданскій бракъ.

Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ доклада Порталиса, читаннаго законодательному собранію, — необходимыхъ для пониманія значенія конкордата и отношенія государства къ церкви. Докладъ знаменитаго юриста начинается обширнымъ философскимъ трактатомъ о значеніи религіи для общества, и въ частности христіанской, и о невозможности составить новую религію.

Опуская философскую часть, обратимся только къ положительной.

«Нѣкоторые полагаютъ, что политика исполняетъ свое дѣло, когда предоставляетъ свободное теченіе религіознымъ мнѣніямъ, и не безпокоится, кто что исповѣдуетъ. Но я спрашиваю: когда подобная мѣра, не представляющая ничего положительнаго, чисто отрицательная, могла выполнить задачу, которую должно преслѣдовать всякое мудрое правительство? Безъ сомнѣнія, свобода, нами завоеванная, и философія, насъ освѣщающая, не могутъ примириться

съ идеей *господствующей* вѣры, а тѣмъ менѣе съ идеей *исключительной* религіи.

«Но можно покровительствовать религію, не дѣлая ее ни исключительной, ни господствующей. Покровительствовать религію — значитъ поставить ее подъ защиту законовъ; значитъ охранять ее отъ волненій, обезпечить тѣмъ, кто ее исповѣдуетъ, духовныя блага, которыя они полагаютъ получить отъ нея, подобно тому какъ обезпечивается личная безопасность и собственность: въ прямомъ смыслѣ система покровительства не заключаетъ ничего исключительнаго и господствующаго, потому что можно покровительствовать разомъ нѣсколькимъ и даже всѣмъ религіямъ.

«Я согласенъ, что система покровительства существенно отличается отъ системы равнодушія (индиферентизма) и пренебреженія, которую напрасно украшаютъ именемъ терпимости. Слово *терпимость* въ дѣлѣ религіи не должно имѣть того оскорбительнаго значенія, когда его употребляютъ для того, чтобы закрывать глаза на злоупотребленія. Вѣротерпимость есть долгъ, добродѣтель одного человѣка въ отношеніи къ другому; и въ государственномъ правѣ эта терпимость состоитъ въ уваженіи правительства къ совѣсти гражданъ и къ предметамъ ихъ вѣрованія. Это уваженіе не должно быть безплоднымъ; а такимъ оно будетъ, если на практикѣ останется безъ всякаго полезнаго и утѣшительнаго дѣйствія.

«Независимо отъ того моральнаго блага для людей, котораго можно достигнуть покровительствомъ религіознымъ учрежденіямъ, замѣтимъ, что порядокъ и общественное спокойствіе требуютъ, чтобы эти учрежденія не были оставляемы, такъ сказать, сами себѣ. Государство не можетъ имѣть никакого вліянія на учрежденія и людей, которыхъ оно будетъ считать чуждыми себѣ: система разумнаго надзора надъ вѣроисповѣданіями можетъ быть обезпечена только тогда, когда будетъ извѣстенъ планъ законной организаціи ихъ. Безъ такой организаціи, признанной и утвержденной, надзоръ безполезенъ, или невозможенъ, потому

что правительство не будетъ имѣть гарантіи относительно исповѣдующихъ темныя ученія, которыя, пользуясь этою, такъ сказать, невидимостью, съумѣютъ всегда ускользнуть отъ закона.

«Особыя обстоятельства, среди которыхъ мы живемъ, укрѣпляютъ насъ въ этихъ соображеніяхъ.

«Исторія революціи показываетъ, что католицизмъ былъ главнымъ предметомъ ударовъ, сыпавшихся вообще на религіозныя учрежденія; и это неудивительно. Католическая религія всегда была господствующею, она даже была исключительною, вслѣдствіе уничтоженія нантскаго эдикта, и ее упрекали въ этомъ уничтоженіи, произведшемъ столько печальныхъ послѣдствій для Франціи. Религія, которую подозрѣваютъ въ преслѣдованіи другихъ, преслѣдуется въ свою очередь, когда обстоятельства дѣлаютъ возможной реакцію. Прибавьте къ этому первому обстоятельству другое,—что духовенство имѣло политическій характеръ, связанный съ учрежденіями ниспровергнутой монархіи: насиліе противъ католицизма было тѣмъ живѣе, что преслѣдовали въ немъ не столько религію, сколько тиранію.

«Но насиліе и утвержденная имъ церковная полиція произвели только расколы, извратившіе религію, взволновавшіе и теперь еще волнующіе Францію. Что же должно дѣлать въ этомъ положеніи?

«Сообразно ли съ здравой и человѣколюбивой политикой продолжать преслѣдованія противъ тѣхъ, которые противились нововведеніямъ?

«Силою ничего нельзя сдѣлать надъ сердцемъ: насиліе въ дѣлѣ религіи можетъ быть только средствомъ разрушенія.

«Правительство всегда компрометируетъ свое могущество, когда, желая дѣйствовать на сердца, оно ставитъ въ противоположность съ обѣщаніями и угрозами религіи, обѣщанія и угрозы закона; ужасъ, который оно ищетъ внушить, побуждаетъ умы обратиться къ тѣмъ предметамъ, которые внушаютъ еще большій ужасъ. Среди такихъ страшныхъ волненій фанатизмъ развиваетъ всю свою энер-

гію; онъ питается самимъ фанатизмомъ,—дѣлается пищею для самого себя.

«Нашъ собственный опытъ не показалъ ли, что преслѣдованіемъ только обращаютъ духъ религіи въ духъ секты? Думали ужасомъ и казнями увеличить число добрыхъ гражданъ, и только уменьшили число людей.

«Я говорю, что всякая система преслѣдованія не совмѣстна съ нынѣшнимъ положеніемъ Франціи.

«Въ деспотическомъ правленіи, гдѣ управляетъ болѣе фантазія, нежели законъ, умы мало волнуются тираніей, потому что тиранія, какова бы ни была, не новость для нихъ; но въ правленіи, кототорое обѣщало политическую и религіозную свободу, всякое враждебное дѣйствіе противъ извѣстнаго разряда гражданъ за ихъ вѣроисповѣданіе произведетъ только великія затрудненія: тогда они будутъ видѣть, что другіе пользуются свободой, которой они не имѣютъ, и потому станутъ болѣе пламенными, потому что будутъ считать себя несчастными. Извѣстно, что нельзя ничѣмъ болѣе оскорбить людей, какъ преслѣдованіемъ предметовъ ихъ вѣрованій; тогда они испытываютъ самое невыносимое и унизительное притѣсненіе.

«Наконецъ, что мы до сихъ поръ выиграли преслѣдованіемъ цѣлыхъ классовъ духовныхъ лицъ, изъ которыхъ большая часть уважались согражданами за добродѣтель? Мы ожесточили людей самыхъ умѣренныхъ; мы компрометировали свободу, потому что выходило, что мы желаемъ отдѣлить Францію католическую отъ Франціи свободной.

«Есть священники безпокойные и враждебные; но есть и такіе, которые вовсе не таковы,—а между тѣмъ преслѣдованіемъ ихъ смѣшиваютъ въ одно. Священники безпокойные и бунтливые воспользовались этимъ положеніемъ, чтобы пріобрѣсть то значеніе, которое слѣдуетъ только дѣйствительной добродѣтели; на нихъ начали смотрѣть какъ на несчастныхъ и угнетенныхъ, а въ несчастіи заключается нѣчто священное, возбуждающее жалость и уваженіе.

«Вмѣсто собраній публичныхъ, которыя никогда не могутъ быть опасны, которыя всегда на виду у полиціи,

тогда будутъ происходить тайныя сборища, во мракѣ будутъ совершаться заговоры противъ общества; злодѣи будутъ хвастать своей храбростью и народъ будетъ ихъ уважать во имя тѣхъ опасностей, которыя ихъ преслѣдуютъ; эти опасности будутъ служить для нихъ вмѣсто добродѣтели, и мѣры, которыми думали предохранить массу отъ прельщеній, сами станутъ главнымъ орудіемъ для прельщенія.

«Наконецъ, захотимъ ли мы опозорить нашъ вѣкъ, обращая въ правительственную систему мѣры строгости, противныя нашей образованности и французской гуманности? Захотимъ ли мы опозорить философію, которою мы гордимся, и показать, что философская нетерпимость замѣнила религіозную?

«Правительство поняло, что система преслѣдованія невозможна. Слѣдовало ли правительству не обращать вниманія на вѣроисповѣданія и продолжать тѣ мѣры равнодушія, которыя принимались всякій разъ, когда смягчались революціонныя мѣры? Но такой планъ, конечно лучшій преслѣдованія, не представляетъ ли другихъ неудобствъ и другихъ опасностей? Католическая религія исповѣдуется сильнымъ большинствомъ французовъ. Выпустить изъ рукъ такой могущественный рычагъ, значитъ отдать его въ руки первому бунтовщику или честолюбцу, который снова вздумалъ бы волновать Францію, и дать ему могущественное орудіе для дѣйствія противъ отечества.

«Мы едва только покончили революцію, величайшую изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ въ мірѣ; кто не знаетъ, что послѣ политическихъ бурь также, какъ послѣ бурь природы, большая часть людей, потрясенныхъ тѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ, ищутъ убѣжища въ религіозныхъ утѣшеніяхъ и обѣщаніяхъ, и всего болѣе склонны къ набожности и даже суевѣрію! Кто не знаетъ легкости, съ какою принимаются во время великихъ кризисовъ предсказанія самыя нелѣпыя, все, что подаетъ великія надежды въ будущемъ, все, на чемъ лежитъ печать чрезвычайнаго, все, что обѣщаетъ вознаградить за непрочность земныхъ благъ? Кому не извѣстно, что люди, пострадавшіе отъ

общественныхъ явленій, весьма способны сдѣлаться игрушкою лжи и самозванства? Въ такое ли время правительству рисковать тѣмъ, что могущественный рычагъ религіи попадетъ въ руки подозрительныя или враждебныя?

«Во времена болѣе спокойныя интересъ правительства— не отказываться отъ управленія духовными дѣлами; эти дѣла въ кодексахъ различныхъ народовъ всегда исчисляются въ разрядѣ тѣхъ, надъ которыми принадлежитъ государству высшая полиція.

«Власть государства непрочна, если на его территоріи находятся люди, имѣющіе великое вліяніе на умы и совѣсть, и если эти люди не принадлежатъ ему, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

«Дозволеніе какого-либо вѣроисповѣданія необходимо предполагаетъ разсмотрѣніе тѣхъ началъ, которыми лица, его исповѣдующія, связываются въ общество, и сообразно съ которыми общество разрѣшаетъ его существованіе: общественное спокойствіе не будетъ обезпечено, если государство не будетъ знать тѣхъ регламентовъ, по которымъ обѣщаютъ жить и дѣйствовать пастыри вѣры. Можно злоупотреблять самою священною религіей. Вопросъ состоитъ въ томъ: человѣкъ, который назначаетъ себя для проповѣди, злоупотребитъ этимъ правомъ или нѣтъ? Надобно, чтобы государство заранѣе знало тѣхъ, которые будутъ пастырями; оно не должно спокойно ожидать, какое употребленіе они сдѣлаютъ изъ своего вліянія; оно не должно довольствоваться пустыми формами, когда дѣло идетъ о его сохраненіи и безопасности.»

Послѣ этого яснаго изложенія воззрѣнія французскаго правительства на значеніе религіи и на ея отношеніе къ государству, воззрѣнія, гдѣ поглощающее значеніе государства доведено до такой крайности, что докладчикъ серьезно разсматриваетъ вопросъ: не лучше ли ввести новую религію, болѣе сообразную съ соціальнымъ и моральнымъ состояніемъ Франціи, — Порталисъ переходитъ къ объясненію конкордата. Здѣсь опять въ каждомъ словѣ выражается понятіе, что если государство принимаетъ из-

вѣстныя католическія учрежденія и догматы, такъ это не во имя вѣрованія въ нихъ, а во имя ихъ практической пользы, и притомъ уничтожаетъ то изъ нихъ, что ему кажется несовмѣстнымъ съ значеніемъ государства и съ духомъ его политическихъ учрежденій.

«Католическія начала, предолжаетъ Порталисъ, не дозволяютъ, чтобы глава государства могъ, какъ у лютеранъ, объявить себя главою церкви; и по началамъ здравой политики слѣдуетъ, что такое соединеніе духовной и свѣтской власти въ однихъ рукахъ опасно для свободы. Исторія показываетъ, что католическіе народы иногда учреждали патріарховъ или примасовъ для ослабленія или уничтоженія прямаго вліянія папы.

«Но такая мѣра неудобна въ настоящихъ обстоятельствахъ; она употреблялась только въ государствахъ, гдѣ была національная церковь, духовенство которой не было раздѣлено и которое притомъ соединяло свои собственныя усилія съ усиліями правительства для завоеванія независимости. Къ тому же нельзя сказать, что для государства, гдѣ большинство исповѣдуетъ католическую религію, было бы полезнѣе имѣть на своей землѣ главу этой церкви, нежели переписываться съ верховнымъ ея главой.

«Глава церкви, кто бы онъ ни былъ, вовсе не будетъ лицомъ безстрастнымъ: если онъ честолюбивъ, онъ можетъ сдѣлаться заговорщикомъ; онъ имѣетъ средства дѣйствовать на умы, онъ можетъ пріискать для этого случай; когда онъ сопротивляется свѣтской власти, онъ компрометируетъ ее въ мнѣніи народа; несогласія между духовенствомъ и государствомъ тогда дѣлаются болѣе серьезными; церковь, которая имѣетъ главу всегда передъ глазами, составляетъ дѣйствительно государство въ государствѣ; при обстоятельствахъ она можетъ сдѣлаться партіей. Всего этого нельзя опасаться отъ главы чужеземнаго (т. е. папы), котораго народъ не видитъ, который не можетъ, подобно національному патріарху, имѣть мѣстное вліяніе, который встрѣчаетъ въ предубѣжденіяхъ, правахъ, характерѣ, образѣ мыслей народа, къ которому онъ

не принадлежитъ, препятствія къ усиленію своей власти,— который отвлекается тяжестью всемірнаго управленія отъ мысли о частномъ господствѣ, котораго всегда можно остановить международными средствами; послѣднія если ихъ употребляютъ умѣренно, разражаются извнѣ и освобождаютъ насъ отъ опасностей и скандала войны, въ одно время религіозной и междоусобной.

«Правительства католическихъ народовъ рѣдко уживались съ національнымъ патріархатомъ; они предпочитаютъ власть отдаленнаго главы, котораго голосъ звучитъ слабо, и который старается сохранить хорошія отношенія съ государствами, покровительство которыхъ ему необходимо.

«Въ тѣхъ исповѣданіяхъ, которыя не признаютъ всеобщаго главы, политическій сановникъ имѣетъ право и исполняетъ обязанности главы религіи; дѣятельность свѣтской власти могла быть парализирована, еслибъ въ одной и той же странѣ было двѣ главы: одна для духовенства, другая для государства, которыя могутъ раздѣлить уваженіе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать повиновеніе ненадежнымъ. Поэтому мы счастливы, что устроили такой порядокъ вещей, при которомъ не надобно угрожать свободѣ для обезпеченія власти.

«Поэтому, въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, признаніе всемірнаго главы церкви — мѣра болѣе мудрая, нежели учрежденіе французскаго патріарха; притомъ же это была единственная возможная мѣра.

«Для того, чтобы во Франціи передать религіозную диктатуру гражданской власти —надобно было бы измѣнить религіозную систему весьма значительнаго большинства французовъ. Въ Англіи это можно было сдѣлать, потому что тамъ умы были давно подготовлены къ такой перемѣнѣ; но можно ли найдти у насъ тоже расположеніе?»

Здѣсь Порталисъ показываетъ различіе англійской революціи отъ французской: первая была религіозная, началась съ религіозныхъ споровъ и потомъ уже стала политическою; вторая совершенно наоборотъ.

«Во Франціи, продолжаетъ докладчикъ, послѣ уничто-

женія прежней іерархіи все шло къ униженію новой; политика вооружила всѣ совѣсти противъ своимъ плановъ, и слѣдствіемъ ея ошибокъ были религіозныя волненія.

«Надобно замѣтить, что въ этихъ волненіяхъ вся выгода естественно была на сторонѣ тѣхъ мнѣній, которыя хотѣли уничтожить, увеличилось уваженіе народа къ старовѣрамъ (qui tenaient à l'ancienne croyance), потому что въ дѣлѣ нравственности мы любимъ все то, что предполагаетъ усиліе, и въ дѣлѣ религіи мы вѣримъ тѣмъ свидѣтелямъ, которые идутъ на мученичество.

«Есть великое политическое правило, которому слѣдуютъ всю умѣющіе управлять, что не слѣдуетъ измѣнять религіи, которая пустила глубокіе корни въ умы и сердца, если она пережила бури революціи. По этому правительство не могло думать объ измѣненіи католической іерархіи, не рискуя повергнуть общество въ непреоборимыя затрудненія.

«Неужели можно насъ устрашить предпріятіями римскаго двора? Но папа, какъ свѣтскій государь, не страшенъ никому; онъ всегда будетъ нуждаться въ покровительствѣ Франціи, и это обстоятельство только увеличитъ вліяніе французскаго правительства на религіозныя дѣла всей католической церкви, потому что онѣ всегда связаны съ политикою. Какъ религіозный глава, папа имѣетъ у насъ власть ограниченную древними льготами галликанской церкви.

«Въ прежнее время папа имѣлъ въ монашескихъ орденахъ армію, безусловно ему покорную, которая постоянно поддерживала ультрамонтанскія стремленія. Наши законы уничтожили эту армію, и они имѣли право на это, потому что никто не отрицаетъ власти государства уничтожать учрежденія, не имѣющія существенной связи съ религіей, и которыя оно находитъ подозрительными или неудобными. Сообразно съ этимъ началомъ, мы будемъ имѣть только бѣлое духовенство (clergé seculier), т. е. священниковъ и епископовъ.

«По конкордату епископы получаютъ хиротонію (insti-

tution canonique) отъ папы. Не было никакой политической причины не принять этого постановленія католической дисциплины, потому что папа по конкордату *обязанъ* посвящать въ епископы тѣхъ священниковъ, которыхъ ему представляетъ правительство, и не можетъ по произволу отказывать въ этомъ. Къ этому побуждала также необходимость прекратить расколъ, произведенный гражданской конституціей духовенства, которая теперь на практикѣ не существуетъ.

«При прежнемъ правительствѣ короли назначали епископовъ, папа посвящалъ. Этотъ порядокъ измѣненъ революціей, и избраніе епископовъ предоставлено народу.

«Въ нынѣшней конституціи ничего не сказано объ избраніи епископовъ; но такъ какъ ихъ обязанности сходны съ просвѣщеніемъ, различными вѣтвями администраціи, то назначеніе ихъ должно принадлежать той же власти, которая назначаетъ префектовъ, судей, учителей, т. е. первому консулу.»

Таковы были мотивы конкордата. Изъ дѣла революціи имъ удержано: уничтоженіе монастырей и монашескихъ орденовъ, секуляризація церковныхъ имуществъ, новая церковная администрація, подчиненіе государству церковной іерархіи, какъ одной изъ частей администраціи (именно народнаго просвѣщенія, во Франціи министръ народнаго просвѣщенія есть вмѣстѣ и министръ духовныхъ дѣлъ), гражданскій бракъ. Но избраніе епископовъ и священниковъ народомъ было замѣнено избраніемъ ихъ правительствомъ, хотя первое на столько же несогласно съ ультрамонтанской теоріей, какъ и второе, и папа охотнѣе бы согласился на первое, нежели на второе. Но понятно, что бонапартизмъ, соединяя всѣ пружины власти въ рукахъ правительства, уничтоживши выборную администрацію, не могъ безъ противорѣчія своему принципу предоставить церковную іерархію народному выбору.

Бракъ священниковъ, установленный гражданской конституціей духовенства, былъ отмѣненъ конкордатомъ на весьма справедливомъ основаніи: безбрачіе духовенства

есть католическій догматъ, и поэтому папа не могъ бы согласиться на посвященіе въ епископы женатыхъ священниковъ, не производя церковнаго раскола. Порталисъ справедливо сказалъ, что обѣтъ безбрачія есть дѣло личнаго желанія; кто не желаетъ этого, тотъ пускай нейдетъ въ духовенство,—что это постановленіе не противорѣчитъ конституціи, потому что священникъ, желающій вступить въ бракъ, всегда можетъ это сдѣлать, заключивши гражданскій бракъ, но что при этомъ естественно не можетъ болѣе быть священникомъ, потому что это противорѣчитъ догмату, а правительство не можетъ измѣнять догматовъ *).

Положеніе протестантскаго и еврейскаго культа опредѣлено постановленіями, сходными съ конкордатомъ, съ тѣмъ различіемъ, что власть правительства въ дѣлахъ этихъ церквей еще сильнѣе, потому что онѣ не имѣютъ религіознаго главы ни внѣ Франціи, ни внутри.

Каждая новая религія тогда только признается, когда ея правила одобрены правительствомъ, въ томъ смыслѣ, что оно не нашло въ нихъ ничего противнаго государству и общественному порядку.

Всѣ признанныя государствомъ вѣроисповѣданія получаютъ отъ него ежегодную сумму, назначенную бюджетомъ на содержаніе храмовъ и духовныхъ лицъ. Государство въ этомъ случаѣ только проводитъ свой взглядъ на религію, какъ на одну изъ вѣтвей администраціи и народнаго просвѣщенія, такъ что эти субсидіи дорого обходятся религіозной свободѣ.

*) Въ противность этому кассаціонный судъ рѣшеніемъ 21-го февраля 1833 года объявилъ, что священники, отказавшись отъ священства, все таки не могутъ вступить въ бракъ. Это рѣшеніе, слѣдствіе усиленія католической доктрины, противно началамъ конституціи, какъ это утверждаютъ Порталисъ, Дюпенъ, Лаферьеръ.

VII.

Администрація.—Армія.—Судебная и административная организація.

Мы видѣли, какое громадное значеніе имѣетъ во Франціи исполнительная власть (или правительство—gouvernement), она есть классическая страна гувернементализма. Мы видѣли, какъ исполнительная власть проходитъ во всѣ поры государственнаго организма — въ законодательство, судъ, церковь. Есть еще другая, самая главная сторона ея перевѣса: законодательная и судебная власть безоружны и отрѣзаны отъ народа, одна исполнительная вооружена, и вооружена страшно, и одна она въ постоянныхъ и безчисленныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ гражданами.

Двѣ силы даны правительству—администрація и армія, обѣ онѣ существуютъ во Франціи такъ могущественно, такъ превосходно устроены (разумѣется для цѣлей правительства), какъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ.

Мы видѣли, что конституція 91 года уничтожила провинціализмъ, и ввела дѣленіе на департаменты. Полное устройство французской администраціи принадлежитъ Наполеону I. Департаменты раздѣлены на округи (arrondissements), округи на кантоны (волости), кантоны на общины. Все управленіе съ верху до низу сосредоточено въ рукахъ отдѣльнаго лица,—нѣтъ коллегіальнаго управленія; но при каждомъ правительственномъ лицѣ есть совѣтъ, избираемый гражданами; совѣтъ имѣетъ только совѣщательный голосъ, созывается правительственнымъ лицомъ для объясненія ему тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ ощущаетъ надобность въ уясненіи, и затѣмъ ему представлены самыя незначительныя дѣла: раскладка податей и тому подобное. То значеніе, которое дала администраціи конституція 91 года, когда вся администрація была въ рукахъ выборныхъ совѣтовъ, настоящихъ маленькихъ парламентовъ, не пережило этой конституціи.

Такимъ образомъ правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи дѣятельную и вполнѣ ему подчиненную адми-

нистративную армію. Предметы вѣдомства администраціи во всѣхъ ея ступеняхъ чрезвычайно обширны: просвѣщеніе, благотворительность, пути сообщенія, сельское хозяйство, вѣроисповѣданія, все находится подъ ея завѣдываніемъ. Въ этомъ заключается одно изъ коренныхъ отличій французской цивилизаціи и англійской. Въ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ господствуетъ начало самоуправленія,—все, чѣмъ во Франціи завѣдываетъ администрація, тамъ завѣдываетъ общество.

Армія находится въ полномъ завѣдываніи правительства. Во Франціи военная служба есть обязанность каждаго гражданина. Не надобно распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ исполнительная власть, у которой подъ руками 500,000 вооруженныхъ людей. Творцы конституціи 1791 года и 1848 года думали помочь этому тремя средствами: 1) учрежденіемъ національной гвардіи, обязанность которой была защищать конституцію, 2) постановленіемъ,—что глава исполнительной власти лично не можетъ командовать военной силой, т. е. стать во главѣ арміи или отряда, 3) учрежденіемъ гвардіи для законодательнаго собранія. Но 18 брюмера и 2 декабря показали всю ненадежность этихъ мѣръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непрочность свободныхъ политическихъ учрежденій во Франціи.

ДОПОЛНЕНІЕ 1-е.

Судебная организація Франціи.

1) Уѣздный судъ (tribunal d'arrondissement). *Вѣдомство:* 1) Здѣсь начинаются всѣ гражданскія тяжбы; онъ вершитъ безапелляціонно тяжбы и иски на сумму до 1500 франковъ или 60 франковъ дохода, если это недвижимое имѣніе. 2) Судъ надъ проступками (простое воровство на всякую сумму, обманъ, личныя обиды, нанесеніе ранъ и смерти по неосторожности и т. п.). - Здѣсь всегда возможна апелляція. *Составъ*: Трибуналъ состоитъ отъ трехъ до двѣнадцати судей (парижскій—изъ шестидесяти пяти судей), смотря по обширности округа; если число судей шесть, то трибуналъ раздѣляется на два отдѣленія, девять на три, и т. д.

Каждое отдѣленіе состоитъ изъ трехъ судей, и между ними президентъ распредѣляетъ дѣла,—причемъ одно отдѣленіе спеціально занимается судомъ о проступкахъ (отдѣленіе исправительной полиціи); судьи по отдѣленіямъ чередуются. Одинъ изъ судей, по назначенію исполнительной власти,—президентъ.

2) Апелляціонный судъ (cour d'appel, cour imperial),—ихъ двадцать семь во всей Франціи,—такъ что къ каждому аппеляціонному суду приписано по нѣсколько департаментовъ (губерній),—онъ называется именемъ города, гдѣ пребываетъ, напримѣръ Cour imperial de Paris, de Bordeaux. *Вѣдомство:* 1) Дѣла гражданскія и исправительныя, переносимыя по апелляціи изъ трибунала; 2) Дѣла о преданіи суду присяжныхъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи. *Составъ:* они раздѣляются на три класса: a) Суды, гдѣ число членовъ не менѣе сорока, b) не менѣе тридцати, c) не менѣе двадцати четырехъ. Раздѣленіе это основано на количествѣ дѣлъ. Суды перваго класса состоятъ изъ пяти отдѣленій: трехъ для гражданскихъ дѣлъ, одного для апелляціи по исправительнымъ дѣламъ (chambre des appels de police correctionelle) и одного для преданія уголовному суду (chambre des mises en accusation),—суды второго класса имѣютъ однимъ гражданскимъ департаментомъ менѣе, а третьяго класса—двумя. Члены этого суда называются совѣтниками (conseiliers); въ гражданскомъ департаментѣ должно быть при сужденіи семь членовъ, въ другихъ достаточно пяти. Въ каждомъ департаментѣ есть предсѣдатель, а для всего суда главный предсѣдатель (premier president). Въ важныхъ случаяхъ члены всѣхъ департаментовъ соединяются въ торжественное засѣданіе.

Уголовный судъ (cour d'assises) составляется временно (четыре раза въ годъ), въ каждомъ департаментѣ,—изъ трехъ членовъ: одинъ—предсѣдатель изъ совѣтниковъ апелляціоннаго суда, къ вѣдомству котораго принадлежитъ департаментъ, и два члена—или также изъ совѣтниковъ (если ассизы происходятъ въ томъ городѣ, гдѣ пребываетъ апелляціонный судъ), или изъ двухъ старшихъ членовъ уѣзднаго трибунала. Ассизный судъ руководитъ преніями, допрашиваетъ свидѣтелей, прилагаетъ законъ, а приговоръ произносятъ присяжные.

3) Кассаціонный судъ. Одинъ для всей Франціи. Къ нему поступаютъ дѣла изъ трибуналовъ (если они по роду своему тамъ вершатся окончательно), изъ апелляціонныхъ и ассизныхъ су-

довъ, но только подъ однимъ предлогомъ: что законъ былъ приложенъ невѣрно, что не были соблюдены формы и гарантіи судопроизводства. Кассаціонный судъ не пересуживаетъ дѣла, а только разсматриваетъ: правильно ли былъ приложенъ законъ и соблюдены ли были судебныя формы и гарантіи, и въ противномъ случаѣ уничтожаетъ рѣшеніе и передаетъ дѣло на новое рѣшеніе другому суду равнаго разряда. Ему принадлежитъ верховное право истолковывать законы и право надзора за членами всѣхъ другихъ судовъ. *Составъ:* Кассаціонный судъ состоитъ изъ трехъ департаментовъ предварительнаго разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ (chambre des requêtes), гражданскаго, уголовнаго. Каждый департаментъ состоитъ изъ президента и пятнадцати совѣтниковъ; кромѣ того есть старшій президентъ всего кассаціоннаго суда, который. предсѣдательствуетъ въ общемъ собраніи департаментовъ и въ томъ изъ нихъ, гдѣ найдетъ нужнымъ.

Публичная министерія организована слѣдующимъ образомъ. Главный начальникъ ея есть министръ юстиціи. При кассаціонномъ судѣ состоитъ генералъ-прокуроръ (procureur général imperial) съ шестью помощниками—генеральными адвокатами (avocats généreaux). При апелляціонномъ судѣ находится также генералъ-прокуроръ и при немъ старшіе помощники—генеральные адвокаты, числомъ отъ двухъ до пяти, и младшіе, называемые substituts—числомъ отъ двухъ до трехъ (въ Парижѣ ихъ одиннадцать). При трибуналѣ находится прокуроръ (procureur imperial) съ помощниками—substituts, которые обыкновенно называются императорскими адвокатами (avocat imperial).

ДОПОЛНЕНІЕ 2-е.

Административная организація.

1. Центральная администрація:	Императоръ.	Государственный совѣтъ. Министры.
2. Департаментъ:	Префектъ.	Совѣтъ префектуры. Генеральный совѣтъ.
3. Округъ:	Подпрефектъ.	Окружный совѣтъ.
4. Община:	Меръ.	Муниципальный совѣтъ.

Императоръ есть глава администраціи, какъ и вообще государства. Какъ глава администраціи, онъ пользуется слѣдующими

правами: 1) издаетъ административные регламенты, 2) декреты въ формѣ регламентовъ, 3) простые декреты, 4) декреты административнаго суда.

Регламентъ (Règlements d'administration publique) отличается отъ закона тѣмъ, что во первыхъ—содержаніе его составляютъ мѣры для приведенія въ исполненіе закона; во вторыхъ, онъ не имѣетъ карающей силы, которая принадлежитъ только закону, вотированному законодательнымъ корпусомъ. Впрочемъ, это послѣднее положеніе не имѣетъ общаго значенія, потому что часто палата, вотируя законъ, говоритъ, чтобы правительство издало регламентъ для его точнаго исполненія и при этомъ охраняетъ порою и регламентъ. Регламенты издаются главою государства только по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта, оттого и сопровождаются формулой: Le Conseil d'État entendu. Декреты въ формѣ регламента (Décrets rendu dans la forme des règlements d'administration publique)имѣютъ не общій характеръ, какъ первые, не характеръ „положенія", а касаются только спеціально подробностей исполненія,—это инструкціи. Простые декреты (décrets simples) издаются безъ внесенія въ государственный совѣтъ, по представленію министра. Простыми декретами совершаются всѣ опредѣленія на гражданскія, судебныя и военныя мѣста, равно какъ и увольненія отъ службы (revocations). О четвертомъ разрядѣ декретовъ скажемъ впослѣдствіи.

Министры теперь не имѣютъ политическаго характера, какъ при парламентарномъ правленіи: они не отвѣтственны предъ законодательной палатой, не защищаютъ передъ ней проектовъ законовъ, не выражаютъ направленія политики,—они простые чиновники, отвѣтственные предъ императоромъ. Министры также издаютъ регламенты, которые касаются или до исполненія закона, или до внутренняго распорядка министерства. Регламенты министровъ отличаются отъ императорскихъ тѣмъ, что касаются опредѣленія нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей закона, на которыя ихъ уполномочиваетъ законодательная власть, или тѣхъ распоряженій по министерству, на которыя ихъ уполномочиваетъ исполнительная.

Министерствъ десять: государственное (ministère d'État, государственный канцлеръ), юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, военное, морское и колоній, просвѣщенія и вѣроисповѣданій, ино-

странныхъдѣлъ, путей сообщенія (travaux publics), земледѣлія и торговли.

Государственный совѣтъ есть высшее административное и административно-судебное мѣсто (haut tribunal de l'administration). Онъ состоитъ изъ шести департаментовъ: 1) законодательства, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, 2) административно-судебныхъ дѣлъ (de contentieux), 3) внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія и вѣроисповѣданій, 4) путей сообщенія, земледѣлія и торговли, 5) военныхъ и морскихъ дѣлъ, 6) финансовъ. Члены государственнаго совѣта назначаются и увольняются императоромъ. Значеніе его— чисто совѣщательное. Предметы занятій государственнаго совѣта трехъ родовъ: дѣла законодательныя, административныя, судебныя.

Мы видѣли, что по конституціи 1852 года законодательная инниціатива принадлежитъ правительству: оно приготовляетъ проекты законовъ, а законодательный корпусъ или принимаетъ, или отвергаетъ ихъ. Приготовленіе проектовъ законовъ есть важнѣйшая часть занятій государственнаго совѣта; для защищенія ихъ предъ законодательнымъ корпусомъ назначается коммиссія изъ нѣсколькихъ членовъ по выбору императора.

Какъ судебное мѣсто, государственный совѣтъ разбираетъ окончательно дѣла о преданіи суду административныхъ чиновниковъ по жалобамъ частныхъ лицъ (преступленія по должности), и по апелляціи къ нему переходятъ дѣла изъ совѣта префектуры. Мы имѣли случай говорить о важности этого значенія государственнаго совѣта, даннаго ему 75-й статьей консульской конституціи.

Всѣ дѣла высшей администраціи, проекты, бюджеты, разрѣшаются въ государственномъ совѣтѣ, въ томъ числѣ и дѣла относительно вѣроисповѣданій, въ частности кассированіе тѣхъ посланій и актовъ епископовъ, которые противны конституціи, галликанской церкви и общественному порядку (Appels comme d'Abus). Наконецъ онъ разрѣшаетъ конфликты, то есть споры между судебной и административной властями о подсудности.

Управленіе департаментами находится въ рукахъ префектовъ. Сфера дѣятельности ихъ чрезвычайно обширна: полиція исполнительная, администрація, подати, тюрьмы, богоугодныя заведенія и проч., и проч. Словомъ, всѣ лица, завѣдывающія въ департаментѣ дѣлами различныхъ министерствъ, подчинены въ извѣстныхъ от-

ношеніяхъ префекту. Власть префектовъ значительно увеличена декретомъ 25 марта 1852 г. (Décret sur la décentralisation administrative), по которому множество дѣлъ меньшей важности разрѣшаются префектомъ безъ сношенія съ министрами. Префекты подчинены министру внутреннихъ дѣлъ.

Для помощи префекту существуютъ два совѣта: совѣтъ префектуры и генеральный.

Совѣтъ префектуры состоитъ изъ трехъ, четырехъ, пяти совѣтниковъ, смотря по количеству народонаселенія департамента; совѣтники назначаются императоромъ. Совѣтъ префектуры есть мѣсто совѣщательное, и кромѣ того судебно-административное. Префектъ даетъ совѣту на разсмотрѣніе дѣла по своему усмотрѣнію, мнѣніе совѣта для него не обязательно. Какъ судебное мѣсто, онъ вѣдаетъ споры по раскладкѣ налоговъ на недвижимую собственность, споры о правильности кадастра, нарушенія правилъ о водяныхъ сообщеніяхъ и постояхъ, дѣла о вознагражденіи за проведеніе бичевника и проч.

Генеральный совѣтъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ общинами; онъ собирается одинъ разъ въ годъ по призыву префекта. Число членовъ равно числу кантоновъ департамента, т. е. среднимъ числомъ тридцать. Значеніе его совѣщательное и хозяйственное, опредѣленія его получаютъ силу по утвержденіи префектомъ. Занятія его слѣдущія: составленіе смѣты департаментскихъ приходовъ и расходовъ, разсмотрѣніе и утвержденіе отчетовъ о денежныхъ суммахъ по предложенію префекта, онъ сообщаетъ префекту нужды и желанія жителей департамента.

Округами управляютъ подпрефекты, находящіеся въ полномъ подчиненіи префекту, безъ разрѣшенія котораго они не могутъ предпринять ничего важнаго. Окружной совѣтъ состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ общинами, по одному съ каждой. Значеніе его маловажно: онъ распредѣляетъ между общинами количество прямыхъ податей, назначенныхъ на округъ, даетъ мнѣнія о путяхъ сообщенія и проч.

Управленіе общины состоитъ изъ мера (съ помощниками), назначаемаго правительствомъ, и муниципальнаго совѣта, избираемаго гражданами общины. Значеніе мера и муниципальнаго совѣта довольно похоже на значеніе нашихъ городскихъ головъ и думъ.

Германская федеральная конституція. Конституція отдѣльныхъ германскихъ государствъ*).

I.

Федеральная конституція.—Конституція старинной Германской имперіи.—Рейнскій Союзъ.—Актъ 1815 года.—Составъ конфедераціи.—Большой и малый сеймы.—Основные законы союза.—Военное права союза.—Отношенія его къ отдѣльнымъ германскимъ государствамъ.—Право сейма относительно гарантіи и контроля отдѣльныхъ конституцій.—Права германцевъ.—Значеніе федеральнаго акта.—1848 годъ.—Единство Германіи.

Конституція Германскаго Союза представляетъ примѣръ политической нелѣпости; составители ея считали возможнымъ соединить вмѣстѣ самыя противоположныя начала. и достигли до того, что, какъ показало настоящее время, эта пресловутая конституція существуетъ только на бумагѣ. Она источникъ всѣхъ бѣдствій для германскаго народа, преграда его политическому прогресу, и съ тѣмъ вмѣстѣ нисколько не удовлетворяетъ идеалу маленькихъ князей и герцоговъ на политическую самостоятельность. Скажемъ нѣсколько словъ о ея происхожденіи.

Старая германская конституція, утвержденная вестфальскимъ міромъ, давала Германіи до извѣстной степени единство, дѣлала изъ нея одно государство съ единымъ верхов-

*) Die deutschen Verfassungsgesetze der Gegenwart etc., von H. A. Zachariä, 1855. Collection des Constitutions. chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Ameriques, par Dufau, Duvergier et Gaudet, 1821 г., во 2-мъ томѣ.—Pölitz, т. I.

нымъ избирательнымъ главой—императоромъ римскимъ и королемъ нѣмецкимъ.

Различныя части, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались самостоятельныя государства, составляли сеймъ (Reichstag), высшую законодательную власть, рѣшенія котораго однако получали силу только съ утвержденія императора. Сеймъ состоялъ изъ трехъ совѣтовъ, или коллегій: 1) Коллегія курфирстовъ, сильнѣйшихъ владѣтелей, имѣвшихъ исключительное право избранія императора. Курфирстовъ было семеро: три духовныхъ (архіепископы майнцскій, трирскій, кельнскій) и четыре свѣтскихъ (король богемскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій, герцогъ баварскій); 2) Коллегія князей (Fürstenrath). Она состояла изъ трехъ курій: a) епископовъ и аббатовъ, которыхъ земли были княжескими, b) князей и герцоговъ, c) графовъ. Каждая курія совѣщалась отдѣльно.

Въ коллегіи курфирстовъ голоса подавались поголовно (viriatim); а въ княжеской каждый князь и прелатъ-князь подавалъ столько голосовъ, сколько отдѣльныхъ княжествъ имѣлъ во владѣніи; тѣже прелаты, которые не были князьями, а также графы подавали голоса сообща, по куріямъ (curiatim), именно: прелаты—не князья имѣли всего два голоса (скамья швабскихъ прелатовъ изъ 16 аббатовъ и 5 аббатиссъ и скамья рейнская—8 аббатовъ и 11 аббатиссъ) и 150 графовъ — 4 голоса. Такъ что во второй коллегіи было 246 лицъ, а голосовъ 100 (изъ нихъ 94 viriatim и 6 curiatim).—3) Третья коллегія состояла изъ 51 имперскаго города и имѣла два голоса (скамья рейнская — 14 городовъ, швабская—37). Вообще въ Германіи въ 1793 году считалось 324 территоріи, владѣльцы которыхъ имѣли удѣльныя права (Landeshoheit) и кромѣ того 1,475 имуществъ, принадлежавшихъ имперскому рыцарству (Reichsfreie Rittergüter), т. е. такому, которое зависѣло не отъ мѣстныхъ герцоговъ и князей, а непосредственно отъ императора (Unmittelbare Ritterschaft). Какъ ни были велики права князей, но они все-таки не были независимыми государя-

ми: право войны и міра принадлежало только императору и сейму.

Эта конституція пала вслѣдствіе вмѣшательства Наполеона въ дѣла Германіи. Австрія и Пруссія отдѣлились; изъ остальныхъ государствъ Германіи образовался Рейнскій Союзъ подъ протекторствомъ Франціи *). По низверженіи владычества Наполеона германскіе государи образовали новый союзъ на слѣдующихъ новыхъ началахъ:

1) Суверенные князья и вольные города Германіи со включеніемъ императора австрійскаго и королей: прусскаго, датскаго и нидерландскаго (австрійскій императоръ и

*) Рейнскій Союзъ образовался актомъ 12 іюля 1806 года. Члены его объявили, что прекращаютъ всякія связи и отношенія съ Германской имперіей; послѣдній императоръ германскій Францъ II объявленіемъ 6 августа 1806 года сложилъ съ себя это званіе, и такимъ образомъ Германская имперія распалась на Рейнскій Союзъ и нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Наполеонъ, избраный протекторомъ Рейнскаго Союза, провозгласилъ герцоговъ и князей, согласившихся на союзъ, самостоятельными государями, далъ однимъ изъ нихъ титулъ королей, другимъ великихъ герцоговъ, наградилъ ихъ землями множества князей и графовъ, лишенныхъ самостоятельныхъ правъ (медіатизованныхъ),—съ тѣмъ, чтобъ навсегда сдѣлать невозможнымъ возстановленіе единства Германіи. Члены новаго союза были: короли баварскій и вюртембергскій, великіе герцоги: клевебергскій, баденскій, гессенскій (дармштадтскій), герцоги нассауcкій, арембергскій, князья гогенцоллернскіе, Сальмъ, Изенбургъ-Берштейнъ, Лихтенштейнъ, Лейенъ. Впослѣдствіи къ союзу присоединились: великій герцогъ вюрцбургскій, король саксонскій, саксонскіе герцоги, ангальтскіе князья, Вальдекъ, Липпе, Рейсъ, герцоги мекленбургскіе. Всѣмъ имъ гарантирована была независимость,—но собственно только внутренняя, потому что союзъ долженъ былъ участвовать во всѣхъ войнахъ и трактатахъ Наполеона, выставлять контингентъ, какъ вассальное государство. Союзный сеймъ долженъ былъ состоять изъ двухъ коллегій: коллегіи королей и коллегіи князей. Въ первой засѣдали короли и великіе герцоги. Въ 1815 г. германскіе государи жадно сохраняли это постановленіе, дававшее имъ титулы и владѣнія, какихъ они прежде не имѣли, и успѣли перенести его и въ новый союзный актъ— 1815 года. Такимъ образомъ Германія и теперь живетъ по конституціи, составленной иностраннымъ завоевателемъ и имѣвшей цѣлью—держать ее въ вѣчномъ безсиліи, съ тѣмъ, чтобы она была слугой Франціи. Любопытно, что нѣмецкіе государи, которые въ 1813 и 1814 г. издавали такіе краснорѣчивые манифесты противъ поработителя Германіи и возбуждали свои народы къ арминіевскимъ подвигамъ, сохранили все то, что далъ имъ этотъ завоеватель, а народы не только ничего не получили новаго, но и лишились многихъ изъ тѣхъ льготъ, которыми пользовались при протекторствѣ Наполеона.

король прусскій за всѣ ихъ земли, входившія въ составъ бывшей Германской имперіи, король датскій за Голштинію, нидерландскій за Люксембургъ) соединяются въ постоянный союзъ, который будетъ называться Германскимъ Союзомъ (Deutscher Bund).

2) Цѣль соединенія: сохраненіе внѣшней безопасности и внутренняго порядка Германіи—и независимости каждаго германскаго государства.

3) Всѣ члены Союза имѣютъ одинаковыя права. Они равномѣрно обязываются ненарушимо сохранять договоръ о союзѣ.

(4 Дѣлами союза будетъ завѣдывать союзное собраніе (Bundesversammlung), въ которомъ члены представляются своими уполномоченными.

5) Австрія предсѣдательствуетъ въ союзномъ собраніи.

Изъ нѣсколькихъ сотенъ нѣмецкихъ государствъ, существовавшихъ во времена вестфальскаго мира, большая часть потеряли свои права при медіатизаціи, произведенной въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Договоръ 1815 года (8-го іюня) признаетъ только 69 государствъ; но права ихъ на сеймѣ не одинаковы: одни имѣютъ больше голосовъ, нежели другіе, а именно: на чрезвычайномъ большомъ сеймѣ малыя государства имѣютъ по одному голосу, другія по 2, 3, 4 голоса; на маломъ или обыкновенномъ—большія и среднія по одному, а малыя—нѣсколько вмѣстѣ даютъ одинъ голосъ (curiatim). Представляемъ роспись этихъ государствъ съ обозначеніемъ числа голосовъ и числа жителей:

Число голосовъ на маломъ сеймѣ.	Названіе государствъ.	Число голосовъ на большомъ сеймѣ.	Титулъ.	Число жителей въ круглыхъ цифрахъ.
1	Австрія	4	Императоръ и король	12.800,000
1	Пруссія	4	Король . . .	14.140.000
1	Саксонія	4	id . . .	2.225.000
1	Баварія	4	id . . .	4.690,000
1	Ганноверъ	4	id . . .	1.880,000
1	Вюртембергъ	4	id . . .	1.720,000
1	Баденъ	3	Великій герцогъ	1.370,000
1	Кургессенъ	3	Курфирстъ . .	740,000
1	Гессенъ	3	Великій герцогъ	860,000
1	Голштинія и Лауенбургъ .	3	Герцогъ (король датскій) . .	590,000
1	Люксембургъ и Лимбургъ .	3	Великій герцогъ (король голлан.)	420,000
1	Брауншвейгъ . . .	2	Герцогъ . .	282,000
	Нассау	2	Герцогъ . .	460,000
1	Мекленбургъ-Шверинъ .	2	Великій герцогъ	550,000
	Мекленбургъ-Стрелицъ .	1	id . . .	100,000
	Саксенъ-Веймаръ . .	1	id . . .	273,000
	— Гота . . .	1	Герцогъ . .	159,000
1	— Кобургъ . .	1	Герцогъ . .	
	— Мейнингенъ . .	1	Герцогъ . .	172,000
	— Гильдбургаузенъ (Альтенбургъ) .	1	Герцогъ . .	138,000
	Ольденбургъ . . .	1	Великій герцогъ	295,000
	Ангальдъ-Дессау . . .	1	Герцогъ . .	181,000
1	— Бернбургъ . .	1	id . . .	
	— Кетенъ . .	1	id . . .	
	Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	1	Князь . . .	65,000
	Шварцбургъ-Рудольштадтъ	1	id . . .	72,000
	Гогенцоллернъ-Гехингенъ .	1	id . . .	(см. Пруссія)
	Лихтенштейнъ . . .	1	id . . .	7,000
	Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ	1	id . . .	(см. Пруссія)
1	Вальдекъ	1	id . . .	59,000
	Рейсъ—старш. лин. (Грейцъ)	1	id . . .	42,000
	Рейсъ—млад. лин. (Шлейцъ)	1	id . . .	83,000
	Шаумбургъ-Липпе . .	1	id . . .	30,000
	Липпе	1	id . . .	108,000
	Вольный городъ Любекъ .	1	. . . .	49,000
1	— Франкфуртъ	1	. . . .	87,000
	— Бременъ .	1	. . . .	98,000
	— Гамбургъ .	1	. . . .	230,000
17		69		45.000,000

Впослѣдствіи эта роспись подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, а именно: одинъ изъ множества гессенскихъ ландграфовъ — гомбургскій, получилъ права сувереннаго

государя и одинъ голосъ на большомъ сеймѣ *); но за то вслѣдствіе соединенія подъ властію одного государя (по наслѣдству и частнымъ сдѣлкамъ) нѣкоторыхъ государствъ, число голосовъ уменьшилось четырмя, а именно: Кобургъ соединился съ Готой, Ангальтъ-Кетенъ въ 1847 г. съ Дессау и въ 1863 г. съ Бернбургомъ по наслѣдству, оба Гогенцоллернскіе княжества перешли къ Пруссіи, такъ что теперь число голосовъ на большомъ сеймѣ (pleno) всего 66 **).

Необыкновенно странны положеніе центральной власти (сейма) и отношенія ея къ отдѣльнымъ государствамъ. Германія не составляетъ одного политическаго лица. Каждое отдѣльное государство пользуется всѣми существенными правами: правомъ посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ, заключать трактаты, и даже объявлять войну. Вотъ первая нелѣпость. Союзъ основанъ съ цѣлью взаимнаго охраненія. Какимъ же образомъ онъ можетъ достигать этой цѣли, если каждое отдѣльное государство безъ рѣшенія сейма можетъ объявить войну иностранной державѣ? Тогда выйдетъ, что Союзъ волею и неволею долженъ также объявить войну, потому что иначе онъ не можетъ защищать своего члена. А между тѣмъ коренное постановленіе говоритъ, что война не иначе можетъ быть объявлена Союзомъ, какъ по большинству двухъ третей голосовъ. При составленіи пресловутаго союзнаго договора

*) Опредѣленіе сейма 7 іюля 1817 и 1819 годовъ. Владѣтель Книпгаузена, графъ Бентинкъ признанъ былъ также суверенныхъ государемъ, но безъ права голоса на сеймѣ.

**) Мѣсто Саксенъ-Гильдбурггаузена занялъ Саксенъ-Альтенбургъ. Вообще не трудно замѣтить изъ самой росписи, что право голоса приписывается не столько государству, сколько лицу владѣтеля. Поэтому напримѣръ когда гогенцоллернскіе князья уступили (въ 1851 г.) свои владѣнія прусскому королю, сеймъ отказалъ ему въ присоединеніи тѣхъ голосовъ, которые принадлежали этимъ князьямъ,—говоря, что голоса принадлежали имъ, а не ихъ владѣніямъ. Въ окончательномъ актѣ (ст. 16) сказано объ этомъ предметѣ: „Если владѣнія одного царственнаго дома переходятъ по наслѣдству къ другому, тогда союзное собраніе рѣшаетъ, слѣдуетъ ли новому владѣтелю пользоваться на большомъ сеймѣ голосами, принадлежавшими прежнему, но ни въ какомъ случаѣ на маломъ сеймѣ никто не можетъ имѣть болѣе голоса.“

эта нелѣпость естественно кинулась въ глаза; редакціонный комитетъ хотѣлъ постановить, что тѣ германскія государства, которыя не имѣютъ владѣній внѣ Германіи, не могутъ объявлять войны. Но Баварія и Вюртембергъ протестовали противъ этого положенія, на томъ основаніи, что это уменьшитъ ихъ значеніе въ глазахъ иностранныхъ государствъ, и наконецъ лишитъ возможности подать взаимную помощь въ случаѣ внезапнаго нападенія. Вслѣдствіе этого было постановлено: «Государства Союза обязываются защищать не только всю Германію, но также и каждое отдѣльное государство Союза въ случаѣ внѣшняго нападенія, и обезпечиваютъ взаимно другъ другу владѣнія, заключающіяся въ Союзѣ.

«Въ случаѣ объявленія войны Союзомъ никто изъ членовъ поодиночно не можетъ вести переговоровъ съ непріятелемъ, заключать перемиріе или миръ—безъ согласія прочихъ».

«Союзныя государства обязываются невоевать другъ съ другомъ, но представлять свои споры на разрѣшеніе сейма. Сеймъ будетъ стараться примирить спорящихъ третейскимъ судомъ, а когда эта мѣра останется безъ успѣха, то споръ будетъ рѣшенъ безапелляціонно верховнымъ судомъ (Austrägalinstanz)».

Правда, здѣсь ни слова не сказано о правѣ тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ владѣній внѣ Германіи, объявлять войну иностраннымъ державамъ, но нѣтъ и запрещенія. Такъ что Баварія, Ганноверъ или Гессенъ-Дармштадтъ могутъ компрометировать всю Германію, объявивши войну Франціи, Швейцаріи или Даніи,—или вызвавши своими враждебными дѣйствіями эти государства. Что же это за политическое тѣло, которое безсильно удержать въ границахъ самаго малаго изъ своихъ членовъ, и ежеминутно можетъ быть имъ вовлечено въ борьбу? Это не одно голое предположеніе: Баварія, напримѣръ, едва не вызвала Францію во время послѣдней итальянской войны, Ганноверъ постоянно вызывалъ Данію. Положимъ, второстепенныя государства не рѣшатся на отдѣльную войну. Но

права на войну Австріи и Пруссіи какъ государствъ, имѣющихъ владѣнія внѣ Союза, не подвержены сомнѣнію. Какое же положеніе Союза, когда напримѣръ австрійскій императоръ, въ качествѣ короля ломбардо-венеціанскаго, объявляетъ войну Франціи? Союзъ нейтраленъ, но какъ скоро непріятель вступитъ въ тѣ владѣнія австрійскаго императора, которыя составляютъ часть Союза—въ Тироль или Истрію, то онъ долженъ защищать его всѣми своими силами.

Такъ выходитъ изъ смысла статей союзнаго договора, такъ поставленъ былъ вопросъ и на практикѣ во время послѣдней итальянской войны между Австріей и Франціей. Но есть ли въ этомъ началѣ здравый смыслъ? Мартенсъ, разбирая вопросъ о положеніи государя, обладающаго двумя отдѣльными государствами, говоритъ, что онъ не только можетъ, въ качествѣ владѣтеля одного изъ нихъ, объявить войну иностранной державѣ, оставаясь нейтральнымъ въ качествѣ владѣтеля другаго, —но даже объявить войну самому себѣ.... Это понятно до извѣстной степени: государь дѣйствуетъ не какъ физическое лицо, но какъ представитель государства. Но Австрійская монархія состоитъ не изъ отдѣльныхъ государствъ, ни Венгрія, ни Венеція не имѣютъ отдѣльнаго министерства, отдѣльной арміи, отдѣльныхъ финансовъ. Если австрійскій императоръ объявляетъ войну, какъ ломбардо-венеціанскій король, то всетаки онъ ведетъ ее не на деньги одной Ломбардо-Венеціи, а всей своей монархіи; армія, набранная въ германскихъ владѣніяхъ его, сражается въ Италіи, не спрашивая разрѣшенія сейма. Поэтому выраженіе — что онъ воюетъ, какъ итальянскій государь, — одно пустое слово. Если бы Венеція, Венгрія, Галиція и прочія земли имѣли свои отдѣльныя правительства и арміи, были бы членами международнаго союза,—тогда дѣло другое, австрійскій императоръ могъ бы дѣйствовать отдѣльно въ качествѣ напримѣръ венеціанскаго короля, могъ бы даже, слѣдуя Мартенсу, представить свѣту любопытное зрѣлище: объявить войну самому себѣ, то есть въ качествѣ ломбардо-вене-

ціанскаго короля воевать съ Венгріей или Тиролемъ. Но пока этого нѣтъ, обязана ли иностранная держава уважать нелѣпое положеніе о различіи не-германскихъ отъ германскихъ владѣній того же государя? Война часто не иначе можетъ быть кончена, какъ уничтоженіемъ силъ противника въ самомъ центрѣ его владѣній. Австрія имѣетъ это право въ войнѣ съ Франціей, но Франція (по германской конституціи) должна остановиться у Фріуля, и дальше идти не смѣетъ и должна спокойно ждать, какъ австрійскій императоръ будетъ набирать новую армію въ своихъ германскихъ владѣніяхъ. Словомъ, германскія владѣнія для Австріи и Пруссіи обведены (по союзной конституціи) магическимъ кругомъ, Германія—священный и неприкосновенный азилъ для австрійской арміи. То же самое, если Австрія будетъ въ войнѣ съ Россіей. Неужели Франція и Россія захотятъ признать въ случаѣ большой войны начало, по которому Германія прикрываетъ ихъ противника и дѣлаетъ шансы войны неравными и успѣхъ ея сомнительнымъ, потому что противникъ никогда не можетъ быть доведенъ до крайности?

Вообще эта чудовищная система придумана Метернихомъ очень ловко для выгодъ Австріи. Другія державы, бывшія на конгресѣ, согласились на нее, потому что имѣли въ виду только опасность со стороны Франціи. Наши русскіе публицисты до сихъ поръ смотрятъ на этотъ вопросъ съ той же точки зрѣнія, то есть изъ-за Германіи видятъ Францію, забывая, что Австрія гораздо значительной частью своихъ владѣній граничитъ съ Россіей.

Мы привели статьи союзнаго договора, по которымъ запрещается война между двумя германскими государствами. Конечно, Союзъ имѣетъ достаточно силы для выполненія этой статьи относительно мелкихъ государствъ, и совершенно безсиленъ, какъ показали событія, относительно Австріи и Пруссіи. Въ 1851 году Австрія и Пруссія стояли съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга, и если не начали войны, то конечно не изъ страха къ сейму.

Организація сейма представляетъ совершенную невозможность достигнуть общаго рѣшенія *). Для постановленія важнѣйшихъ рѣшеній, именно о войнѣ и мирѣ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Но какъ распредѣлено количество голосовъ? Пруссія и Австрія по населенію и военнымъ силамъ составляютъ $^2/_3$ Германіи, и между тѣмъ онѣ обѣ вмѣстѣ имѣютъ на большомъ сеймѣ 8 голосовъ изъ 66, на маломъ 2 изъ 16; Пруссія, Австрія, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, Ганноверъ, Баденъ, оба Гессена, Лауенбургъ и Голштинія, Голландія (за Люксембургъ), т. е. всѣ большія и среднія государства, съ населеніемъ въ 40 милліоновъ (изъ 45 милліоновъ населенія всей Германіи) имѣютъ только 39 голосовъ, слѣдовательно все еще не составляютъ конституціоннаго большинства двухъ третей (66 голосовъ, слѣдовательно конституціонное большинство 44), и въ случаѣ грозы со стороны напримѣръ Франціи, мелкія государства, которыхъ населеніе въ двадцать разъ меньше, могутъ парализировать ихъ. И наоборотъ: всѣ мелкія государства вмѣстѣ съ великими герцогствами и напримѣръ съ Саксоніей имѣютъ 46 голосовъ, слѣдовательно конституціонное большинство, и поэтому могутъ, если захотятъ, увлечь на войну Австрію, Пруссію и другія королевства,—хотя населеніе этого большинства составляетъ десять, а меньшинства тридцать пять милліоновъ! Тотъ же законъ повторяется и на маломъ сеймѣ. Конечно, не было никогда и не будетъ, чтобы мелкія государства господствовали надъ большими; на что согласны Австрія и Прус-

*) Союзный сеймъ (Bundesversammlung, Diète fédérative) бываетъ малый (enger Rath), который постоянно засѣдаетъ, и въ полномъ собраніи (Bundesversammlung in Pleno). Мы приводили роспись числа голосовъ, которыми располагаетъ каждое государство на маломъ и большомъ сеймѣ. Большой сеймъ собирается только для рѣшенія важныхъ дѣлъ, въ особенности слѣдующихъ вопросовъ: 1) объявленія войны и заключенія мира, 2) измѣненія союзнаго акта или введенія новыхъ органическихъ постановленій, 3) принятія новаго члена въ Союзъ, 4) о важныхъ религіозныхъ дѣлахъ. На маломъ сеймѣ дѣла рѣшаются простымъ (абсолютнымъ) большинствомъ, на большомъ—большинствомъ двухъ третей голосовъ. Но измѣненіе союзной конституціи и принятіе новаго члена можетъ быть рѣшено не иначе, какъ единогласно.

сія и пожалуй еще Баварія, то безпрекословно принимаютъ остальныя государства — не было примѣра опозиціи. Что же послѣ этого значатъ похвалы защитниковъ сеймовой конституціи, что она гарантируетъ независимость слабаго государства наравнѣ съ сильнымъ? Къ чему было устроивать этотъ безобразный механизмъ, который на практикѣ не приводится въ движеніе? Онъ ясно имѣетъ только одну цѣль: парализировать дѣйствія Пруссіи или Австріи отдѣльно. Отъ того система политическихъ интригъ процвѣтаетъ въ Германіи; есть нѣсколько центровъ, около которыхъ группируются мелкія государства—Саксонія, Вюртембергъ и нѣкоторыя другія,—и въ Дрезденѣ и Вюртембергѣ происходитъ постоянно дипломатическая борьба, здѣсь иностранныя державы устраиваютъ прочное вмѣшательство въ дѣла Германіи.

Посмотримъ на отношенія сейма къ отдѣльнымъ государствамъ въ другихъ вопросахъ.

По конституціи сейму принадлежитъ, кромѣ посредничества, о которомъ мы упоминали, слѣдующая власть: 1) военная защита союза и дипломатическія сношенія, 2) гарантія конституцій отдѣльныхъ государствъ, защита правъ государей противъ ихъ народовъ и опредѣленіе правъ народовъ, 3) опредѣленіе общихъ правъ германцевъ, 4) введеніе общаго законодательства по нѣкоторымъ частямъ, какъ-то: почтовой, монетной, книгопечатанію и прочее.

Въ такъ называемомъ «окончательномъ актѣ» (Schluss Acte) устройства Германскиго Союза, подписанномъ въ Вѣнѣ 15 мая 1820 года, Союзъ получаетъ право, какъ собирательное государство, объявлять войну, но только для защиты Германіи, или ея отдѣльныхъ государствъ. Въ 37 статьѣ союзнаго договора сказано: «Если одно изъ сосоюзныхъ государствъ въ спорѣ съ иностранной державой прибѣгаетъ къ посредничеству Союза, то союзное собраніе приступаетъ немедленно къ разбирательству. И если окажется, что право на сторонѣ иностранной державы, то Союзъ прекращаетъ дальнѣйшее разбирательство, и побуждаетъ союзное государство къ сохраненію мира; если же

окажется противное, то Союзъ принимаетъ мѣры къ охраненію безопасности союзнаго государства и продолжаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока оно не получитъ полнаго удовлетворенія.» Какое значеніе можетъ имѣть это постановленіе для большихъ германскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе для иностранныхъ? Какое изъ послѣднихъ согласится подчиниться приговору чуждаго собранія, какое изъ большихъ государствъ—каковы Австрія и Пруссія—согласится отказаться отъ самостоятельности и подчиниться приговору двухъ десятковъ мелкихъ государствъ? Исторія показала, что это постановленіе только правило, безъ дѣйствительной силы, на которое указываютъ, кагда оно выгодно, и о которомъ забываютъ, когда оно не выгодно. Для защиты общаго отечества Союзъ имѣетъ армію, — въ воображеніи. Одной арміи, состоящей въ распоряженіи Союза, нѣтъ; каждое государство, какъ бы оно мало ни было, содержитъ отдѣльную армію; оно только обязано содержать въ мирное время и выставлять въ военное столько солдатъ, сколько назначено по росписи, именно по одному проценту съ населенія, кромѣ резерва. Такъ, что теперь союзная армія, т. е. собраніе всѣхъ контингентовъ, состоитъ изъ 562,000 и 1,600 пушекъ. До сихъ поръ еще не было случая собрать эту разнокалиберную армію для войны; но одна только возможность войны показала, что будетъ въ дѣйствительности. Во время послѣдней войны Австріи съ Франціею, когда опасность касалась близко Союза, Пруссія объявила, что она на себя принимаетъ защиту Германіи, если ей предоставлена будетъ дипломатическая и военная иниціатива. То есть по уставу Союза, во время войны сеймъ назначаетъ главнокомандующаго союзной, арміей слѣдовательно можетъ назначить въ эту должность напримѣръ князя Лихтенштейнскаго, выставляющаго армію въ 82 человѣка, и подчинить ему прусскую армію, состоящую изъ 180,000 по росписи и сверхъ ея еще изъ 400,000 человѣкъ, — а Пруссія требовала, чтобы ей предоставлено было главное начальство, — или теперь требуетъ, чтобы это начальство раздѣлено было между ею

и Австріею. Здравый смыслъ говоритъ громко въ пользу требованія Пруссіи, но союзный актъ говоритъ противное. Изъ этого ясно, какое практическое значеніе могутъ имѣть постановленія Союза о военной защитѣ. Небольшое доказательство было дано въ 1848—49 годахъ, когда Данія, государство съ двумя съ половиною милліонами жителей, побѣдоносно боролась съ Германскимъ Союзомъ.

Кромѣ войска (въ воображеніи) союзная власть имѣетъ въ своемъ завѣдываніи нѣсколько крѣпостей: Ландау, Люксембургъ, Майнцъ, Раштадтъ, Ульмъ. Но и здѣсь, въ составленіи гарнизоновъ и распредѣленіи начальства повторяется соперничество Австріи съ Пруссіей и безсиліе союзной власти, такъ что эти крѣпости болѣе похожи на лагери, гдѣ наблюдаютъ другъ за другомъ двѣ великія германскія державы, нежели на оплоты отъ внѣшнихъ враговъ.

Приводимъ еще нѣсколько статей союзнаго акта о военныхъ отношеніяхъ:

Ст. 39. «Если мнѣнія одного изъ членовъ Союза или другіе положительные факты заставляютъ думать, что одному изъ союзныхъ государствъ, или всему Союзу угрожаетъ непріятельское нападеніе, тогда сеймъ безотлагательно разбираетъ дѣло, и если признаетъ опасность дѣйствительною, то немедленно принимаетъ должныя мѣры.»

Ст. 39. «Если въ территорію Союза вступитъ непріятельская армія, то состояніе войны объявляется самимъ этимъ фактомъ, и каково бы ни было послѣдующее рѣшеніе сейма, мѣры защиты, *пропорціональныя опасности* (?), должны быть немедленно приняты.»

Ст. 40. «Если Союзъ будетъ побужденъ къ формальному объявленію войны, то такое объявленіе можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по опредѣленію двухъ третей голосовъ большаго сейма.

Ст. 42. «Если предварительный вопросъ о дѣйствительномъ существованіи опасности будетъ разрѣшенъ отрицательно, то тѣ государства Союза, которыя не раздѣляютъ мнѣніе большинства, сохраняютъ права согласиться между собою о мѣрахъ взаимной защиты» (!).

Ст. 46. «Если то изъ союзныхъ государствъ, которое имѣетъ владѣнія внѣ Союза, предприметъ войну въ качествѣ европейскаго государства, то Союзъ остается нейтральнымъ.»

Ст. 47. »Если такое государство потерпитъ нападеніе на свои владѣнія, лежащія внѣ Союза, то послѣдній принимаетъ мѣры защиты или участія въ войнѣ тогда только, когда сеймъ большинствомъ голосовъ призналъ существованіе опасности для Германіи.»

Всѣ эти статьи имѣютъ болѣе литературное, нежели положительное политическое значеніе.

Значеніе союзной власти въ дипломатическомъ отношеніи представляетъ также много странностей. Каждое германское государство можетъ принимать и посылать дипломатическихъ агентовъ, заключать всякаго рода трактаты, лишь бы они были непротивны союзному договору,—а союзная власть *принимаетъ, но не посылаетъ* дипломатическихъ агентовъ. Правда, что по второму пункту 50 статьи союзнаго акта, сейму предоставлено и право посылать агентовъ, «если онъ найдетъ нужнымъ»,—но онъ никогда не пользовался этимъ правомъ! Въ 1848 году центральная власть, бывшая несравненно сильнѣе и учрежденная на другихъ основаніяхъ (національное представительство и намѣстникъ имперіи), отправила посланниковъ въ Англію и Францію, но послѣдняя отказала въ пріемѣ. Союзной власти предоставлено: наблюдать за сохраненіемъ мира и дружественныхъ отношеній съ иностранными державами, — негоцировать и заключать трактаты отъ имени Союза (исключительно мирные трактаты, оканчивающіе войну этого Союза), быть посредникомъ между государствами Союза и иностранной державой, по ихъ предложенію.

Военное и дипломатическое значеніе союзной власти, по общему мнѣнію, имѣло только одно положительное слѣдствіе: оно послужило къ развитію того рода политической литературы, который называется протоколами, ультиматумами, ультиматиссимами и т. д. Цѣлыя горы бумагъ ис-

писывались, напримѣръ, по голштинскому вопросу безъ малѣйшаго результата.

Что касается до значенія союзной власти относительно внутренней жизни Германіи, то она также ничтожна, какъ и относительно внѣшней.

Сеймъ долженъ пещись, чтобы во всѣхъ германскихъ государствахъ были учреждены представительныя собранія; дѣйствующія конституціи могутъ быть измѣняемы только конституціоннымъ путемъ; если кто изъ государей будетъ просить гарантіи Союза для конституціи его государства, то въ такомъ случаѣ сеймъ получаетъ право вмѣшательства по жалобѣ или государя, или палатъ *). Всѣ эти постановленія не получили серьезнаго практическаго значенія,—какъ мы увидимъ при разборѣ конституцій отдѣльныхъ государствъ Германіи. Далѣе, сеймъ наблюдаетъ за неприкосновенностью монархическаго начала, объявляетъ недѣйствительными тѣ конституціи, по которымъ фунціи верховной власти не будутъ предоставлены государю, или онъ будетъ стѣсненъ въ исполненіи обязательствъ, налагаемыхъ на него союзнымъ договоромъ; наблюдаетъ, чтобы публичныя пренія палатъ тамъ, гдѣ это установлено мѣстнымъ закономъ, не нарушали общественнаго спокойствія Германіи. Эта часть обязанностей сейма получила практическое приложеніе, такъ что сеймъ всегда бываетъ опорой реакціи и никогда—прогресса, либерализма.

Союзная конституція обязываетъ сеймъ охранять права медіатизованныхъ господъ и бывшаго имперскаго рыцарства, такъ что это сословіе имѣетъ право апелляціи къ сейму на своихъ государей, въ случаѣ нарушенія правъ, и, слѣдовательно, не состоитъ въ полномъ подданствѣ **)

*) Примѣръ приложенія этого права представился въ недавнее время. Курфирстъ гессенскій отмѣнилъ въ 1852 г. прежнюю конституцію и далъ новую: начала одни и тѣже въ обѣихъ конституціяхъ, то есть сословное представительство,—только съ той разницей, что по новой двѣ палаты, а по прежней одна. По жалобѣ палаты сеймъ началъ обсуждать дѣло, потому что онъ гарантировалъ прежнюю конституцію.... и до сихъ поръ еще нѣтъ окончательнаго рѣшенія.

**) Права ихъ опредѣлены 14 статьей союзнаго акта 1815 года и под-

Относительно простыхъ гражданъ въ 35 статьѣ окончательнаго акта сказано: «Хотя союзный договоръ, гарантируя независимость отдѣльныхъ государствъ, постановилъ, какъ основный принципъ, невмѣшательство союзной власти во внутреннее управленіе ихъ, однако члены Союза во второй части договора условились въ нѣкоторыхъ общихъ правахъ ихъ подданныхъ. Поэтому сеймъ будетъ наблюдать за исполненіемъ этихъ соглашеній, если будетъ доказано тѣми, до кого сіе касается, что они остались безъ исполненія.

тверждены окончательнымъ актомъ 1820 года. Впрочемъ въ этой статьѣ повторены только постановленія 27—32 параграфовъ акта Рейнскаго Союза. Рейнскій актъ опредѣляетъ право государей (les droits de souveraineté) въ правѣ законодательства, высшаго суда, высшей полиціи, рекрутскаго набора и налога. За исключеніемъ этихъ правъ всѣ остальныя предоставлены были медіатизованнымъ владѣтелямъ. Права эти слѣдующія: 1) Равенство крови (Ebenbürtigkeit) съ коронованными фамиліями,—вслѣдствіе этого, бракъ государя съ дѣвицей медіатизованной фамиліи есть равный, а не морганатическій (по крайней мѣрѣ въ Германіи);—2) главы медіатизованныхъ фамилій составляютъ первый классъ чиновъ тѣхъ государствъ, гдѣ живутъ (т. е. должны засѣдать въ первой палатѣ), и пользуются относительно своихъ лицъ и имуществъ наибольшими привилегіями. Это послѣднее постановленіе до сихъ поръ мѣшаетъ введенію равенства въ поземельномъ налогѣ: отдѣльныя государства не вправѣ уничтожить привилегированный характеръ имуществъ медіатизованныхъ господъ, и хотятъ выкупить у нихъ эти привилегіи. 3) Право быть судимыми только въ судахъ высшей степени; 4) право гражданскаго и уголовнаго (полицейскаго) суда первой инстанціи въ своихъ владѣніяхъ,—и даже второй инстанціи, если владѣнія велики.—Кромѣ того они пользуются разными почетными правами въ округѣ своихъ владѣній, на основаніи декрета короля баварскаго отъ 19 марта 1807 г., принятаго союзной конституціей за общее правило. Замѣтимъ, что нѣкоторые медіатизованные князья имѣютъ владѣнія обширнѣе многихъ германскихъ государей, напримѣръ герцогъ Арембергъ имѣетъ владѣнія съ 120,000 душъ населенія.

Бывшее имперское дворянство (Reichsadel) пользуется привилегированнымъ судомъ (т. е. въ случаѣ преступленій судится прямо въ высшей инстанціи), мѣстной полицейской властью и судебной на низшей степени, церковнымъ патронатомъ, привилегированымъ участіемъ на сеймахъ и проч. По 14 статья союзной конституціи, исчисливши эти права дворянства, прибавляетъ, что пользованіе ими будетъ происходить на основаніи правилъ, которыя издадутся государями, — и тѣмъ самымъ поставила самыя права въ зависимость отъ мѣстныхъ государей, и сдѣлала возможнымъ ихъ отмѣну или сокращеніе. При изложеніи конституцій отдѣльныхъ государствъ мы увидимъ, какими правами пользуются штандесгерры и имперское рыцарство въ составленіе представительства.

Впрочемъ, приложеніе къ частнымъ случаямъ законовъ и постановленій, изданныхъ въ силу сказанныхъ обязательствъ, предается на благоусмотрѣніе государей.»

По темному и запутанному изложенію этой статьи акта 1820 можно подумать, что въ 1815 году обѣщаны были нѣмцамъ необычайныя льготы, быстрое осуществленіе которыхъ могло угрожать потрясеніемъ порядка. А между тѣмъ всего-на-все было постановлено слѣдующее (по 18 статьѣ акта 1815 г.): «Государи и вольные города Германіи условливаются укрѣпить за своими подданными слѣдующія права: 1) Пріобрѣтать и владѣть недвижимой собственностью и внѣ границъ того государства, гдѣ они живутъ, при чемъ они подвергаются только тѣмъ сборамъ и повинностямъ, какія несутъ коренные подданные; 2) переселяться изъ одного государства Союза въ другое таковое же (die Befugnisse des freien Wegziehens), вступать въ военную и гражданскую службу другаго государства Союза, выполнивъ прежде обязанности въ первомъ отечествѣ; 3) освобожденіе отъ пошлинъ (jus detractus, gabella emigrationis) при перевозѣ имуществъ изъ одного государства въ другое; 4) союзное собраніе позаботится объ изданіи однообразнаго законодательства о свободѣ книгопечатанія и объ охраненіи литературной собственности.» Къ этимъ постановленіямъ надобно прибавить статью 16-ю о равенствѣ гражданскихъ и политическихъ правъ лицъ *всѣхъ* христіанскихъ исповѣданій*) и о томъ, что сеймъ *подумаетъ*, нельзя ли какъ нибудь улучшить положеніе евреевъ (Die Bundesversammlung wird in Berathung ziehen.... **). Нако-

*) Такъ сказано въ союзной конституціи; но въ нѣкоторыхъ частныхъ конституціяхъ слово „всѣхъ" замѣнено словомъ „трехъ", подъ которымъ подразумѣваются католическое, евангелическое (лютеранское) и реформатское исповѣданіе.—Очевидно, что такое замѣненіе противно буквѣ союзной конституціи.

**) Въ теченіи 30 лѣтъ сеймъ однако ничего не придумалъ для облегченія участи несчастныхъ евреевъ. Въ 1848 г. національное франкфуртское собраніе провозгласило равенство правъ послѣдователей всѣхъ религій, и этотъ имперскій законъ былъ принятъ государствами Германіи. Но прошелъ страхъ французской революціи, и всѣ постановленія въ пользу евреевъ отмѣнены, возстановлены старыя конституціи, по которымъ они не имѣютъ

нецъ 29-я статья окончательнаго акта (1820 г.) постановляетъ: «Въ случаѣ, когда въ одномъ изъ государствъ Союза будетъ отказано гражданину въ правѣ суда (Justizverweigerung, deni de justice), то сеймъ по жалобамъ обиженнаго разсматриваетъ дѣло на основаніи законовъ страны и приглашаетъ правительство дать судъ.»

Союзъ показалъ дѣятельность въ развитіи только репресивной стороны этихъ жалкихъ льготъ. Такъ, 20-го сентября 1819 года онъ издалъ законъ о книгопечатаніи— не о свободѣ его, какъ ему бы слѣдовало сдѣлать на осно-

политическихъ правъ. За исключеніемъ Пруссіи и Ганновера (также вольныхъ городовъ) они въ другихъ странахъ Германіи не могутъ быть не только избирателями и депутатами, но и вообще всякая административная и военная карьера закрыта для нихъ. А въ нѣкоторыхъ государствахъ (напримѣръ въ Саксенъ-Мейнингенѣ) евреи не могутъ быть даже адвокатами и присяжными! Въ Австріи вновь получила силу самая безправственная и подлая мѣра угнетенія, настоящая австрійская, именно: евреи могутъ вступать въ бракъ только съ разрѣшенія правительства; опредѣлено особымъ постановленіемъ, сколько должно быть женатыхъ евреевъ,—поэтому желающій вступить въ бракъ, долженъ ждать вакансіи!!...

Въ Пруссіи конституція 1850 года, составленная подъ вліяніемъ событій 1848 года, подтверждаетъ равенство политическихъ и гражданскихъ правъ евреевъ наравнѣ съ христіанами (Der Genuss der bürgerlichen und staatsbürgerlichen Rechte ist unabhängig von dem religiösen Bekenntnisse, ст. 12-я конституціи), и въ самомъ дѣлѣ они не только бываютъ избирателями, но и депутатами. Но за исключеніемъ этого политическаго права, евреи терпятъ полное униженіе: административная, судебная и военная карьера замкнута для нихъ, что особенно чувствительно въ такой странѣ, какъ Пруссія, которая почти вся состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ. Въ 1856 году членъ прусской палаты депутатовъ Вагенеръ, бывшій редакторъ Kreuz-Zeitung, сдѣлалъ предложеніе, поддержанное 29-тью другими членами, объ отмѣнѣ 12-й статьи, „потому что принципъ ея противенъ христіанскому государству", какъ онъ выразился. Предложеніе было отвергнуто. Но не смотря на то, равенство евреевъ остается большей частію мертвой буквой. Кажется, что въ послѣднее время прусское правительство рѣшилось давать серьезное приложеніе 12-й статьи. Положеніе евреевъ ясно показываетъ политическую незрѣлость нѣмецкаго народа въ сравненіи съ французскимъ. Мѣры, подобныя тѣмъ, которыя существуютъ въ Австріи и другихъ государствахъ, еще болѣе поразительны,—что все это происходитъ въ странѣ философской. „Въ Германіи, сказалъ одинъ изъ французскихъ публицистовъ, дозволяется философу съ кафедры отвергать бытіе Бога и не дозволяется еврею входить на кафедру для поученія о единомъ Богѣ!"

ваніи союзной конституціи, а объ ограниченіи свободы, особенно журналистики. Законъ этотъ изданъ по предложенію Австріи, поэтому не зачѣмъ распространяться о его характерѣ. Въ 1824 году изданъ законъ, также по предложенію Австріи, о поддержаніи монархическаго принципа, которому не грозило никакой опасности; а въ 1838 году сеймъ постановилъ такія правила объ охраненіи внутренняго спокойствія, которыя грозили паденіемъ конституціонному началу, такъ что Баварія, Саксонія, Вюртембергъ и нѣкоторыя герцогства опубликовали этотъ актъ съ оговоркою, что они не признаютъ за сеймомъ права нарушать статью союзнаго акта о введеніи представительныхъ учрежденій и будутъ охранять ихъ во всей силѣ *).

Такова союзная конституція. Какъ федеральный актъ, она безсильна относительно большихъ государствъ, безсильна во внѣшнемъ отношеніи, неспособна ни къ какому значительному практическому приложенію; для внутренней жизни германскаго народа она представляетъ преграду для прогреса либеральныхъ учрежденій. Но это еще не главные ея недостатки. Она есть отрицаніе политическаго бытія германской націи. Единство Германіи, т. е. составленіе сильной центральной власти съ національнымъ представительствомъ, причемъ отдѣльныя государства обратились бы въ провинціи, — вотъ идеалъ лучшихъ людей Германіи. Въ 1848 году вслѣдствіе февральской революціи союзная конституція исчезла сама-собою, безъ всякаго насильственнаго движенія; сеймъ пропалъ, какъ призракъ. Всѣмъ извѣстны событія этого времени: германскій парламентъ во Франкфуртѣ, эрцъ-герцогъ Іоганъ - глава исполнительной власти, временная покорность германскихъ правительствъ до тѣхъ поръ, пока продолжалось во Франціи

*) По 56 ст. окончательнаго акта, конституціи могутъ быть измѣняемы только конституціоннымъ порядкомъ, то есть съ соблюденіемъ тѣхъ кромѣ и условій, какія постановлены ими самими; а приведенное постановленіе сейма предложило государямъ представить конституціи на его разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ уничтожить въ нихъ все, что противно твердости монархическаго начала.

торжество республиканской партіи, полное сопротивленіе послѣ избранія Лудовика-Бонапарта въ президенты,—избраніе прусскаго короля въ императоры Германіи, его отреченіе, распаденіе парламента, его бѣгство и окончательныя засѣданія въ одномъ изъ штутгартскихъ трактировъ и проч., и проч.,—и затѣмъ возстановленіе конституціи 1815 года. Въ настоящее время событія, происходящія въ той же Франціи, но другаго рода нежели въ 1848 году, кажется, положатъ опять конецъ союзной конституціи, негодность которой для внѣшней защиты почти всѣми признана.

Къ чему же придетъ Германія? Ей необходимо прочное, юридически-организованное національное единство. Единство языка, литературы, исторіи не составляетъ еще націи; безъ твердаго политическаго единства народъ не живетъ въ политическомъ отношеніи. Но неразрѣшимая загадка—какъ можно устроить это единство. Сильная центральная власть съ императоромъ во главѣ и суверенныя права мѣстныхъ государей—понятія несовмѣстимыя, исключающія другъ друга. Обращеніе всей Германіи въ Пруссію, т. е. соединеніе императорскаго достоинства съ прусской короной, невозможно: на это никогда не согласятся ни Австрія, ни Баварія, ни множество другихъ государствъ, и притомъ не только государи, но и народы этихъ земель. Тоже самое относительно Австріи. Въ Германіи, вслѣдствіе вѣчнаго раздѣленія и малаго развитія политическихъ идей, мѣстный патріотизмъ (если только можно употребить въ этомъ смыслѣ такое великое слово) сильно развитъ; мало того, внутри каждой страны существуютъ свои дѣленія, напримѣръ жители Франконіи (область баварскаго королевства) ненавидятъ мюнхенцевъ и охотнѣе предпочли бы владычество Франціи.

Если бы Германія состояла только изъ малыхъ государствъ, тогда бы она достигла политическаго единства безъ большихъ затрудненій,—ни одно бы изъ нихъ не осмѣлилось идти противъ воли націи. Такъ въ 1848 году малыя государства безпрекословно признали власть франк-

фуртскаго парламента и провозглашеніе имперіи. Но ея несчастіе—существованіе такихъ великихъ членовъ, каковы Австрія и Пруссія, которыя несогласятся пожертвовать своимъ отдѣльнымъ бытіемъ. Словомъ, при сохраненіи того порядка вещей, который теперь существуетъ, невозможно для Германіи политическое единство и твердая центральная власть; формула для единства можетъ произойдти только на другихъ основаніяхъ, изъ другаго порядка вещей.

Нѣмцы любятъ говорить, что имъ нечего заимствовать у другихъ народовъ, и съ высоты величія смотрятъ на Францію. А между тѣмъ Германія живетъ только тогда, когда Франція встаетъ; она рабски повторяетъ французское движеніе: въ 1848 году у ней была своя февральская революція, свое учредительное собраніе, свое іюньское возстаніе, или, правильнѣе во множественномъ числѣ, революціи и собранія. Но все это было ребяческой пародіей, безъ величія, безъ энтузіазма. И все это движеніе покончилось комически,—протестами, перепискою, коммиссіями,—и наконецъ все прямо перешло на старое.

При такой политической неспособности, нѣмецкая нація обнаружила въ 1848 году еще другое качество—ненависть къ другимъ національностямъ: славянской, скандинавской, итальянской. Тогда какъ Франція начала дѣло своего возрожденія провозглашеніемъ правъ всѣхъ народовъ на независимую жизнь, сохранила этотъ принципъ, и тѣмъ пріобрѣла себѣ громадную силу и популярность,—Германія противнымъ возбудила общую антипатію *).

Въ 1863 году австрійскій императоръ внезапно возымѣлъ мысль упрочить единство Германіи. Онъ разослалъ письма всѣмъ германскимъ государямъ и вольнымъ городамъ, приглашая ихъ съѣхаться во Франкфуртъ для об-

*) Такія притязанія со стороны франкфуртскаго собранія, которое исчезло какъ дымъ и бумаги котораго были проданы съ аукціона, для удовлетворенія недоданнаго жалованья прислугѣ и неуплаченныхъ счетовъ за свѣчи,—были смѣшны. Но они принесли свои плоды: никто не пожалѣлъ о проигрышѣ дѣла германскаго единства, никто и теперь особенно не симпатизируетъ ему.

сужденія проекта новаго, болѣе широкаго и болѣе либеральнаго устройства союзной власти,—разумѣется съ тѣмъ, чтобы Австріи предоставлено было первое мѣсто. Но Пруссія отказалась отъ участія въ съѣздѣ, увидѣвши въ австрійскомъ предложеніи скрытную цѣль поколебать ея роль въ Германіи. Все дѣло кончилось большимъ обѣдомъ въ залѣ Römer. Между тѣмъ Пруссія дѣятельно идетъ къ поглощенію мелкихъ государствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже давно заключили съ нею военныя конвенціи, по которымъ они ставятъ свои контингенты въ прусскую армію; другія, кромѣ военнаго единства, пошли и на дипломатическое; наконецъ чрезъ таможенный союзъ и финансовые трактаты отъ его имени, Пруссія сдѣлалась представительницею финансовыхъ интересовъ многихъ сѣверныхъ и среднихъ германскихъ государствъ. Датская война 1864 года еще болѣе раскрыла виды Пруссіи на господство въ сѣверной Германіи. Повидимому Шлезвигъ, Голштинія и Лауенбургъ останутся въ вассальномъ отношеніи къ Пруссіи. Все предвѣщаетъ, что въ устройствѣ Германіи произойдутъ значительныя перемѣны.

II.

Конституціи отдѣльныхъ государствъ.—Конституціонный принципъ гарантированъ ли федеральнымъ актомъ?—Представительное начало въ организаціи второй и смѣшанное въ организаціи первой палаты.—Составъ первой палаты въ Саксоніи, Ганноверѣ. Кургессенѣ, Гессенѣ, Баваріи—Составъ второй палаты въ различныхъ государствахъ.—Конституція мелкихъ государствъ.—Конституція Пруссіи.—Значеніе Пруссіи.—Австрія.

Тринадцатая статья союзнаго акта 1815 года опредѣляетъ, чтобы въ каждомъ государствѣ были собранія членовъ (landständische Verfassung). Эта статья чрезвычайно важна, — и любопытно, что она до 1858 г. не получила полнаго примѣненія, потому что въ Австріи, до этого года не было представительныхъ учрежденій Еслибъ эта статья была

ясно выражена, то она была бы охраной льготъ германскихъ народовъ, давала бы сейму право вмѣшательства во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ и могла бы повести къ ограниченію суверенитета государей и къ созданію твердой центральной власти. Не такъ вышло на дѣлѣ. Мы остановимся на этомъ пунктѣ, потому что онъ лучше всего показываетъ отношенія германскихъ государей къ центральной власти.

Въ первоначальномъ планѣ конституціи союза было предложено: чтобы во всѣхъ германскихъ государствахъ были устроены представительныя собранія, чтобы союзный актъ опредѣлилъ minimum (наименьшее количество) правъ, которыя должны быть предоставлены народу и парламентамъ, оставляя на волю государей расширять эти права.

Баварія, и въ особенности Вюртембергъ, сильно протестовали противъ этого предложенія, находя его несовмѣстнымъ съ высокими правами королей. Съ своей стороны уполномоченный Ганновера (т. е. англійскаго короля) представилъ ноту слѣдующаго содержанія: что «его государь не можетъ допустить, чтобы измѣненія, происшедшія въ Германіи послѣ революціи, могли дать королямъ Баваріи и Вюртемберга право неограниченнаго господства надъ ихъ подданными и чтобы уничтоженіе конституціи германской имперіи могло имѣть законнымъ слѣдствіемъ уничтоженіе мѣстныхъ конституцій; что представительная система существовала въ Германіи съ незапамятныхъ временъ; что во многихъ государствахъ эта организація основана на договорахъ народовъ съ государями. Далѣе, онъ утверждалъ, что трактаты, по которымъ германскіе государи приступили къ общей лигѣ противъ Наполеона, нисколько не даютъ имъ надъ подданными тѣхъ правъ, которыхъ они прежде не имѣли, потому что съ одной стороны въ этихъ трактатахъ ничего не было сказано о правахъ подданныхъ, а съ другой стороны, хотя государямъ обезпечено верховное право (Souveraineté), но слово суверенность вовсе не означаетъ деспотической власти: такъ король англійскій конечно такой же суверенъ, какъ и

другіе европейскіе государи, а между тѣмъ его народъ пользуется великими льготами, которыя не только не угрожаютъ престолу, но укрѣпляютъ его силу».

Но Виртембергъ продолжалъ спорить. Вслѣдствіе этого появилась знаменитая тринадцатая статья, которая для незнакомыхъ съ германской публицистикой кажется равносильной ганноверскому предложенію, т. е. обязываетъ государей дать народамъ представительныя учрежденія, — а между тѣмъ ни къ чему не обязываетъ. Какъ же это произошло? Здѣсь для понятія одной изъ коренныхъ статей конституціи необходима... филологія. Въ проектѣ было сказано: «In allen Bundesstaaten soll eine landständische Verfassung bestehen,» (т. е. въ каждомъ изъ государствъ Союза *должно необходимо* существовать представительное устройство), а въ союзномъ актѣ тринадцатая статья выражена такъ: «In allen Bundestaaten wird eine landeständische Verfassung stattfinden» (т. е. въ каждомъ государствѣ союза *будетъ* имѣть мѣсто представительное устройство). Нѣмецкіе коментаторы поэтому говорятъ: «проектъ обязывалъ безусловно дать представительство», а союзный актъ говоритъ, что «представительство *будетъ*», — но когда—этого не опредѣляетъ. Словомъ, германскіе государи давали или не давали конституціи сообразно тому, какъ понимали различіе глаголовъ sollen и sein!... Надобно сказать, что только въ Германіи можно серьезно заниматься филологической интерпретаціей конституцій и сводить великій вопросъ на филологическій.

Впрочемъ за исключеніемъ Австріи всѣ германскіе государи дали конституціи своимъ подданнымъ до 1848 г. Долѣе другихъ колебалась Пруссія, но, наконецъ, вынужденная внѣшними событіями, дала конституцію на началахъ англійскихъ. Австрія дала конституцію только въ 1858 г. Въ среднихъ и малыхъ германскихъ государствахъ конституціи сохранили до сихъ поръ своеобразность, какъ въ устройствѣ представительства, такъ и въ его значеніи. Начнемъ съ этихъ послѣднихъ.

Французская система представительства (точно также

какъ и американская) основана на началѣ числа: съ извѣстнаго количества народонаселенія избирается одинъ членъ-депутатъ. Германская теорія совсѣмъ другая.

Средневѣковое государство состояло изъ трехъ свободныхъ элементовъ: рыцарства, духовенства, горожанъ. Это не были сословія въ нынѣшнемъ смыслѣ слова,—это скорѣе были три націи, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга не только занятіями, но и происхожденіемъ, законами, правами, интересами, даже языкомъ и литературою. Поэтому представительство въ средневѣковомъ государствѣ иначе и не могло быть мыслимо, какъ въ формѣ трехъ отдѣльныхъ камеръ: дворянъ, духовенства, горожанъ. Составить представительство общее, валовое, по количеству народонаселенія, было бы въ то время величайшей нелѣпостью: горожанинъ ничего общаго не имѣлъ съ рыцаремъ. Далѣе, въ каждой изъ этихъ категорій представительство опять было основано не на принципѣ числа, а на количествѣ юридическихъ лицъ: каждый городъ, какъ особое цѣлое, имѣлъ представителя, каждый большой монастырь или капитулъ также,—рыцарское сословіе раздѣлялось также на юридическія лица, т. е. на различныя рыцарскія корпораціи, кромѣ того на высшее и низшее рыцарство. Такую форму имѣло представительство не только въ Германіи, но и во Франціи, и даже отчасти въ Россіи (Земскія думы).

Это средневѣковое различіе сословій не изгладилось и въ новое время. Франція гораздо прежде другихъ государствъ достигла нивелированія сословій, созданія одной націи, т. е. въ ней явились великіе національные интересы, предъ которыми сословные отошли на дальній планъ, и наконецъ сословія смѣшались, потеряли средневѣковый характеръ. Въ 1789 году было послѣднее собраніе Etats généraux, кончившееся тѣмъ, что среднее сословіе объявило себя націей и потребовало, чтобы представители другихъ сословій соединились съ нимъ въ одну камеру.

Представительныя учрежденія тогда только удовлетворяютъ своему смыслу, когда служатъ дѣйствительно органомъ интересовъ всего народа, представляютъ въ сокраще-

ніи націю. Слѣдовательно, если народъ раздѣляется на сословія, рѣзко различающіяся бытомъ и интересами, то оно должно быть устроено такъ, чтобы каждый элементъ былъ представленъ въ количествѣ, сообразномъ съ его естественнымъ значеніемъ въ государствѣ, какъ живомъ организмѣ. Поэтому, напримѣръ, форма представительства, устроенная Екатериной II-й для «Коммиссіи составленія проекта новаго уложенія», была самая мудрая, самая справедливая. Въ ней всѣ сословія, всѣ племена Россіи имѣли своихъ представителей: не только крестьяне, горожане, дворяне, но и различные виды сельскаго сословія: казаки, однодворцы, инородческія племена, каждое отдѣльно посылало депутата. Интересы ихъ и должны быть различны, хотя бы они и жили въ одномъ уѣздѣ. Предоставить дѣло выбора одному числу—значило бы въ этомъ случаѣ получить вовсе не истинное представительство нуждъ и желаній Россіи, и поэтому представительство не на началѣ числа, а на началѣ элементовъ государства, справедливо тамъ, гдѣ еще не послѣдовало ихъ объединенія. Но ставить эту переходную историческую систему абсолютною, сохранять ее и тогда, когда различные слои слились въ одную націю, —значитъ искусственно поддерживать раздробленіе, устроивать путы для политическаго развитія народа, дѣлать представительство не истиннымъ, а ложнымъ, потому что оно тогда будетъ выраженіемъ сгнившихъ частей, и не будетъ выражать живаго цѣлаго.

А между тѣмъ такого рода представительство въ чистой формѣ до сихъ поръ существуетъ въ Швеціи, и въ измѣненной—во всѣхъ германскихъ государствахъ, за исключеніемъ Пруссіи.

Разсматривая конституціи германскихъ государствъ, нельзя не удивляться тому терпѣнію, съ которымъ составители ихъ собирали всѣ отжившіе элементы, выхолили и призвали къ дѣйствію съ одною цѣлію: стѣснить консервативными началами свободное представительство. Есть цѣлый классъ нѣмецкихъ публицистовъ, восхищающихся этими конституціями, потому что ими устанавливается

реальное представительство. Это восхищеніе понятно: конституціи эти во многомъ обязаны своимъ происхожденіемъ гелертерамъ, онѣ наглядно представляютъ всю исторію Германіи; это — въ нѣкоторомъ родѣ политическій музеумъ.

Всѣ германскія конституціи чрезвычайно сходны между собою (за исключеніемъ прусской и австрійской), такъ что достаточно разсмотрѣть одну изъ нихъ, чтобы знать вся остальныя. Онѣ отличаются отъ шведской и прежнихъ германскихъ тѣмъ, что нѣтъ представительства въ трехъ или четырехъ камерахъ: всего двѣ камеры; но палата депутатовъ именно устроена на старомъ началѣ—сословномъ, а высшая палата состоитъ изъ наслѣдственныхъ и избирательныхъ членовъ самыхъ верхнихъ историческихъ слоевъ съ примѣсью, впрочемъ въ опредѣленной дозѣ, новаго начала—избранія государемъ. Во всѣхъ государствахъ медіатизированные князья и графы, на основаніи союзнаго акта, засѣдаютъ наслѣдственно въ первой палатѣ, если только имѣютъ медіатизированныя имѣнія на территоріи государства *).

Посмотримъ сначала на составъ первой палаты. Въ Саксоніи она состоитъ изъ членовъ шестнадцати категорій, въ Ганноверѣ — десяти, въ другихъ государствахъ почти изъ такого же числа. Именно, въ Саксоніи первую палату составляютъ: 1) совершеннолѣтніе принцы королевскаго дома, 2) представитель (по выбору) мейссенскаго монастыря, 3) господинъ Вильденфельсъ, 4) одинъ уполномоченный отъ пяти линій графскаго дома Шенбургъ, 5) депутатъ лейпцигскаго университета (непремѣнно изъ ординарныхъ профессоровъ), 6) господинъ Кенигсбрукъ, 7) госпо-

*) Этихъ фамилій съ различными въ линіями Германіи болѣе 90: Арембергъ, Бентгеймъ, Бентинкъ, Бемельбергъ, Кастель, Коллоредо, Круа, Дитрихштейнъ, Эрбахъ, Эстергази, Фюрстенбергъ, Фуггеръ, Гишъ, Герцъ, Гротъ, Гогенлоге, Изенбургъ, Аулендорфъ, Лейнингенъ, Лейенъ, Левенштейнъ, Лооцъ-и-Корсваренъ, Нейпергъ, Эттингъ, Остенбургъ, Папенгеймъ, Плетенбергъ, Пюклеръ, Рехбергъ, Рехтернъ-Лимпургъ, Сальмъ, Шесбергъ, Шенборнъ, Шенбургъ, Шварценбергъ, Сольмсъ, Стадіонъ, Штаргембергъ, Штольбергъ, Турнъ-и-Таксисъ, Террингъ, Вялдботтъ-Бассенгеймъ, Вальдбургъ, Вэдъ, Виндишгрецъ, Витгенштейнъ, Аусрепергъ, Кауницъ, Кевенгюлеръ-Метшъ, Лобковичъ, Меттернихъ, Эттингенъ, Розенбергъ, Траутмансдорфъ.

динъ Рейбергдорфъ, 8) евангелическій придворный проповѣдникъ (Oberhofprediger), 9) деканъ будиссинскаго соборнаго капитула, 10) лейпцигскій суперинтендентъ, 11) представитель вурценскаго монастыря, 12) первый представитель другихъ четырехъ линій шенбургской фамиліи, 13) двѣнадцать уполномоченныхъ, избираемыхъ пожизненно отъ владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, 14) десять пожизненныхъ членовъ по выбору короля изъ сословія помѣстныхъ дворянъ (Rittergutsbesitzer), 15) городскіе головы (die erste Magistratsperson) городовъ Дрездена и Лейпцига, 16) головы шести другихъ городовъ, по росписи, утвержденной королемъ.

Такимъ образомъ первая саксонская палата состоитъ изъ лицъ, поступающихъ въ нее по различнымъ началамъ: a) по началу крови (1-я категорія,) b) по владѣнію извѣстнымъ недвижимымъ имуществомъ (категоріи 3, 4, 6, 7, 12), c) по выбору высшаго поземельнаго дворянства (13), большихъ духовныхъ корпорацій (категоріи 2, 9) и университета (5), d) по назначенію короля (категорія 14), e) по занимаемой должности (категоріи 8, 9, 15, 16). Притомъ члены или наслѣдственны, или пожизненны,—или, тѣ которые занимаютъ мѣсто по должности,—срочны, т. е. присутствуютъ до тѣхъ поръ, пока занимаютъ должность, которая дала имъ право вступить въ камеру. Коль скоро членъ теряетъ поземельное имущество, давшее ему право вступить въ камеру, то вмѣстѣ съ тѣмъ и теряетъ это послѣднее право. Городское населеніе вотируетъ при избраніи депутатовъ въ низшую камеру, и кромѣ того, какъ мы видѣли, нѣкоторые большіе города имѣютъ представителей и въ первой. Это начало довольно общее въ германскихъ конституціяхъ; довольно странное (почему, въ самомъ дѣлѣ, большіе города избираютъ и въ высшую и въ низшую камеру, а малые только въ послѣднюю?), объясняемое единственно желаніемъ ввести чинопочаліе и своего рода аристократію между городами и собрать въ первой палатѣ *сливки* всѣхъ общественныхъ разрядовъ.

Въ Ганноверѣ составъ первой палаты представляетъ

нѣсколько любопытныхъ отличій. Кромѣ принцевъ королевскаго дома и четырехъ медіатизованныхъ герцоговъ и графовъ (Аренберга, Лооцъ-Корсварена, Бентгейма, Штольберга), она состоитъ: 1) Изъ наслѣдственнаго маршала королевства (Erblandmarschall des Königreichs). 2) Изъ тридцати трехъ уполномоченныхъ отъ большихъ поземельныхъ владѣльцевъ (а не только владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, какъ въ Саксоніи); королевство раздѣляется для этого предмета на тридцать три округа, въ каждомъ изъ нихъ сто пятьдесятъ владѣльцевъ, платящихъ не менѣе пятидесяти талеровъ ежегодной поземельной подати, избираютъ одного депутата;—если въ округѣ не найдется ста пятидесяти лицъ съ такимъ состояніемъ, то дозволяется укомплектовать число ихъ изъ менѣе богатыхъ;—если въ округѣ болѣе ста пятидесяти лицъ, платящихъ пятьдесятъ талеровъ, то всѣ они пользуются правомъ избирательства. Это начало—англійское, здѣсь рыцарство замѣнено джентри. 3) Весьма интересная оригинальность: десять членовъ отъ торговли и ремеслъ. Законъ 26-го октября 1848 года (Gesetz üder die Wahlen zur allgemeinen Standeversammlung) постановляетъ, что все королевство для выборовъ по этой категоріи раздѣляется на десять округовъ, въ каждомъ округѣ избирательную коллегію составляютъ отъ двадцати до тридцати избирателей, имѣющихъ заведеніе, годовая подать съ котораго не менѣе трехъ съ половиною талеровъ, и двое старшинъ каждаго цеха. Далѣе, 4) духовенство и ученое сословіе (не одни только университеты, какъ въ Саксоніи, Баденѣ и другихъ государствахъ, но и члены среднихъ и низшихъ заведеній) избираютъ десять представителей, именно: протестантское духовенство—четырехъ, католическое—двоихъ, геттингенскій университетъ—одного, учителя гимназій—одного, учителя низшихъ училищъ—двоихъ. Ганноверская конституція единственная въ мірѣ, по которой ремесленники и школьные учителя составляютъ какой-то аристократическій слой, представляемый въ первой палатѣ. Какъ видно, за начало представительства взяты отвлеченныя понятія—

торговля, наука и проч. Наконецъ не менѣе любопытно, юристы (Rechtsgelehrte), т. е. судьи и адвокаты также посылаютъ четырехъ представителей въ высшую палату. Въ дополнительныхъ законахъ къ конституціи очень подробно исчислены правила, по которымъ школьные учители, ремесленники, юристы избираютъ представителей, какъ напримѣръ нѣсколько гимназій должны условливаться въ общемъ выборѣ. Вообще ганноверская первая палата далеко непохожа на англійскую палату лордовъ: въ ней какое-то нелѣпое соединеніе такихъ элементовъ, какъ медіатизированные князья и ремесленники! Замѣтимъ, что законъ очень серьезно говоритъ, напримѣръ въ статьѣ о выборѣ представителей въ высшую палату отъ ремесленниковъ, что пивовары также пользуются правомъ избранія, если платятъ положенную годовую подать!

Въ Кургессенѣ (по конституціи 1852 года *) первая палата состоитъ изъ лицъ тринадцати категорій: 1) изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ царствующей фамиліи; 2) изъ главы каждой линіи курфирстскаго дома; 3) изъ главъ княжескихъ и графскихъ фамилій, имѣющихъ медіатизированныя владѣнія (Standesherrschaft) въ Кургессенѣ; 4) изъ наслѣдственныхъ членовъ изъ сословія высшаго дворянства (Landesherrn), число которыхъ не должно превышать числа членовъ трехъ первыхъ категорій, — съ тѣмъ, чтобы возведенный въ перство имѣлъ поземельное имущество съ ежегоднымъ доходомъ не менѣе какъ въ 6,000 талеровъ; 5) изъ наслѣдственнаго маршала вольнаго господина (Freiherr) фонъ-Ридезеля; 6) одного представителя двухъ дворянскихъ монастырей—Кауфунгенъ и Веттеръ; 7) изъ вице-канцлера университета; 8) католическаго епископа; 9) трехъ протестантскихъ суперинтендентовъ — кассельскаго, марбургскаго и ганнауского; 10) изъ пяти депутатовъ отъ стараго гессенскаго рыцарства (althessische Ritterschaft); 11) одного уполномоченнаго отъ рыцарства графства Ша-

*) Мы упоминали, что эта конституція дана курфирстомъ вмѣсто прежней 1831 года, отмѣненной имъ въ противность постановленія союзнаго акта. Въ 1862 г. Курфирстъ долженъ былъ вслѣдствіе союзнаго рѣшенія (постановленій) возстановить прежнюю конституцію

умбургъ; 12) одного -отъ бывшаго имперскаго дворянства (Reichsunmittelbarer Adel) фульдскаго и гюнфельдскаго округовъ; 13) одного—отъ такого же рыцарства провинціи Ганнау.

Первая палата великаго герцогства Гессена (Гессенъ-Дармштадтъ) состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, но въ сокращенномъ *) и болѣе либеральномъ видѣ. — всего семь категорій: принцы, штандесгерры, католическій епископъ, одинъ протестантскій духовный сановникъ, канцлеръ университета,—слѣдственно тѣ же категоріи, какъ и въ кургессенской конституціи, но за то дворянство не имѣетъ особыхъ представителей, и избранные государемъ члены въ числѣ десяти могутъ быть и не изъ рыцарства. Замѣчательно, что третья категорія гессенской конституціи буквально сходна съ пятой кургессенской, т. е. тотъ же господинъ Ридезель наслѣдственнымъ членомъ въ первыхъ палатахъ обоихъ государствъ. Въ Баваріи первая палата называется палатой государственныхъ совѣтниковъ (die Kammer der Reichsräthe) и состоитъ изъ 1) принцевъ; 2) штандесгерровъ; 3) трехъ католическихъ и одной протестантской духовныхъ особъ; 4) изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ (Kronbeamte des Reichs); 5) изъ назначенныхъ королемъ за заслуги, или во уваженіе ихъ происхожденія или состоянія (...wegen ausgezeichneter dem Staate geleisteter Dienste, oder wegen ihrer Geburt, oder ihres Vermögens...). —наслѣдственно или пожизненно, съ тѣмъ, чтобъ число пожизненныхъ членовъ не превышало одной трети числа прочихъ членовъ **).

Палата депутатовъ (вторая, низшая палата) во второстепенныхъ государствахъ Германіи составляется, какъ

*) Дѣйствующая конституція дана великимъ герцогомъ Лудвикомъ 17-го декабря 1820 года.

**) Въ Баваріи дѣйствуетъ конституція 26-го мая 1818 г. Впрочемъ въ 1848 году сдѣлано было и сохранено въ силѣ до сихъ поръ важное постановленіе (Verfassungs-Gesetz, die Wahl der Landtags-Abgeordneten betreffend, 4-го іюня 1848 г.) о составѣ второй палаты, по которому отмѣнено сословное представительство и введено народное въ тѣхъ почти размѣрахъ, какъ и въ Пруссіи.

мы сказали, на основаніи начала сословій. Въ Саксоніи она состоитъ: изъ 20 депутатовъ отъ владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, 25 депутатовъ отъ городовъ, 25 отъ крестьянъ (Bauerstand), т. е. землевладѣльцевъ обыкновенныхъ, а не рыцарскихъ имуществъ, и пяти отъ торговли и ремеслъ.

Въ Ганноверѣ *) палата депутатовъ состоитъ изъ 82 членовъ, — изъ нихъ два назначаются королемъ изъ числа министровъ (странная особенность!) и одинъ членъ-контролеръ избирается самой палатой; прочіе 79 распредѣляются такъ: 1) 38 депутатовъ отъ городовъ, но не всѣхъ, а отъ 73 исчисленныхъ въ росписи (§ 41, пунктъ 3-й конституціи),—изъ этого числа столичный городъ даетъ двухъ депутатовъ, другіе по одному, и наконецъ группы изъ двухъ, трехъ, пяти и даже восьми малыхъ городовъ даютъ по одному депутату, т. е., говоря германскимъ конституціоннымъ языкомъ, имѣютъ одинъ куріатскій голосъ; 2) изъ 41 депутата отъ сельскихъ общинъ и городовъ, не означенныхъ въ первой категоріи. Представителей со стороны поземельнаго дворянства нѣтъ во второй палатѣ, потому что, какъ мы видѣли, всѣ значительные поземельные владѣльцы посылаютъ депутатовъ (въ числѣ 31-го) въ первую палату. По этой же причинѣ и 63 члена баденской второй палаты состоятъ только изъ депутатовъ отъ городовъ и сельскихъ общинъ; изъ этого числа 14 городовъ посылаютъ 22 депутата, именно Карлсруэ и Мангеймъ по три, Гейдельбергъ, Фрейбургъ, Пфорцгеймъ, Ларъ по два, прочіе по одному.

Въ Кургессенѣ вторая палата состоитъ изъ 48 депутатовъ: 16 отъ тѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые не вотируютъ для первой камеры, 16 отъ городовъ (изъ которыхъ одни имѣютъ полный голосъ, другіе куріатный), 16 отъ сельскихъ общинъ. Въ великомъ герцогствѣ Гессе-

*) Въ Ганноверѣ дѣйствуетъ конституція 6-го августа 1840 г. съ весьма важными измѣненіями относительно устройства палатъ по закону 5-го сентября 1848 г. (Das Gesetz, verschiedene Abänderungen des Landesverfassungs-Gesetzes betreffend.)

нѣ эта палата состоитъ изъ 50 членовъ: 1) шесть отъ дворянъ-землевладѣльцевъ; 2) десять отъ восьми привилегированныхъ городовъ (Дармштадтъ и Майнцъ по два, прочіе шесть по одному депутату; 3) 34 депутата отъ округовъ, въ составъ которыхъ входятъ и селенія и города, разумѣется за исключеніемъ привилегированныхъ.

Въ Вюртембергскомъ королевствѣ *) вторая палата весьма сложнаго состава: въ нее входятъ многія изъ тѣхъ категорій, которыя въ другихъ государствахъ посылаютъ представителей въ верхнюю камеру. Она состоитъ: 1) изъ 13 дворянскихъ депутатовъ; 2) изъ семи отъ семи привилегированныхъ городовъ; 3) по одному съ каждаго округа (Oberamtsbezirk); — и кромѣ того 4) изъ канцлера университета; 5) католическаго епископа, соборнаго декана и члена отъ соборнаго капитула; 6) изъ трехъ протестантскихъ генералъ-суперинтендентовъ. Семь лицъ, составляющихъ три послѣднія категоріи, засѣдаютъ не вслѣдствіе избранія (за исключеніемъ члена отъ соборнаго капитула), а по должностямъ, и остаются въ палатѣ безсрочно, до тѣхъ поръ пока не лишатся своихъ званій, — слѣдовательно вносятъ въ палату депутатовъ совершенно новый, противорѣчащій ея значенію, элементъ. Конечно, раціональнѣе было бы включить этихъ членовъ въ первую палату, но въ Вюртембергѣ первая палата состоитъ только изъ трехъ категорій: 1) изъ принцевъ королевскаго дома, изъ главъ тѣхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, которыхъ владѣнія прежде пользовались голосомъ на имперскомъ сеймѣ; 3) изъ лицъ, наслѣдственно или пожизненно назначенныхъ королемъ, съ тѣмъ: а) чтобы число ихъ не превышало одной трети числа лица двухъ первыхъ категорій; b) чтобы въ наслѣдственные члены избирались только лица дворянскаго сословія и притомъ такія, которыя

*) Въ Вюртембергѣ дѣйствуетъ конституція 25-го сентября 1819 г. Въ 1848 г. созвано было собраніе для ревизіи конституціи, и издана была новая, конечно болѣе либеральная. Но въ 1850 году королевскимъ повелѣніемъ (6-го ноября) дана сила прежней конституціи, и всѣ постановленія послѣдняго собранія уничтожены.

имѣютъ поземельную собственность по меньшей мѣрѣ въ 6,000 гульденовъ ежегоднаго дохода.

Въ маленькихъ германскихъ государствахъ большей частію представительное собраніе состоитъ изъ одной камеры (Landtag), потому что довольно трудно, напримѣръ въ Липпе, найдти элементы для первой палаты такого рода, какъ въ среднихъ государствахъ. Но собраніе все таки состоитъ изъ депутатовъ трехъ сословій: рыцарства, горожанъ и крестьянъ. Конституціи маленькихъ государствъ отличаются величайшей обстоятельностью: такъ въ саксенъ-мейнингенской (§ 20) исчислены всѣ дворяне-избиратели,—ихъ впрочемъ всего пятьдесятъ шесть. Нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ любопытныя положенія, такъ напримѣръ браунгшвейгская палата (Landschaftsordnung von 12 Oct. 1832, § 60) состоитъ изъ 48 членовъ: 10 отъ дворянъ, 12 отъ городовъ, 10 отъ крестьянъ, и еще четвертый разрядъ: 16 депутатовъ, избираемыхъ всѣми тремя сословіями вмѣстѣ; для этого каждое сословіе назначаетъ столько избирателей, сколько посылаетъ депутатовъ,—они соединяются въ одну коллегію и избираютъ этихъ 16 депутатовъ. Такимъ образомъ два противоположныя начала представительства, сословное и національное (изъ всего народонаселенія) соединены вмѣстѣ въ одной палатѣ, такъ что каждый браунгшвейгецъ представляется въ палатѣ двояко: и какъ членъ сословія, и какъ членъ націи. Такую удивительную комбинацію могли придумать только нѣмецкіе политики. Конституція самаго маленькаго изъ германскихъ государствъ, княжества Лихтенштейнъ (7,000 жителей), замѣчательна тѣмъ, что дворянство не имѣетъ отдѣльныхъ представителей (впрочемъ намъ неизвѣстно, есть ли тамъ хотя десятокъ дворянъ-помѣщиковъ), но за то, такъ какъ князь ревностный католикъ, духовенство имѣетъ спеціальныхъ представителей, и весь сеймъ (Landstände) состоитъ изъ двухъ отдѣленій: 1) Geistlichkeit, представители духовенства: трое избранныхъ бѣлымъ духовенствомъ и монастырями, и кромѣ того всѣ приходскіе священники, которые притомъ имѣютъ состояніе въ

2,500 гульденовъ, eo ipso получаютъ мѣсто и голосъ въ палатѣ; 2) Landmanschaft по одному депутату съ каждой общины.

Сообразно съ такимъ жалкимъ конституціоннымъ устройствомъ, гдѣ на ряду съ живыми элементами признаны мертвые, идутъ постановленія объ участіи граждан въ избирательствѣ и значеніи представительныхъ собраній. Во всѣхъ германскихъ государствахъ разумѣется нѣтъ и помина о всеобщемъ избирательствѣ,—въ каждомъ сословіи избраніе депутатовъ принадлежитъ только немногимъ достаточнымъ членамъ. Въ сословіи дворянскомъ собственно вотируетъ не лицо, а рыцарское имущество—подобно тому, какъ у насъ въ Россіи, на дворянскихъ выборахъ право голоса принадлежитъ только лицу, обладающему имуществомъ опредѣленнаго размѣра (100 душъ крестьянъ). По этому если рыцарское имущество перешло во владѣніе нѣсколькихъ лицъ, то они сообща имѣютъ одинъ голосъ,—и нѣкоторыя конституціи, напримѣръ, пассауская, входятъ по этому случаю въ большія подробности: владѣльцы одного рыцарскаго имущества должны избрать одного избирателя, а если они не согласятся, то избирателемъ считается старшій лѣтами и проч. Далѣе, отсюда выходитъ другая оригинальность германскаго конституціоннаго права: женщины и малолѣтніе, если не владѣютъ рыцарскимъ имуществомъ, дающимъ право голоса, сохраняютъ это право, т. е. вотируютъ при избраніи депутата, на нее лично,—а за замужнюю ея мужъ, за вдову сынъ, за малолѣтнихъ опекуны *). Если одно лицо владѣетъ нѣсколькими такими имуществами, то въ нѣкоторыхъ государствахъ оно имѣетъ и нѣсколько голосовъ на выборахъ **). Въ сословіи горожанъ и крестьянъ выборы устроены на

*) Положеніе о дворянскихъ выборахъ у насъ, изданное Екатериной II и дополненное Николаемъ I, заимствовано во многомъ изъ старыхъ нѣмецкихъ конституцій: имъ даны особыя права владѣльцу имущества со 100 душъ крестьянъ (нѣмецкому рыцарскому имуществу), далѣе—право женщины и малолѣтняго передавать голосъ и прочее.

**) Напримѣръ саксенъ-мейнингенская конституція § 21 прямо говоритъ: „Jedes Gut hat bei den Wahlen ein Stimmrecht“. Если такое дворянское

двухъ степеняхъ (и даже на трехъ, какъ напр. въ Нассау), — и правила выборовъ чрезвычайно разнообразны. Такъ въ Баденѣ изъ 250 жителей выбирается одинъ избиратель (Wahlmann),—подавать голосъ въ этомъ случаѣ имѣютъ право всѣ граждане, не состоящіе въ зависимомъ положеніи (Hintersassen, Gewerbsgehülfen, Gesinde, Bediente и проч.) и имѣющіе двадцати-пятилѣтній возрастъ, безъ различія религій. Но чтобъ быть выбраннымъ депутатомъ, надобно принадлежать къ одному изъ трехъ христіанскихъ исповѣданій (т. е. католическому, лютеранскому, реформатскому), слѣдовательно не только евреи, но и послѣдователи различныхъ сектъ, напримѣръ пресвитерьянской, методистской и пр. и даже—если бы нашлись — послѣдователи восточной, или армянской церкви не могутъ быть депутатами!!..*), далѣе—тринадцатилѣтній возрастъ, и наконецъ владѣть недвижимымъ имуществомъ цѣною по крайней мѣрѣ въ 10,000 гульденовъ (5,500 р. с.), или 1,500 гульденовъ ежегодной ренты. Въ Гессенскомъ курфиршествѣ избираютъ депутатовъ общинные и городовые совѣты, а не народъ. Въ Вюртембергѣ выборы нѣсколько сложнѣе: изъ 700 человѣкъ жителей (или 140 активныхъ гражданъ) выбирается 20 избирателей, но изъ нихъ собственно избирается только одна треть, а двѣ трети состоятъ изъ четырнадцати гражданъ, заплатившихъ въ послѣднемъ году наибольшее количество прямыхъ налоговъ.... Затѣмъ, такимъ образомъ составленныя коллегіи при избраніи депутатовъ должны наблюдать слѣдующія оригинальныя правила: 1) никто не можетъ подавать голосъ въ пользу *самого себя* (ст. 144), и 2) отецъ и сынъ не могутъ одновременно быть депутатами,—и если отецъ не согласится отказаться, то сынъ лишается права быть депутатомъ!...

имущество перешло во владѣніе не дворянина, то оно не теряетъ своего права на голосъ; новый владѣлецъ-мѣщанинъ пользуется имъ—въ однѣхъ странахъ прямо, въ другихъ долженъ передать кому-либо изъ дворянъ. Дворянинъ, не владѣющій такимъ имуществомъ, подаетъ голосъ наравнѣ съ поселянами.

*) Мы говорили прежде, что по союзной конституціи провозглашено равенство правъ послѣдователей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

(ст. 148). Еслибъ въ Англіи существовало такое патріархальное правило, то она бы не совершила величайшей реформы — хлѣбныхъ законовъ, потому что сэръ Робертъ Пиль засѣдалъ въ палатѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Въ Ганноверѣ постановленія гораздо либеральнѣе: выборы прямые (а не о двухъ степеняхъ), право участія въ выборахъ и право быть избраннымъ въ депутаты имѣютъ всѣ полноправные граждане, несостоящіе подъ опекой или въ услуженіи, неопороченные судомъ, платящіе прямые налоги.

Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ находится много мудрыхъ правилъ относительно порядка засѣданій. Такъ, саксонская конституція говоритъ, что члены не должны въ рѣчахъ позволять себѣ личностей, грубостей и т. д. и т. д., такъ что трудно понять, чтобы эти правила были написаны для собранія депутатовъ народа, а не для мальчиковъ приходской школы. Нассауская конституція очень много заботится о порядкѣ мѣстъ въ засѣданіи, установляетъ—какъ представители различныхъ сословій должны размѣщаться вокругъ презитента, а члены каждаго сословія занимать мѣста по жребію....

Этимъ сухимъ формализмомъ, смѣшеніемъ началъ, отсутствіемъ политической идеи отличаются всѣ германскія конституціи.

Гораздо выше стоитъ прусская конституція. Въ Пруссіи до 1848 года были только собранія чиновъ и только съ совѣщательнымъ характеромъ. Вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ событій—французской революціи—дана была парламентарная конституція, которая впослѣдствіи была во многомъ измѣнена въ консервативномъ духѣ. Нынѣ дѣйствующая конституція (Staats-Grundgesetz) издана 31-го января 1850 г.; она была измѣнена въ нѣкоторыхъ статьяхъ законами: 30-го апрѣля 1851, 21-го мая 1852, 5-го іюня 1852, 7-го мая 1853, 24-го мая 1853, 12-го октября 1854 годовъ.

Прусская конституція не заключаетъ ни одного новаго политическаго начала. Большая часть ея статей—о раздѣ-

леніи трехъ властей, о правахъ пруссаковъ, о правахъ короля—буквальный переводъ съ французскихъ конституцій. Но французскія начала являются здѣсь обставленными такой средой, что онѣ теряютъ всю свою грандіозность и сводятся на жалкую и даже комическую степень. Такъ напримѣръ, какую силу можетъ имѣть статья о равенствѣ гражданъ въ странѣ, гдѣ дворянинъ не можетъ вступить въ законный бракъ съ мѣщанкой. Любопытно, что нѣкоторыя статьи французскаго конституціоннаго права получили здѣсь развитіе въ словахъ. Напримѣръ, во французской Déclaration des droits сказано просто и ясно, что гражданинъ имѣетъ право выражать свои мнѣнія печатью или другимъ способомъ («Le droit de manifester sa pensée et ses opinions, soit par la voie de la presse, soit de toute autre manière»), а въ 27 статьѣ прусской конституціи: «Каждый пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свои мнѣнія посредствомъ слова, письма, печати и *художественнаго изображенія...* («Jeder Preusse hat das Recht durch Wort, Schrift, Druck oder bildliche Darstellung seine Meinung frei zu äussern»). Отчего еще не прибавлено: жестами, танцами и прочее? — Пруссія заимствовала постановленіе французской революціи: что всѣ граждане—солдаты. Но это начало, которое дало Франціи ея страшную военную силу, въ Пруссіи произвело несостоятельную систему ландвера. По прусской системѣ гражданинъ цѣлый вѣкъ неспокоенъ: то онъ служитъ въ первой молодости въ арміи, а потомъ въ ландверѣ. При этой системѣ Пруссія имѣетъ 700 тысячъ мундировъ, а не имѣетъ арміи въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что армія, состоящая изъ отцевъ семействъ, есть нелѣпость: она не можетъ выдержать двухгодичной кампаніи безъ того, чтобы семейство не стало банкрутомъ. Въ чисто военномъ отношеніи она дастъ Пруссіи линейное войско изъ молодыхъ солдатъ и старыхъ офицеровъ, и резервъ (ландверъ) изъ старыхъ солдатъ и молодыхъ офицеровъ. Любопытно, что нѣтъ въ мірѣ націи, которая такъ много думала бы о своемъ воен-

номъ могуществѣ, какъ Пруссія; по мнѣнію пруссаковъ, ихъ армія—первая въ мірѣ.

Далѣе, прусская конституція провозглашаетъ полную религіозную свободу и равенство правъ лицъ всѣхъ религій, — и дѣйствительно евреи могутъ засѣдать въ прусской палатѣ депутатовъ, но не пользуются полными гражданскими правами въ городахъ... Такихъ противорѣчій и несообразностей множество въ прусскомъ законодательствѣ.

Конституціонное устройство Пруссіи слѣдующее. Первая палата состоитъ, на основаніи 65 статьи конституціи: 1) изъ принцевъ королевскаго дома; 2) наслѣдственныхъ членовъ: штандесгеровъ (т. е. прежнихъ имперскихъ непосредственныхъ фамилій) и другихъ фамилій, получившихъ это право по волѣ короля; 3) изъ пожизненныхъ членовъ, по назначенію короля,—число которыхъ не должно превосходить $^1/_{10}$ числа членовъ двухъ первыхъ категорій; 4) изъ 90 членовъ, избираемыхъ 2700 лицами (слѣдственно на 30—1), платящими наибольшіе прямые налоги,—слѣдственно изъ финансовой аристократіи; 5) изъ 30 членовъ, избираемыхъ думами важнѣйшихъ городовъ. Члены двухъ послѣднихъ категорій избирались на шесть лѣтъ.—Но закономъ 12-го октября 1854 г. это устройство было измѣнено въ духѣ усиленія королевской власти. Категорія избираемыхъ на срокъ членовъ была уничтожена; категорія пожизненныхъ теперь состоитъ: изъ лицъ, назначаемыхъ по благоусмотрѣнію короля и изъ *представляемыхъ* (Personen welche uns... präsentirt werden) собраніями важнѣйшихъ землевладѣльцевъ, рыцарскихъ обществъ и графскихъ фамилій, притомъ такихъ, которымъ именно дана эта привилегія, городами,—опять такими, которыхъ удостоитъ король, и университетами. Такимъ образомъ самостоятельное участіе націи въ составленіи первой палаты, которое существовало хотя въ ничтожной степени по конституціи, уничтожено, т. е. быть избирателемъ — есть привилегія, даруемая королемъ отдѣльнымъ фамиліямъ или обществамъ, а съ другой стороны утвержденіе представленнаго кандидата зависитъ отъ воли короля. Наконецъ самое важ-

ное: новое положеніе не ограничиваетъ числа пожизненныхъ членовъ. Мы видѣли, что во всѣхъ германскихъ конституціяхъ число пожизненныхъ членовъ опредѣлено самой незначительной пропорціей, оно составляетъ 1/10 или не болѣе 1/3 наслѣдственныхъ членовъ; такое же положеніе встрѣчается и въ другихъ европейскихъ конституціяхъ, напримѣръ голландской. Понятна причина этой мѣры. Первая плата, имѣющая консервативное значеніе, должна состоять изъ элементовъ независимыхъ, чтобы быть посредствующимъ самостоятельнымъ звеномъ между палатой выборныхъ и исполнительной властью. Этой независимости лучше всего можно достичь наслѣдственностью ея членовъ, или пожизненностью, но съ тѣмъ, чтобы они назначеніемъ своимъ не были обязаны исполнительной власти. По нынѣшней прусской системѣ, король, обладая правомъ назначать неограниченное число пожизненныхъ членовъ, можетъ задушить всякую оппозицію, назначивши для подкрѣпленія преданнаго ему меньшинства нужное число испытанныхъ приверженцевъ. Въ исторіи конституціонной политики это не новость. Лудовикъ XVIII въ министерство Деказа именно прибѣгнулъ съ успѣхомъ къ такой мѣрѣ. Также поступилъ и Прусскій Король въ 1862 г.

Вторая палата состоитъ на основаніи закона 30-го апрѣля 1851 года изъ 352 членовъ. Выборы депутатовъ двойные. Съ каждыхъ 250 душъ населенія выбирается одинъ избиратель. Избирателемъ бываетъ каждый прусскій гражданинъ съ 24-хъ-лѣтняго возраста; для избранія въ депутаты не требуется особыхъ условій.

И такъ, съ перваго взгляда кажется, что Пруссія приняла систему демократической Франціи — всеобщаго избирательства. А между тѣмъ законъ 30-го мая 1849 г. (Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur zweiten Kammer) устроилъ избирательство такъ, что и при широкомъ правѣ подачи голосовъ перевѣсъ лежитъ на сторонѣ богатыхъ.

Вспомнимъ, что во французской конституціи 1789 — 1791 годовъ начало финансовое (количество налога) играло

нѣкоторую роль при выборахъ, но самую незначительную, потому что было приложено не къ лицу, а къ департаменту, и притомъ только относительно $1/3$ депутатовъ. Прусская система взяла это начало и развила его въ уродливыхъ размѣрахъ. Постараемся въ немногихъ словахъ объяснить эту мудреную систему.

Каждая община выбираетъ столькихъ избирателей (Wahlmann), во сколько число ея жителей болѣе 250, — слѣдственно если въ общинѣ или городѣ 3000 жителей, то 12 избирателей. Но не всѣ граждане имѣютъ *равное* право при избраніи. Именно: составляется роспись, кто изъ гражданъ сколько платитъ податей, и затѣмъ всѣ они раздѣляются на три разряда. Все количество прямыхъ налоговъ раздѣляется на три равныя части, и граждане раздѣляются на три категоріи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ лицъ, платящихъ треть податей, и каждая избираетъ треть избирателей, какое бы ни было въ ней число индивидуумовъ. Напримѣръ, въ городѣ 3000 жителей, онъ долженъ выбрать 12 избирателей; положимъ, что городъ платитъ ежегодно 30,000 талеровъ налоговъ, налоги собираются сообразно съ количествомъ имущества, поэтому легко можетъ быть, что въ числѣ 3000 жителей находится 30 человѣкъ, уплачивающихъ треть всего количества податей, т. е. 10,000 талеровъ,—они поэтому и составляютъ полный отдѣлъ избирающихъ треть избирателей, т. е. 4; далѣе найдется 300 человѣкъ, платящихъ также вмѣстѣ 10,000 талера, — они избираютъ вторую треть избирателей, и наконецъ 2,670 бѣдныхъ гражданъ избираютъ остальную треть; слѣдственно—это начало гильдій, приложенное къ избирательству. Если въ общинѣ менѣе 750 жителей, то она присоединяется для выборовъ къ другой, т. е. такъ какъ она не имѣетъ права выбрать трехъ избирателей, то выборы не могутъ имѣть мѣста. Но если община имѣетъ такое число жителей, что число избирателей не будетъ дѣлиться на 3, напримѣръ 2000 жителей, — она должна избрать 8 избирателей, а 8 не дѣлится на три. Прусскій законъ предвидѣлъ это и съ обыкновенной своей аккурат-

ностью разрѣшаетъ затрудненіе въ § 14: Если по раздѣленіи на три въ остаткѣ окажется 1, то этого избирателя выбираетъ одно второе отдѣленіе (среднее); если 2, то одного избираетъ первое отдѣленіе гражданъ (богатое), другаго—послѣднее (бѣдное) *).

При такой системѣ прусская палата депутатовъ представляетъ болѣе талеры, нежели гражданъ. Такимъ образомъ мы видимъ во всѣхъ германскихъ государствахъ, не исключая и передоваго изъ нихъ—Пруссіи, представительную систему, извращенную въ ея исходномъ пунктѣ, перепутанную съ элементами ей несвойственными, стѣсненную, изрѣзанную, такъ что она далеко не выражаетъ народа. Что касается до значенія германскихъ представительныхъ собраній, то во всѣхъ конституціяхъ имъ дается право утверждать бюджетъ, новые налоги, новые законы, и т. д. Но форма не должна насъ обманывать; надобно, чтобъ извѣстныя начала были серьезно проведены, чтобы камеры имѣли серьезное право участія въ государственныхъ дѣлахъ для того, чтобы правленіе могло по справедливости назваться парламентарнымъ. Изъ всѣхъ правъ представительныхъ собраній самое существенное—право утверждать бюджетъ налоги; только тогда народъ обладаетъ политической свободой, когда это право вполнѣ принадлежитъ палатамъ. Въ 1775 году знаменитый Боркъ (Burke), во время войны съ возставшими американскими провинціями, сказалъ въ англійскомъ парламентѣ: »Отвлеченная свобода, какъ и всякаго рода отвлеченности, не встрѣчается въ дѣйствительности. Свобода привязывается къ какому-либо одному осязаемому предмету, и каждый народъ избираетъ любимый предметъ, который для него дѣлается по преимуществу идеаломъ счастія. Въ Англіи съ самыхъ древнихъ временъ, великія битвы за свободу главнымъ образомъ происходили за вопросъ о налогѣ. Въ древнихъ республикахъ большая часть споровъ вращалась

*) „Ist die Zahl des in einem Urwahlbezirke zu wählenden Wahlmänner nicht durch 3 theilbar, so ist, wenn nun 1 Wehlmann übrig bleibt, dieser von der zweite Abtheilung zu wählen. Bleiben 2 Wahlmänner übrig, so wählt die erste Abtheilung den einen und die dritte Abtheilung den anderen“.

около вопроса о правѣ избранія сановниковъ или о поддержаніи равновѣсія между различными государственными состояніями. Вопросъ о деньгахъ ихъ занималъ гораздо менѣе. Но въ Англіи наоборотъ—вопросъ о налогѣ занималъ самыхъ искусныхъ писателей и самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, за него дѣйствовали, за него страдали самыя великія сердца. Тѣ, которые защищали превосходство англійской конституціи, не только доказали, что право утверждать налоги было древней и несомнѣнной привилегіей англійскаго гражданина, но вмѣстѣ съ тѣмъ утвердили, какъ основный принципъ, что во всѣхъ государствахъ народъ долженъ обладать прямо, или чрезъ представителей, властью соглашаться на выдачу денегъ; если же этого онъ не можетъ, то не существуетъ и тѣни свободы.»

Но въ германскихъ государствахъ это великое право не существуетъ во всей силѣ. Хотя и сказано, что палаты утверждаютъ бюджетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принято на практикѣ слѣдующее правило: если палаты откажутъ въ утвержденіи бюджета, то король распускаетъ ихъ и до собранія новыхъ министерство собираетъ доходы и расходуетъ ихъ по бюджету послѣдняго года. Если великое право налога сводится такимъ образомъ въ незначительные размѣры, то понятно, что и все зданіе германскаго конституціонизма шатко и безжизненно. Не имѣя абсолютной власти въ вопросѣ о налогѣ, палаты не могутъ имѣть рѣшительнаго голоса въ направленіи внѣшней и внутренней политики: правительство можетъ прожить и безъ ихъ согласія.

Есть еще и другая мѣстная причина слабости развитія парламентарнаго начала въ Германіи. Мелкія государства неспособны для развитія парламентарной системы: у нихъ нѣтъ ни элементовъ для составленія политическихъ партій, ни великихъ политическихъ задачъ. Большія нѣмецкія государства, даже и самая Пруссія, которыя по количеству и качеству населенія обладаютъ достаточными средствами для развитія парламентарнаго начала, страдаютъ другимъ

недостаткомъ—отсутствіемъ національности. Государство тогда только сильно, парламентъ его тогда только имѣетъ жизненную силу, когда онъ есть представитель той моральной единицы, которая называется народомъ. Но что такое Пруссія? Это собраніе части нѣмецкихъ областей (и части не нѣмецкихъ), даже черезполосныхъ; это *часть* Германіи,—это не народъ, а часть его. Но геній народа есть нѣчто недробимое; часть, какъ бы она ни была велика, если и удастся облечь ее въ офиціальное званіе независимаго государства, осуждена вести жизнь, лишенную величія, и у ней нѣтъ великой будущности; на всѣхъ отправленіяхъ ея государственнаго организма будетъ лежать печать мелочности и безсилія; народъ, какъ одна моральная единица, одухотворяетъ зданіе государства,—великъ ли онъ или малъ. Голландія или Швеція имѣютъ свою политическую жизнь, свой геній, не смотря на то, что ихъ населеніе состоитъ— первой изъ трехъ, второй изъ четырехъ мильоновъ; а Пруссія съ семнадцатью мильонами населенія не имѣетъ этой моральной силы.

По этой причинѣ зданіе парламентарной монархіи такъ хрупко въ Пруссіи. Нынѣшнее министерство Бисмарка три раза распускало парламентъ, и три раза нація отвѣчала неодобреніемъ кабинету, избирая оппозиціонныхъ депутатовъ. Но министерство, имѣя возможность прожить безъ палаты, пренебрегаетъ оппозиціей.

Что касается до Австріи, то французская революція 1848 года расшевелила и это мертвое тѣло. Послѣ разныхъ бурь, революцій и отреченій, императоръ Францъ-Іосифъ утвердилъ конституцію, сочиненную для всей Австрійской имперіи представителями ея народовъ. Конечно странно себѣ представить общее представительное собраніе народовъ, совершенно различныхъ, враждебныхъ, не имѣющихъ никакихъ общихъ интересовъ, — представители которыхъ не понимаютъ другъ друга. Кремсирскій парламентъ былъ какимъ-то политическимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, общая представительная конституція съ отвѣтственнымъ мини-

стерствомъ и проч. была утверждена въ 1849 году. Но она вскорѣ покончила свое существованіе такимъ тихимъ и бюрократическимъ способомъ, какой можетъ имѣть мѣсто только въ одной Германіи, именно пятью письмами императора къ князю Шварценбергу и барону Кюбеку. Самое замѣчательное письмо въ этой коллекціи—отъ 4-го марта 1849 г. къ князю Шварценбергу, въ которомъ императоръ проситъ его, вмѣстѣ съ другими министрами, дать ему отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: возможно ли исполненіе конституціи? Получивши отрицательный отвѣтъ, императоръ отмѣнилъ ее *).

Въ 1860 году послѣ несчастной войны съ Франціей и Сардиніей императоръ учредилъ новаго вида государственный совѣтъ. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію императора, и срочныхъ—по нѣскольку съ каждой области или королевствъ Австрійской монархіи, избираемыхъ императоромъ. Такъ что различіе между двумя категоріями состояло въ томъ, что члену второй говорится, что онъ членъ за Богемію или Венгрію, а члену первой этого не говорится. Собраніе имѣло совѣщательный характеръ въ финансовыхъ вопросахъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ императоръ рѣшился открыто стать на путь конституціонной реформы, и 26 февраля 1861 года издалъ *дипломъ*, заключающій новую конституцію монархіи. На основаніи диплома конституція имперіи устроена слѣдующимъ образомъ. Для всей имперіи установленъ парламентъ подъ именемъ «имперскаго совѣта» (Reichsrath) изъ двухъ камеръ—перовъ и депутатовъ. Первая камера состоитъ изъ лицъ трехъ категорій: 1) имѣющихъ право засѣдать наслѣдственно: принцы и главы знатныхъ фамилій, которымъ дана эта привилегія императоромъ, 2) изъ архіепископовъ и епископовъ, имѣющихъ княжескій рангъ (въ Австріи до сихъ поръ съ нѣкоторыми архіерейскими кафедрами

*) Замѣтимъ, что передъ этимъ императоръ отмѣнилъ постановленіе конституціи объ отвѣтственности министровъ предъ камерами,—и тѣмъ далъ имъ полную безбоязненность выразить свое задушевное мнѣніе о неприложимости конституціи.

связанъ титулъ князя), 3) изъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно императоромъ, въ награду ихъ заслугъ. Палата депутатовъ состоитъ изъ 343 членовъ. Они избираются не прямо народомъ, а земскими провинціальными собраніями и притомъ изъ среды своихъ членовъ. Части имперіи избираютъ количество депутатовъ, пропорціональное населенію, впрочемъ съ нѣкоторымъ преимуществомъ въ пользу коренныхъ Австрійскихъ и малонаселенныхъ земель а именно:

	населеніе.	число депутатовъ.
Верхняя Австрія	1.680.000	18
Нижняя Австрія	707.000	10
Зальцбургъ	146.000	3
Тироль и Форальбергъ	851.000	12
Штирія	1.056.000	13
Каринтія	332.000	5
Карніолія	452.000	6
Тріестъ, Герцъ, Истрія	520.000	6
Далмація	404.000	5
Богемія	4.705.000	54
Моравія	1.867.000	22
Силезія	444.000	6
Галиція	4.600.000	38
Буковина	457.000	5
Венгрія	9.900.000	85
Трансильванія	1.926.000	26
Венеція	2.446.000	20

Имперскій парламентъ вѣдаетъ дѣла объ общихъ дѣлахъ имперіи: о военной службѣ, такъ какъ армія одна для всей имперіи, о государственномъ долгѣ, банкахъ, таможняхъ, торговлѣ, почтахъ, желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и наконецъ объ общемъ бюджетѣ имперіи и налогахъ на его покрытіе. Всѣ прочія дѣла вѣдаются областными сеймами. Имперскому совѣту предоставлены права парламента, между прочимъ законодательная инициатива; засѣданія его публичны; дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ, только

измѣненія въ основныхъ законахъ требуютъ большинств двухъ третей.

Имперскій совѣтъ бываетъ полный и сокращенный. Послѣдній составляется изъ депутатовъ нѣмецкихъ, итальянскихъ и славянскихъ земель,—въ полномъ къ нимъ присоединяются депутаты Венгріи, Трансильваніи, Буковины. Каждое изъ 17 королевствъ или княжествъ, роспись которыхъ приведена нами выше, имѣетъ свой провинціальный сеймъ, состоящій изъ членовъ по личному праву (архіепископовъ, епископовъ, владѣльцевъ большихъ имѣній) и депутатовъ отъ городовъ и поземельныхъ владѣльцевъ. Мѣстнымъ сеймамъ предоставлено право не только управленія дѣлами хозяйственными, благотворительными, путями сообщенія и т. п., но и право налога на мѣстныя потребности, и право мѣстнаго законодательства. Такъ что Австрія представляетъ скорѣе федерацію, нежели единое государство. Что касается до Венгріи, то она по своей многовѣковой конституціи, энергіи и количеству населенія такъ рѣзко выдѣляется отъ всѣхъ другихъ частей, что сама конституція признала двѣ федераціи: одну изъ нѣмецкихъ и славянскихъ земель, другую общую со включеніемъ Венгріи. Но до сихъ поръ полный имперскій совѣтъ не могъ состояться, именно потому, что Венгрія не хочетъ послать депутатовъ. Понятно, что согласившись на посылку депутатовъ въ Вѣнскій рейхсратъ, Венгрія стала бы провинціей на ряду съ Тиролемъ и Зальцбургомъ, а мадьярская нація, въ справедливомъ сознаніи своего права и своей силы, не хочетъ и думать о политическомъ самоуничтоженіи,—для нея австрійскій императоръ есть только король Венгерскій. Сеймъ Венгріи состоитъ изъ двухъ палатъ или *столовъ*: магнатовъ и представителей. Въ камерѣ магнатовъ засѣдаютъ архіепископы, епископы, хранители короны, обергешпаны (начальники графствъ) и всѣ князья, графы и бароны. Въ камерѣ представителей засѣдаютъ уполномоченные отъ прелатовъ и магнатовъ, когда они лично не могутъ быть въ первой камерѣ, представители нѣкоторыхъ монастырей и 343 депутата отъ городовъ.

Австрійская имперія находится теперь въ любопытномъ историческомъ процессѣ. Императоръ и нѣмецкое населеніе стремятся къ образованію одного государства, такъ чтобы всѣ части, бывшія нѣкогда независимыми владѣльцами, и даже самая Венгрія сохранила бы только провинціальную автономію, а всѣ государственныя права надъ всей имперіи предоставлены были Императору и рейхсрату. Амальгамой для такого новаго общаго государства естественно предполагается нѣмецкая національность съ ея языкомъ и цивилизацiей. Но планъ этотъ неосуществимъ. Венгрія не провинція Австріи, какъ напримѣръ Брабантъ провинція Бельгіи,—это цѣлая особая нація, отличная отъ другихъ народовъ, находящихся подъ властію императора, по языку, исторіи, общественному устройству, по количеству населенія вдвое сильнѣйшая коренной австрійской (т. е. нѣмецкой) земли. Другія земли: Венеція, Далмація, Галиція, Богемія состоятъ изъ историческихъ сильныхъ національностей, не имѣющихъ ничего общаго съ нѣмецкой, враждебныхъ ей, и имѣющихъ мало, или вовсе ничего, общаго между собою. При такихъ условіяхъ федерація невозможна, и планъ австрійскаго правительства отвергнутъ Венгріей, Венеціей, славянскими землями. Будущность представляетъ одну только борьбу, и каковъ бы ни былъ ея конецъ, во всякомъ случаѣ данный императоромъ патентъ не можетъ осуществиться.

Конституціи скандинавскихъ государствъ*).

I.

ШВЕЦІЯ.

Различный характеръ королевской власти.—Право націи низлагать и избирать королей. — Избраніе Бернадота.—Исторія шведской конституціи; борьба двухъ началъ: абсолютно-монархическаго и аристократо-республиканскаго.—Конституція 1809 года.—Составъ сейма и сословій.—Предложенія о реформѣ 1834 и 1848 года.—Програма либеральной партіи.—Характеръ государственныхъ властей. — Государственный совѣтъ. — Король.—Сеймъ.—Сеймовые комитеты.—Фискалъ.—Контроль сейма надъ верховнымъ судомъ и государственнымъ совѣтомъ.—Законодательный процесъ.—Рѣшеніе вопросовъ объ основныхъ законахъ и финансахъ.—Паліативное средство противъ неудобства четырехъ камеръ.

Три скандинавскія государства — Швеція, Норвегія, Данія — имѣли одно происхожденіе, одну цивилизацію, въ основѣ которой лежалъ свободный землевладѣлецъ и народное вѣче, отсутствіе германскаго феодализма. Историческія судьбы ихъ связаны другъ съ другомъ: то всѣ трое онѣ соединялись, то попарно, Данія и Норвегія, или теперь—Швеція и Норвегія. Не смотря на такое единство начала, они пришли вслѣдствіе историческихъ причинъ къ различнымъ формамъ политической жизни. Швеція строго сохранила средневѣковыя сословныя различія, и представительное собраніе состоитъ изъ четырехъ камеръ: дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ. Данія представляетъ монархію чисто парламентарную, конституція

*) Pöliz, t. t. 3, — Collection etc. Dufau, Duvergier et Gaudet, t. 3. Для узнанія исторія и духа шведскихъ государственныхъ учрежденій весьма полезны: Die schwedische Staats-Verfassung v. Nordenflycht, 1861 г., и превосходныя статьи французскаго ученаго Жефруа (Geffroy), помѣщаемыя имъ постоянно съ 1854 года въ журналѣ Revue des deux Mondes.

ея почти буквально списана съ французской 1789—1791 годовъ; Норвегія—чистая демократическая республика съ наслѣдственнымъ президентомъ — королемъ.

Шведская конституція оригинальна не только по положенію сословій, но и по религіозному характеру. Швеція—классическая страна лютеранизма, который впрочемъ удержалъ здѣсь католическую іерархію. Исключительно-религіозный характеръ народа выразился въ непризнаваніи политическихъ правъ за всѣми не-лютеранами, въ наказаніяхъ за оставленіе господствующей религіи и, наконецъ, въ религіозной власти короля. Никогда и ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ король не имѣлъ такой религіозной власти, какъ въ Швеціи. Онъ не только глава церкви, назначающій во всѣ церковныя должности и наблюдающій за внѣшнимъ благочиніемъ культа, онъ верховный первосвященникъ. Король Густавъ IV, заставившій свою супругу читать въ первую ночь брака книгу Эсѳирь, съ указаніемъ, что жена должна смотрѣть на него, какъ Эсѳирь на Ассуира, или Густавъ III, съ короной на головѣ и съ молитвенникомъ въ рукахъ поющій «Te Deum» въ засѣданіи государственныхъ чиновъ, вѣрно представляютъ этотъ типъ. «Король, говоритъ Тротетъ, есть глава церкви, и вмѣстѣ съ государственными чинами составляетъ высшій церковный авторитетъ. Онъ можетъ наравнѣ съ короной носить панагію. Ничто не препятствуетъ ему говорить проповѣди и совершать таинства. Къ нему обращаются съ просьбами объ измѣненіяхъ въ церковномъ устройствѣ. Религіозная реформа не можетъ иначе произойти, какъ съ согласія чиновъ и утвержденія короля. Государь шведскій имѣетъ право сочинять псалмы, литургію, катехизисы и вводить ихъ въ употребленіе....»

При всемъ этомъ религіозномъ значеніи государя, шведская нація съ самыхъ древнихъ временъ выражала то понятіе объ отношеніяхъ государя къ народу, которое считается произведеніемъ англійской революціи 1688 года, — именно: что власть короля основана на свободномъ договорѣ съ народомъ. Это понятіе, совершенно противупо-

ложное такъ называемому божественному праву королевской власти, странным образомъ совмѣщалось вмѣстѣ съ религіознымъ значеніемъ государя. Швеція нѣсколько разъ провозглашала это понятіе, низлагая одну династію и возводя другую. До сихъ поръ сохранились въ шведской конституціи постановленія объ избраніи короля; правда, что они существуютъ только на тотъ случай, когда династія пресѣчется; но это только приличіе конституціоннаго языка, и здѣсь надобно подразумѣвать не только естественное пресѣченіе, но и низложеніе. Мы сказали, что Швеція нѣсколько разъ низлагала царствующія династіи. Надобно замѣтить, что она пользовалась этимъ правомъ съ величайшей умѣренностью, только тогда, когда этого требовало спасеніе отечества. Въ 1500 г. шведы низвергли короля Альберта мекленбургскаго и избрали Маргариту, королеву норвежскую и датскую; въ 1554 г. датская династія низложена, и на престолъ вступилъ Густавъ-Ваза; внукъ его, извѣстный въ нашей исторіи Сигизмундъ польскій, былъ низложенъ государственными чинами въ 1601 году и корона вручена его дядѣ, герцогу Карлу. Карлъ XII назначилъ своимъ наслѣдникомъ ближайшаго родственника, герцога голштинскаго, — но государственные чины не утвердили этого назначенія и возвели на престолъ сестру Карла, Ульрику-Элеонору и ея мужа, принца гессенскаго. Въ 1809 г. Густавъ IV принужденъ былъ отречься отъ престола; государственные чины, собранные вслѣдъ за этимъ, объявили не только Густава, но и потомство его лишеннымъ права на корону и избрали королемъ дядю его, герцога зюдерманландскаго Карла. Карлъ, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Христіана-Августа, герцога аугустенбургскаго, и государственные чины по предложенію короля избрали его наслѣднымъ принцемъ.

Но Христіанъ вскорѣ умеръ; тогда король предложилъ сейму избрать наслѣднымъ принцемъ маршала Бернадота. Государственные чины согласились на предложеніе короля, и французскій солдатъ былъ призванъ занять одинъ изъ древнѣйшихъ престоловъ въ Европѣ. Замѣчательно въ

этомъ выборѣ то, что онъ палъ не на члена какого-либо царствующаго дома, а на человѣка, который доблестями и характеромъ пріобрѣлъ себѣ славу и уваженіе. Замѣтимъ, что и нынѣшняя шведская конституція, говоря о порядкѣ избранія короля въ случаѣ прекращенія царствующей династіи, не полагаетъ для кандидата условія о принадлежаніи къ какому-либо царствующему дому.

Приводимъ здѣсь актъ избранія Бернадота, характеризующій отношенія націи къ королю.

«Мы нижеподписавшіеся государственные чины королевства Швеціи, графы, бароны, епископы, представители дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ, собранные на чрезвычайномъ сеймѣ въ городѣ Эребро, симъ утверждаемъ: такъ какъ его высочество наслѣдный принцъ Христіанъ-Августъ скончался, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то разсуждая, что нашъ долгъ предотвратить опасность, которая можетъ произойдти отъ вакансіи трона для независимости и спокойствія королевства и также для правъ и преимуществъ его жителей, утвержденныхъ основными законами, дѣйствуя въ то же время на основаніи права предоставленнаго намъ 94-й статьей конституціи 6-го іюня 1809 года избирать въ означенномъ случаѣ новую династію.

«По этимъ причинамъ, — разсуждая, что высокій и могущественный князь и господинъ Жанъ-Баптистъ Бернадотъ принцъ Понте-Корво одаренъ добродѣтелями и качествами, которыя даютъ намъ право надѣяться пользоваться въ его царствованіе хорошимъ управленіемъ и благосостояніемъ, плодами законнаго, энергическаго и благодушнаго правительства, мы, государственные чины Швеціи, по предложенію нашего августѣйшаго короля, нынѣ царствующаго, и подъ условіемъ, что упомянутый принцъ Понте-Корво приметъ евангелическо-лютеранское исповѣданіе до прибытія въ Швецію и подпишетъ условія (реверсали), составленныя нами, — мы избрали его единогласно вольными и законными голосами за себя и за нашихъ потомковъ въ званіе наслѣднаго принца Швеціи, съ тѣмъ, чтобы онъ по смерти нынѣ царствующаго августѣйшаго короля на-

шего (да продлитъ Всевышній его дни!) царствовалъ бы надъ Швеціей и странами, отъ нея зависящими, короновался бы королемъ Швеціи и принялъ присягу въ вѣрности и управлялъ бы королевствомъ, слѣдуя буквально конституціи 1809 года, а также и прочимъ основнымъ, общимъ и спеціальнымъ законамъ.

«Мы также даемъ право его законнымъ потомкамъ мужескаго пола занимать престолъ Швеціи, въ томъ порядкѣ и такимъ способомъ, какъ это буквально опредѣлено въ законѣ о престолонаслѣдіи, нами составленномъ.»

Переворотъ 1809 годо былъ не только династическій, но и конституціонный: утвержденная тогда конституція осталась неизмѣнной до сихъ поръ.

Эта конституція не представляетъ ничего новаго, сравнительно съ предшествовавшими, въ устройствѣ представительнаро собранія, администраціи и суда; многое только опредѣлено точнѣе. Но за то въ установленіи отношеній королевской власти къ палатамъ она представляетъ много новаго, и въ этомъ основномъ вопросѣ она есть средній выводъ изъ двухъ крайностей, раздиравшихъ долгое время Швецію.

Исторія Швеціи представляетъ постоянную борьбу двухъ стремленій: съ одной стороны къ неограниченной монархіи, съ другой къ аристократической республикѣ. При Карлѣ XII, напримѣръ, восторжествовало абсолютное начало, а при первыхъ его преемникахъ аристократическо-республиканское. Впрочемъ, никогда дѣло не доходило до уничтоженія монархическо-представительнаго начала: государственные чины существовали и при Карлѣ XII; королевская власть, хотя въ самомъ ограниченномъ видѣ, всегда сохранялась, какъ неизмѣнное условіе политической жизни. Съ самыхъ старыхъ временъ политическое устройство Швеціи состояло: 1) Изъ избирательнаго короля, — впрочемъ выборъ обыкновенно падалъ на одного изъ дѣтей; умершаго; 2) изъ собранія депутатовъ четырехъ сословій, безъ согласія которыхъ король не могъ объявлять войну, набирать войско, налагать подати; 3) изъ высшихъ сановни-

ковъ, съ которыми король долженъ былъ совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

Густавъ-Ваза въ 1540 г. успѣлъ согласить государственные чины на такъ называемый актъ наслѣдственнаго соединенія, по которому королевское достоинство объявлено наслѣдственнымъ, и только по пресѣченіи мужскаго колѣна дома Вазы чины снова получаютъ право избранія короля. Карлъ XI, пользуясь ненавистью крестьянъ къ дворянству, усилилъ еще болѣе королевскую власть; сеймъ 1682 г. объявилъ, что король отвѣтственъ только предъ Богомъ, далъ сенату только совѣщательный голосъ и притомъ только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя королю угодно будетъ представить на его разсмотрѣніе. Карлъ XII былъ вполнѣ полновластнымъ монархомъ. Но шведы, которые охотно переносили тяжелую руку героя, покрывшаго ихъ славою своихъ почти баснословныхъ подвиговъ и великихъ добродѣтелей, рѣшились послѣ его смерти ограничить королевскую власть.— Обстоятельства благопріятствовали этому. Карлъ XII назначилъ наслѣдникомъ сына своей старшей сестры, герцога голштинскаго, но чины предложили престолъ его младшей сестрѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ на слѣдующихъ условіяхъ: наслѣдственность королевской власти уничтожается; государственные чины должны быть собираемы по крайней мѣрѣ разъ въ три года, и, если король не созоветъ ихъ въ этотъ срокъ, то они сами собою сходятся; право объявлять войну, заключать миръ и трактаты, собирать войско, издавать законы принадлежитъ исключительно сейму, — король не имѣетъ даже veto; когда сеймъ на сборѣ, то всѣ функціи государственной власти, даже судъ и администрація принадлежатъ ему; въ промежутокъ между двумя сеймами король управлялъ государствомъ вмѣстѣ съ сенатомъ, при чемъ вся власть была въ рукахъ послѣдняго,—король былъ только предсѣдателемъ сената и имѣлъ два голоса. По этой конституціи королевская власть существовала только по имени, и Европа справедливо называла Швецію республикой. По старому обычаю рѣшенія сейма получали силу только по утвержденіи ихъ королемъ; конституція не рѣшилась

ввести прямо положенія, что рѣшенія сейма получаютъ силу и безъ подписи короля, потому что это было бы противно чувствамъ массы народа, но взяла съ него обязательство такого рода: «Его Величество обѣщаетъ быть всегда одинакого мнѣнія съ сеймомъ.» Впослѣдствіи сеймъ, чтобы отнять у короля и самую слабую возможность высказать свою власть, распорядился удивительно оригинально: онъ велѣлъ вырѣзать печать съ именемъ короля и прикладывалъ ее къ своимъ рѣшеніямъ, объявляя, что это совершенно замѣняетъ собственноручную подпись! Народъ думалъ, что король подписываетъ законы,—а король даже и не зналъ ихъ содержанія. Всѣ эти ловкія мѣры показываютъ одно: что партіи дѣйствовали для своихъ цѣлей помимо желанія народа. Дѣйствительно, время съ 1720 до 1772 г., которое шведская аристократія называла золотой эпохой свободы, было самымъ тяжелымъ для народа и унизительнымъ для государства: Швеція стала игрушкою интригъ Россіи и Франціи.

Этотъ порядокъ былъ уничтоженъ революціей 1772 г., произведенной королемъ Густавомъ III, съ помощію войска. Конституція, предложенная побѣдителемъ и принятая сеймомъ, давала полный перевѣсъ королевской власти; король получилъ право войны и мира, сенатъ уничтоженъ, не-дворяне получили доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ, начальство надъ арміей перешло вполнѣ къ государю; сеймъ, созываемый королемъ въ неопредѣленные сроки, имѣлъ власть утверждать новые налоги: но такъ какъ король имѣлъ право собирать и распоряжаться тѣми налогами, которые были установлены до революціи, и даже въ особенно важныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ вводить новые, безъ созванія чиновъ; то въ сущности онъ былъ полновластный государь, потому что онъ одинъ былъ судьей того, дѣйствительно ли обстоятельства не терпятъ отлагательства. Всѣ 57 статей конституціи 1772 г. и дополненія къ нимъ, изданнаго въ 1789 г. подъ именемъ *акта соединенія и безопасности*, направлены къ одному—къ дарованію преобладанія королевской власти. Въ борьбѣ

политическія партія рѣдко пользуются побѣдой благоразумно; возставая противъ крайности, побѣдитель на другой день послѣ побѣды впадаетъ въ другую. Такъ поступилъ Густавъ III, несмотря на клятву, данную своимъ приверженцамъ, что цѣль его революціи—только уничтоженіе дворянской олигархіи. Дворянство выказало сильное сопротивленіе стремленію короля къ неограниченной власти; офицеры отказали королю въ повиновеніи во время кампаніи противъ Россіи,—и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, Анакарстремъ, убилъ короля въ маскарадѣ.

Сынъ и наслѣдникъ его Густавъ IV, пользуясь силою королевской власти, ввелъ государство въ безразсудныя войны съ Россіей и Франціей, и вообще показалъ, что его умственныя силы находятся въ разстройствѣ. Наполеонъ справедливо сказалъ, что онъ наслѣдовалъ отъ Карла XII, которому хотѣлъ подражать, только высокіе сапоги и безразсудство. Нѣсколько патріотовъ рѣшились возвратить отечеству политическую свободу и спасти его отъ участи Польши, которую ему готовило безразсудство короля. Шведы до сихъ поръ съ благоговѣніемъ вспоминаютъ имена заговорщиковъ, называя ихъ спасителями отечества. Главою заговора былъ полковникъ Адельспаръ, много другихъ офицеровъ вошло въ заговоръ, и даже дядя короля герцогъ Карлъ склонился на сторону патріотовъ. Переворотъ совершился въ нѣсколько дней: Адельспаръ взбунтовалъ два полка и повелъ ихъ на Стокгольмъ, другіе заговорщики вошли во дворецъ и арестовали короля во имя націи. Густавъ написалъ отреченіе отъ престола, чины приняли, и даже сдѣлали болѣе: объявили все потомство Густава недостойнымъ занимать престолъ Швеціи; Карлъ былъ возведенъ на престолъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждена (1809 г.) новая конституція, до сихъ поръ дѣйствующая.

Конституція 1809 г. есть именно середина между двумя крайними стремленіями, такъ долго раздиравшими Швецію, и торжество которыхъ всегда соединялось не только съ униженіемъ противника, но съ паденіемъ свободы. Побѣдители 1809 г. показали рѣдкое благоразуміе: они не воспользо-

вались своимъ торжествомъ для униженія королевской власти. Новая конституція даетъ королю всѣ тѣ права, которыми пользуется корона въ другихъ парламентарныхъ государствахъ, дала даже ему нѣчто лишнее; но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно утвердила власть представительнаго собранія.

Конституція 1809 г. ничего не говоритъ о формѣ представительства и способахъ его составленія; 114 длинныхъ параграфовъ посвящены исключительно опредѣленію взаимныхъ отношеній короны и чиновъ, устройству высшихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ: это потому, что форма четырехсословнаго представительства считалась такимъ естественнымъ правомъ, которое опредѣлять было не зачѣмъ. Впрочемъ, сеймъ 1810 года формулировалъ довольно подробно порядокъ представительства, дополненный въ 1854 году.

Четыре камеры — дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ, составляются не на основаніи одного, а различныхъ началъ.

Дворянство раздѣляется на три категоріи: 1) графы и бароны, 2) кавалеры или старые столбовые дворяне, 3) фамиліи, возведенныя въ дворянство не прежде царствованія Карла XI (1660—1697 г.). Глава каждой фамиліи имѣетъ право eo ipso присутствовать на сеймѣ,—кромѣ того полковники и нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба представляютъ армію. Если бы всѣ, имѣющіе право присутствовать въ камерѣ дворянъ, дѣйствительно являлись, то число членовъ ея простиралось бы до 1500 или, по нѣкоторымъ, даже до 2500 человѣкъ; по обыкновенно является отъ 400 до 600 человѣкъ, потому что дворяне не получаютъ вознагражденія за пребываніе на сеймѣ, такъ что для бѣдныхъ право обращается въ тягость. Дворянинъ имѣетъ право передать голосъ другому. Отсюда происходитъ, что высшее сословіе служитъ орудіемъ интригъ; часто бѣдные изъ дворянъ продаютъ свое право голоса (вмѣстѣ съ дворянскимъ имуществомъ) разбогатѣвшимъ купцамъ. Это что-то въ родѣ англійской покупки военныхъ чиновъ, приложенное къ парламенту.

Такимъ образомъ, дворянское сословіе сохранило право поголовнаго представительства, право, которымъ оно пользовалось по прежней польской и отчасти по нынѣшней (т. е. формально не уничтоженной) венгерской конституціи. Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами прежде, достаточно показываютъ на сколько современно подобное явленіе. Президентъ дворянской камеры, назначаемый королемъ, носитъ названіе маршала и считается вмѣстѣ съ тѣмъ главою всего собранія государственныхъ чиновъ.

Камера духовенства составляется по двумъ началамъ; по поголовному—вслѣдствіе занятія извѣстной должности и по выборному. Именно: всѣ архіепископы и епископы и старшій пасторъ стокгольмскій eo ipso члены камеры *). Далѣе, епархіальныя собранія пасторовъ выбираютъ депутатовъ въ слѣдующемъ количествѣ: епархіи Упсальская 5, Скара 4, Линкепингъ 5, Стренгнесъ 4, Вестеросъ 5, Вексіо 3, Лундъ 4, Готенбургъ 3, Кальмаръ 2, Карлстадтъ 2, Гернесандъ 3, Готландъ 2 и 2-хъ духовенство столичнаго города. Викарные священники (comminister) имѣютъ право выбирать отдѣльно въ каждой епархіи одного представителя. Университеты Упсальскій и Лундскій избираютъ по одному депутату отъ каждаго факультета, съ правомъ избирать и двоихъ; академія наукъ также посылаетъ двухъ

*) Шведская церковь удержала католическую іерархію, облаченія и много обрядовъ; оттого въ Швеціи переходъ въ лютеранизмъ совершился безъ большихъ волненій: народъ и не подозрѣвалъ, что произошла перемѣна, потому что внѣшность осталась прежняя. Теперь въ Швеціи считается одинъ архіепископъ-примасъ (упсальскій) и одиннадцать епископовъ. Шведская церковь соединена на всѣхъ ступеняхъ іерархіи съ государствомъ, такъ что каждое духовное лицо есть вмѣстѣ и политическое. Архіепископъ назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ: архіепископской консисторіей, епископальными консисторіями, и третій университетомъ. Епископъ назначается изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ пасторами епархіи. Архіереи получаютъ значительные доходы (напр. лундскій —15,000 р. сер.). Кандидатъ можетъ быть даже и не изъ духовныхъ, и бывали нерѣдко случаи, что поэты, ученые, художники въ награду и для дарованія имъ обезпеченія получали епископскія мѣста. Пасторы избираются консисторіей изъ лицъ, получившихъ богословскую степень, по конкурсу. Пасторъ есть не только духовное лицо, но и чиновникъ правительства: онъ—нотаріусъ, ведетъ роспись бракамъ, рожденіямъ, погребеніямъ, и т. п.

депутатовъ. Число членовъ духовной камеры простирается до семидесяти, но обыкновенно является не болѣе пятидесяти. Президентъ ея—архіепископъ упсальскій.

Камера горожанъ состоитъ изъ 108 депутатовъ. Число депутатовъ отъ городовъ зависитъ отъ ихъ значительности. Стокгольмъ избираетъ 10 депутатовъ, которые раздѣлены между разными классами городскаго населенія, именно: 2 отъ купцевъ первой гильдіи, 1 отъ фабрикантовъ, 1 отъ низшаго купечества, 3 отъ ремесленниковъ и чиновниковъ и 3 отъ всѣхъ классовъ вмѣстѣ. Выборы депутатовъ производятся 50 избирателями отъ всѣхъ классовъ, при чемъ избиратели каждаго класса выбираютъ отдѣльно слѣдуемыхъ ему депутатовъ, а всѣ вмѣстѣ только троихъ, представляющихъ все городское населеніе. Городъ Готенбургъ посылаетъ двухъ депутатовъ. Всѣ остальные города раздѣлены на четыре класса: города перваго класса избираютъ по 2 депутата, втораго по два или по одному, по ихъ желанію, третьяго по одному, четвертаго также по одному или могутъ, когда пожелаютъ, избирать одного общаго депутата отъ двухъ или трехъ, но неболѣе, городовъ. Кромѣ того горнозаводчики каждаго округа избираютъ по депутату. Законъ признаетъ избирателемъ и избираемъ каждаго гражданина совершеннолѣтняго, пользовавшагося правомъ гражданства по крайней мѣрѣ въ теченіи трехъ лѣтъ до выборовъ, и кромѣ того еще положенъ небольшой цензъ. Впрочемъ, въ разныхъ городахъ существуютъ еще особенныя мѣстныя правила и ограниченія.

Камера крестьянъ состоитъ изъ 259 депутатовъ, избираемыхъ землевладѣльцами (конечно не-дворянами); обыкновенно является на сеймъ не болѣе 120 депутатовъ этого сословія. Право быть избирателемъ и избираемъ принадлежитъ каждому владѣльцу участка земли (hemmansägare) около 45 десятинъ. Каждый уѣздъ (härad, судебный округъ) избираетъ одного депутата; но если въ округѣ будетъ менѣе 100 избирателей, то они могутъ, по желанію,

соединиться для общихъ выборовъ съ избирателями сосѣднихъ округовъ.

Мы видѣли, что изъ числа депутатовъ не является на сеймъ и половины. Причина этого заключается не въ однихъ денежныхъ разсчетахъ, или, лучше, самые эти разсчеты имѣютъ высшее основаніе, безъ чего можно было бы упрекнуть шведскую націю въ равнодушіи къ представительству. Основаніе это заключается въ самой формѣ представительнаго собранія: каждая камера подаетъ голосъ отдѣльно (curiatim), и при составленіи сеймоваго рѣшенія каждое сословіе имѣетъ одинъ голосъ, сколько бы ни было въ немъ членовъ; слѣдовательно для интересовъ сословія рѣшительно все равно сколько будетъ членовъ въ камерѣ; количество имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, когда внутри каждаго сословія были бы различныя партіи съ противуположными интересами; но пока еще этого не замѣтно въ Швеціи: камеры ревниво охраняютъ свои отдѣльные интересы; часто въ важныхъ вопросахъ, напримѣръ о свободѣ вѣроисповѣданія, сословія не сходятся въ мнѣніяхъ, но все-таки цѣлыя сословія,—а внутри ихъ не замѣтно отдѣльныхъ сильныхъ партій. Конечно, когда великій вопросъ о реформѣ сейма (о чемъ мы будемъ говорить дальше) установится прочно, тогда появятся расколы въ сословіяхъ и тогда каждое изъ нихъ явится на сеймъ въ конституціонномъ комплектѣ. Въ конституціи явно высказаны опасенія неполныхъ выборовъ. Она налагаетъ денежный штрафъ на городъ, епархію, уѣздъ за невыборъ депутата, избраніе меньшаго числа депутатовъ сравнительно съ нормой считается, какъ мы видѣли, милостью для города или уѣзда.

Конституціонное рѣшеніе составляется большинствомъ числа камеръ, т. е. если три изъ нихъ согласны и король утверждаетъ, то законъ получаетъ силу. Если двѣ камеры согласны, а другія двѣ противнаго мнѣнія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ наряжается смѣшанная коммиссія для выработанія измѣненій проекта. Но для ревизіи конституціи и измѣненія правъ сословій требуется согласіе всѣхъ че-

тырехъ камеръ и короля,—и притомъ такъ, чтобы два собранія сряду приняли предложеніе о ревизіи, и тогда третье можетъ приступить къ дѣлу.

Естественно, что два высшія сословія не хотятъ и слышать о реформахъ въ духѣ новой цивилизаціи, потому что тогда они потеряютъ свои несправедливыя привилегіи, поэтому дѣло реформы представительства до сихъ поръ не имѣло успѣха. За реформу стоятъ не только два низшія сословія (крестьянъ и горожанъ), но также король и либеральное меньшинство дворянской партіи;—но не смотря на вліяніе короля при составленіи двухъ первыхъ камеръ *), не предвидится еще возможности склонить большинство ихъ. На сеймѣ 1840 г. графъ Анакарсвердъ сказалъ, что въ Швеціи все требуетъ реформы: законодательство, торговля, ремесла, войско, флотъ, народное просвѣщеніе; но дворянство на каждую прогресивную мѣру смотритъ, какъ на революціонную. Извѣстно, что король Оскаръ безуспѣшно старался о дарованіи свободы вѣроисповѣданія: двѣ высшія камеры парализировали его стремленія. Естественно, что либеральная партія желаетъ реформы представительства, потому что при нынѣшней его формѣ пасторы и нѣсколько сотъ дворянъ останавливаютъ движеніе цѣлой націи.

Всякая привилегія ненавистна, потому что не можетъ существовать для одного иначе, какъ со вредомъ для другаго: только вслѣдствіе важныхъ причинъ государство допускаетъ сословныя привилегіи. Мы видѣли, что сословное

*) Король имѣетъ право жаловать дворянское достоинство (также титулы графа и барона) и высшіе военные чины, слѣдовательно можетъ ввести въ дворянскую камеру множество лицъ, ему обязанныхъ: епископы назначаются имъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ капитуломъ, т. е. собраніемъ пасторовъ, назначеніе которыхъ опять происходитъ съ участія короля. Поэтому въ другихъ государствахъ такія политическія сословія были бы покорными слугами короля. Самостоятельность ихъ въ Швеціи показываетъ съ выгодной стороны и правительство, и народный характеръ. Если въ народѣ развито чувство свободы, то и корпусъ, составленный при участіи правительства, будетъ самостоятеленъ, — а если этого нѣтъ, то безплодны всѣ мѣры конституціи.

раздѣленіе имѣло въ средніе вѣка и въ новое время до конца XVIII вѣка свое основаніе въ самой жизни, что поэтому представительство по сословіямъ, независимо отъ числа лицъ въ каждомъ, и притомъ такъ, чтобъ каждое подавало голосъ отдѣльно, было въ то время разумнымъ. Но въ наше время, когда сословія нивеллировались, когда явились великіе національные интересы, такое представительство ложно,—оно не есть выраженіе націи. Въ германскихъ государствахъ сдѣланъ шагъ впередъ: хотя представительство существуетъ по сословіямъ, но всѣ они составляютъ одну общую камеру (если камеръ двѣ,—то и въ высшей не одни дворяне): но Швеція осталась назади даже германскихъ государствъ. Сильная національная партія смотритъ недовѣрчиво на новыя конституціонныя учрежденія. Епископъ Тегнеръ въ 1823 отвѣчалъ слѣдующею энергическою рѣчью на стремленія къ реформѣ конституціи: «Мы искуственно раздражаемся противъ нашей конституціи. Намъ стараются доказать нелѣпость сословнаго раздѣленія и четырехъсословнаго представительства. Съ точки чистой теоріи я не буду его защищать. Но это учрежденіе вовсе не есть теоретическая концепція, но практическое произведеніе нѣсколькихъ вѣковъ. Вся исторія Швеціи покоится на этихъ четырехъ столбахъ, подобно тому какъ небо нашихъ древнихъ предковъ представлялось поддерживаемымъ четырьмя фигурами. Если сломаютъ эти столбы и дадутъ намъ конституцію, испеченную въ новомъ вкусѣ, вѣроятно испанскую, которая безъ сомнѣнія всего лучше соотвѣтствуетъ новымъ теоріямъ *), то результомъ будетъ то, что живая влага, которая течетъ въ древѣ нашего государственнаго организма, пропадетъ и мы чрезъ нѣсколько лѣтъ придемъ къ тому же состоянію, въ которомъ находится Испанія. А кто можетъ осуществить теорію? И всегда и во всемъ, гдѣ погаснетъ свѣточъ преданія, вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается развитіе благороднѣйшей стороны жизни народа, и чисто абстрактный духъ новаго

*) Не забудемъ, что это говорилось въ 1823, когда испанская конституція была самою либеральною.

времени едва ли съ успѣхомъ замѣнить этотъ свѣточъ ослѣпляющимъ блескомъ своего газа.»

Въ 1834 г. на сеймѣ сдѣлано было предложеніе о реформѣ самой умѣренной, въ германскихъ размѣрахъ: каждое изъ четырехъ сословій избираетъ равное число представителей, всѣ они составляютъ одну камеру и вотируютъ поголовно (viriatim), а не посословно,—это предложеніе было отвергнуто. Король Оскаръ представилъ въ 1846 и 1848 годахъ новые проекты: двѣ камеры,—первая изъ 120 лицъ, назначаемыхъ королемъ на девять лѣтъ, вторая изъ 120 депутатовъ отъ всей націи, безъ различія сословій. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ всѣми партіями, потому что не удовлетворялъ ни одной изъ нихъ: для консерваторовъ онъ былъ революціонный, для либераловъ онъ казался слишкомъ робкимъ, и имъ справедливо не нравилось въ проектѣ сильное развитіе начала ценза, они разсчитывали, что по проекту были такіе разряды, гдѣ богатый гражданинъ имѣлъ во 180 разъ болѣе голосовъ, нежели бѣдный. Либеральная партія выставила на конгресѣ въ Эребро 4-го іюня 1849 года слѣдующую програму: «Представительство должно быть основано на всеобщей подачѣ голосовъ; избраніе происходитъ на двухъ степеняхъ, (одинъ избиратель со 100 сельскихъ и съ 50 городскихъ жителей); двѣ камеры, обѣ составленныя изъ выборныхъ.» Либеральная партія основываетъ свои надежды на демократической Норвегіи, она грозитъ разрушеніемъ союза въ случаѣ дальнѣйшаго упорства аристократіи.

Настоящая система шведскаго представительства при своемъ коренномъ недостаткѣ, страдаетъ кромѣ того страшной путанницей при составленіи и движеніи на практикѣ. Напримѣръ дворяне, невладѣющіе дворянскимъ имуществомъ, въ какомъ сословіи должны подавать голоса? Или,— граждане, имѣющіе въ уѣздахъ фабрики, не могутъ подавать голоса ни въ одномъ изъ четырехъ сословій; они не горожане, потому что не живутъ въ городахъ и не имѣютъ тамъ недвижимой собственности,—они и не крестьяне, потому что не принадлежатъ къ составу сельской общины.

Законъ 1820 года поправилъ этотъ пропускъ конституціи, давши права владѣтелямъ рудниковъ и желѣзныхъ заводовъ избирать трехъ депутатовъ, которые причислены къ камерѣ горожанъ. Ученый, литераторъ, художникъ — не имѣютъ права избранія, пока не получатъ дворянскаго достоинства, или не пріобрѣтутъ правъ горожанина. По медленности движенія дѣлъ шведскій сеймъ можетъ соперничать съ германскимъ. Предложеніе обсуживается каждымъ сословіемъ порознь, составляются амендементы, которые опять идутъ на обсуживаніе всѣхъ камеръ и т. п. Поэтому литература протоколовъ процвѣтаетъ здѣсь также, какъ и на франкфуртскомъ сеймѣ; но эти упражненія стоютъ довольно дорого: сеймъ въ 1838 году истратилъ девяносто тысячъ рейхсталеровъ (около 130,000 рублей серебромъ) на напечатаніе протоколовъ! Изъ этого можно видѣть, какого объема и вѣса эти протоколы, которыхъ, по признанію самихъ шведовъ, никто не читаетъ.

По конституціи 1809 года сеймъ собирается разъ въ пять лѣтъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ; засѣданія продолжаются три мѣсяца. Въ 1840 году постановлено собирать сеймъ разъ въ три года.

Положеніе конституціонныхъ властей въ Швеціи представляетъ много своеобразнаго. Въ ней нѣтъ строгаго раздѣленія законодательной, судебной и исполнительной власти.

Сеймъ, напримѣръ, имѣетъ высшій контроль надъ юстиціей; государственное казначейство вполнѣ подчинено ему, такъ что онъ не только вотируетъ налоги, но смотритъ и за ихъ правильнымъ употребленіемъ; король съ своей стороны обладаетъ не только исполнительной властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и предсѣдательствуетъ въ верховномъ судѣ; король и сеймъ составляютъ высшую церковную власть; устройство высшей администраціи и ея значеніе также во многомъ отлично отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Король есть глава государства, онъ управляетъ государствомъ *самъ одинъ*, какъ выражается 4-я статья кон-

ституціи; для обозначенія правительства существуетъ только одно слово: не министерство, а—король. Это одно изъ отличій Швеціи отъ парламентарныхъ монархій. Въ этихъ послѣднихъ, на основаніи знаменитаго положенія le roi regne, mais ne gouverne pas, управляетъ государствомъ министерство, и глава его, первый министръ, есть дѣйствительный правитель, — только временный, смѣна котораго зависитъ отъ короля. Поэтому въ парламентарныхъ государствахъ всѣ нападенія дѣлаются не на государя, а на министерство, — король вездѣ не подлежитъ отвѣтственности. Одно изъ видимыхъ отличій парламентарной монархіи отъ просто - представительной состоитъ въ этомъ устройствѣ отвѣтственности министерства. Во Франціи имперія уничтожила отвѣтственность министровъ и самое званіе перваго министра, объявивъ, что министры только исполнители воли императора. Въ Швеціи вовсе не существуетъ министерства какъ солидарнаго конституціоннаго учрежденія. Даже и министровъ, въ томъ смыслѣ, какой это званіе имѣетъ въ другихъ государствахъ, всего двое — юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, остальные начальники департаментовъ имѣетъ далеко не то значеніе; а вся администрація состоитъ въ завѣдываніи не отдѣльныхъ лицъ, а коллегій. (NB. Старое шведское установленіе, заимствованное Петромъ Великимъ для Россіи).

Въ помощь королю учрежденъ государственный совѣтъ, вмѣсто прежняго полновластнаго сената; совѣтъ имѣетъ только совѣщательный голосъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ члены его поставлены въ такую отвѣтственность передъ сеймомъ, что онъ скорѣе государственное, нежели административное учрежденіе.

Государственный совѣтъ состоитъ изъ девяти членовъ, избираемыхъ королемъ изъ природныхъ шведовъ евангелическаго исповѣданія; они могутъ быть и не изъ дворянъ. Онъ состоитъ: изъ двухъ министровъ—юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, канцлера (министръ двора), и шести другихъ лицъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ трое должны быть изъ лицъ, служившихъ по гражданской части. Кромѣ того при

совѣтѣ находятся четыре статсъ-секретаря для дѣлъ: 1) по военной части, 2) государственнымъ имуществамъ, 3) финансамъ, 4) народному просвѣщенію, общественному призрѣнію, вѣроисповѣданіямъ. Статсъ-секретари имѣютъ мѣсто и голосъ въ совѣтѣ тогда только, когда они докладываютъ, или когда происходитъ разсужденіе по дѣлу ихъ департамента.

Въ 1854 году произведены нѣкоторыя измѣненія. Число членовъ Совѣта увеличено до 10, изъ нихъ семеро министры или главно-управляющіе (министръ юстиціи, министръ иностранныхъ дѣлъ, начальникъ военной защиты, начальникъ морскихъ силъ, начальникъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, церковныхъ дѣлъ) и только трое не-министровъ, изъ нихъ двое должны быть изъ гражданскихъ сановниковъ. Во время отсутствія короля за границу или тяжкой болѣзни Государственный Совѣтъ управляетъ королевствомъ со всею королевскою властью, кромѣ права возводить въ дворянство. Если же король находится внѣ столицы, но не за границей, то Государственный Совѣтъ пользуется властью, которую король найдетъ нужнымъ ему дать. За охраненіемъ правъ короны и общественной безопасностью наблюдаютъ два сановника: канцлеръ юстиціи и королевскій синдикъ (konungens högste Ombudsman).

Король, какъ мы сказали, имѣетъ полную и безотвѣтственную правительственную власть, — болѣе того, онъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и трактаты. Но во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, даже при назначеніи въ высшія должности, онъ долженъ выслушать мнѣніе государственнаго совѣта. Члены совѣта отвѣтственны передъ сеймомъ за свои мнѣнія,—поэтому если они видятъ, что предположеніе короля не соотвѣдствуетъ пользамъ государства, то каждый долженъ вписать свое мнѣніе въ протоколъ. Король, выслушавъ мнѣніе, поступаетъ такъ, какъ находитъ лучщимъ. Но конечно моральная оппозиція совѣта всегда имѣетъ нѣкоторый вѣсъ, — потому что глава государства едва ли рѣшится принять на отвѣтственность одного себя великое дѣло. Кромѣ того, самое

исполненіе королевскихъ рѣшеній на практикѣ подвержено нѣкоторому контролю. Именно, приказаніе короля, напримѣръ по военной части, тогда только исполняется, когда контрасигнировано статсъ-секретаремъ этого департамента. Если статсъ-секретарь увидитъ, что королевское распоряженіе противно конституціи, то онъ представляетъ королю свои доводы, и если король не убѣдится ими, то отказывается контрасигнировать, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ слагаетъ свою должность, и король долженъ искать другое лицо, которое рѣшилось бы принять отвѣтственность. Сложившій должность статсъ-секретарь продолжаетъ получать жалованье до собранія сейма, который разсматриваетъ его поведеніе и постановляетъ приговоръ. Такимъ образомъ король, оставаясь свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, получаетъ полезныя предостереженія и средства поразмыслить глубже о предпринимаемомъ рѣшеніи.

Всѣ высшіе гражданскіе чины, въ томъ числѣ и члены Государственнаго Совѣта, а въ арміи до полковника включительно, могутъ быть смѣняемы королемъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ заявилъ государственному совѣту о причинахъ увольненія,—слѣдовательно эти чины имѣютъ только моральную гарантію противъ личной воли короля; но больше и нельзя требовать не только въ монархическомъ, но и въ республиканскомъ государствѣ, когда вся отвѣтственность за управленіе лежитъ на главѣ государства. Но низшіе чины, которые по свойству своихъ должностей не могутъ въ политическомъ отношеніи чѣмъ либо затруднять ходъ правительства, лишаются должностей не иначе, какъ по суду. Король есть глава судебной части; судъ творится отъ его имени. Верховный апелляціонный трибуналъ состоитъ изъ двѣнадцати членовъ, избираемыхъ королемъ изъ людей опытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ; одна половина трибунала должна состоять изъ дворянъ, другая изъ не дворянъ. Король предсѣдательствуетъ въ судѣ и имѣетъ два голоса; приговоръ долженъ быть имъ подписанъ. Интерпретація законовъ принадлежитъ королю и верховному суду, но только временно: при собраніи

сейма ему сообщаются сдѣланныя толкованія, и если онъ найдетъ ихъ невѣрными, то уничтожаетъ.

Судьи безсмѣнны, и даже переводимы изъ одного суда въ другой могутъ быть только по собственному желанію. Король имѣетъ право помилованія, но преступникъ имѣетъ право отказаться отъ милости.

Король назначаетъ также епископовъ и архіепископовъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ епархіальнымъ капитуломъ *) на основаніи старыхъ уставовъ.

Король имѣетъ право жаловать за заслуги дворянское достоинство, также баронское и графское.

Права сейма слѣдующія. Въ отношеніи законодательства гражданскаго, уголовнаго и церковнаго, инищіатива принадлежитъ наравнѣ королю и членамъ каждаго сословія. Законъ получаетъ силу, если принятъ тремя сословіями (въ каждомъ большинствомъ голосовъ) и утвержденъ королемъ. Сеймъ немедленно по сходѣ избираетъ шесть смѣшанныхъ (т. е. изъ членовъ всѣхъ четырехъ камеръ) комитетовъ: 1-й—для разсмотрѣнія проектовъ объ измѣненіи основныхъ законовъ, правъ сословій и для ревизіи протоколовъ государственнаго совѣта; 2-й — для разсмотрѣнія финансоваго состоянія и государственнаго долга; 3-й—для полюбовнаго прекращенія споровъ и недоразумѣній; 4-й — для разсмотрѣнія состоянія государственнаго банка; 5-й— для составленія и разсмотрѣнія проектовъ новыхъ гражданскихъ, уголовныхъ и церковныхъ законовъ; 6-й—комитетъ для дѣлъ экономическихъ.

Посредствомъ этихъ комитетовъ сеймъ, когда онъ пребываетъ на сборѣ, пользуется такою властью, какой не имѣетъ ни одно представительное собраніе въ монархіяхъ. Онъ становится верховной властью въ государствѣ. Мы говорили о его законодательномъ значеніи, — скажемъ нѣсколько словъ о власти его въ другихъ сферахъ. Въ финансовомъ отношеніи налоги и бюджетъ на три года утверждаются сеймомъ,—это общее право всѣхъ представи-

*) Кажется, что статья Духовнаго Регламента о назначеніи епископовъ заимствована Петромъ Великимъ изъ шведскихъ постановленій.

тельныхъ собраній. Но кромѣ того государственный банкъ находится въ полной зависимости одного только сейма, или, во время роспуска — его коммиссіи; онъ выдаетъ королю деньги только на тѣ именно статьи, на которыя назначено бюджетомъ, и государственный совѣтъ отвѣтственъ въ правильномъ употребленіи. Далѣе, конституція благоразумно предвидѣла, что могутъ быть важныя обстоятельства, по которымъ королю понадобятся чрезвычайныя суммы, и что въ такомъ случаѣ ожидать созванія сейма часто значило бы подвергать государство опасности. поэтому король получаетъ отъ сейма два предписанія банку: одно о выдачѣ опредѣленной суммы на непредвидимые бюджетомъ расходы, другое—о выдачѣ денегъ только на случай внезапнаго нападенія непріятеля. Первая сумма выдается банкомъ королю по согласію съ государственнымъ совѣтомъ, вторая тогда только, когда король опубликовалъ созваніе чрезвычайнаго сейма. Въ послѣднемъ видна предосторожность, чтобы король подъ видомъ внѣшней войны не употреблялъ деньги на измѣненіе конституціи.

Еще любопытнѣе права сейма относительно юстиціи. Сеймъ избираетъ фискала (государственнаго обвинителя), который подчиненъ ему одному и имѣетъ право входа во всѣ безъ изъятія суды и ихъ архивы, въ особенности онъ наблюдаетъ за верховнымъ трибуналомъ, — и если замѣтить, что нѣкоторые члены его, или даже и все судилище, не исполняютъ своего долга, несправедливо рѣшили дѣло, касающееся чести, свободы или имущества гражданина, то онъ предаетъ ихъ суду особой коммиссіи, называемой «государственнымъ судомъ», составленной изъ нѣсколькихъ судей, четырехъ членовъ государственнаго совѣта, начальника стокгольмскаго гарнизона и командира эскадры. Фискалъ представляетъ сейму подробный отчетъ о ходѣ и состояніи юстиціи въ промежутокъ между двумя сборами (три года). Коммиссія сейма разсматриваетъ поведеніе членовъ верховнаго трибунала, способны и достойны ли они занимать свои важныя мѣста, и если она придетъ къ отрицательному мнѣнію, то король обязанъ ихъ уво-

лить въ отставку. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло не о нарушеніи долга, а только о способности, то для того чтобы эта власть сейма не была оскорбленіемъ правъ короля, избирающаго судей, такіе отставленные получаютъ пожизненную пенсію въ половину жалованья *).

Первый комитетъ сейма ревизуетъ протоколы государственнаго совѣта, и если усмотритъ, что кто либо изъ членовъ его, или даже весь совѣтъ сдѣлалъ проступокъ или не обнаружилъ смѣлаго сопротивленія на мѣру, противную конституціи, то предаетъ виновныхъ «государственному суду», въ которомъ на этотъ случай четыре члена изъ государственныхъ совѣтниковъ замѣняются четырьмя судьями **).

Сеймъ назначаетъ безсмѣнный комитетъ изъ шести членовъ, на все время до новаго собранія, для охраненія свободы книгопечатанія. Въ Швеціи книгопечатаніе свободно, но однако авторы могутъ быть предаваемы суду за сочиненія, противныя государственной безопасности и оскор-

*) Эта комиссія дѣйствуетъ на присяжномъ началѣ, члены ея даже и называются присяжными. Именно, — какъ только она соберется (она избирается чинами немедленно по сходѣ), предсѣдатель кладетъ вопросъ: заслуживаетъ ли верховный судъ (т. е. всѣ члены его) довѣріе? Члены отвѣчаютъ на вопросъ однимъ только „да“ или „нѣтъ“, посредствомъ закрытыхъ записокъ. Если большинство голосовъ будетъ отрицательное, тогда президентъ предлагаетъ, чтобы каждый написалъ имена тѣхъ членовъ верховнаго суда, удаленіе которыхъ онъ считаетъ полезнымъ; если кто изъ нихъ получитъ $^2/_3$ неодобрительныхъ голосовъ, то представляется королю о его увольненіи. Эта важная комиссія состоитъ изъ сорока восьми членовъ, по двѣнадцати отъ каждаго сословія (§ 103 конституціи).

Фискалъ избирается особой комиссіей, изъ членовъ, избранныхъ въ равномъ числѣ отъ каждаго сословія.

**) Кромѣ того этотъ комитетъ имѣетъ право просить короля объ удаленіи членовъ государственнаго совѣта, хотя несовершившихъ проступка, но не внушающихъ довѣрія. „Если, говоритъ 107 параграфъ конституціи, конституціонный комитетъ усмотритъ, что всѣ члены государственнаго совѣта, или нѣкоторые, или одинъ изъ нихъ, при подачѣ мнѣній не руководствовались общимъ благомъ страны, или что кто либо изъ статсъ-секретарей исполнялъ свои обязанности не съ должной ревностью, честностью и способностью, — то онъ (комитетъ) представляетъ объ этомъ сейму, который если найдетъ полезнымъ для государства, то письменно изъявляетъ королю желаніе объ удаленіи поименованныхъ лицъ изъ государственнаго совѣта“.

бительныя для конституціонныхъ властей. Существованіе комитета весьма полезно для авторовъ въ этомъ отношеніи: каждый можетъ представить, если хочетъ, рукопись на разсмотрѣніе комитета, и если тотъ одобритъ ее, то авторъ не можетъ быть преслѣдуемъ правительствомъ.

Такимъ образомъ комитеты служатъ точкой соединенія для четырехъ камеръ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ относительно контроля надъ поведеніемъ судей верховнаго трибунала, дѣйствуютъ полномочно.

Въ вопросахъ законодательныхъ наблюдается различный порядокъ, касаются ли они основныхъ, или обыкновенныхъ законовъ.

По 85 статьѣ конституціи основными законами признаются: форма правленія и форма состава государственныхъ чиновъ, порядокъ престолонаслѣдія *), свобода книгопечатанія.

Эти законы могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ согласія короля и всѣхъ четырехъ камеръ. При этомъ наблюдается слѣдующій порядокъ: предложеніе объ измѣненіи не можетъ быть внесено прямо ни въ одну изъ камеръ, а должно быть представлено въ конституціонный комитетъ, который разсматриваетъ—полезно ли оно, и въ какой мѣрѣ удобоисполнимо. Если комитетъ одобритъ представленное ему предложеніе члена сейма, или самъ отъ себя составитъ проектъ измѣненія въ основныхъ законахъ, то заявляетъ объ этомъ чинамъ. Сеймъ однако не можетъ приступить къ обсужденію,—дѣло отлагается до слѣдующаго собранія (слѣдовательно на три года). Если на слѣдующемъ сеймѣ всѣ четыре сословія изъявятъ согласіе, то проектъ представляется королю на рѣшеніе. Король, выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта, полагаетъ рѣшеніе, которое и объявляется всѣмъ камерамъ, собраннымъ для это-

*) Шведскій престолъ наслѣдственъ только въ мужескомъ колѣнѣ. Кромѣ того, принцы, вступившіе въ бракъ безъ согласія короля, теряютъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ право на наслѣдство престола. Принцы не могутъ занимать гражданскихъ должностей.

го въ государственномъ залѣ; если его рѣшеніе отрицательно, то при этомъ объясняются причины.

Если король дѣлаетъ предложеніе объ измѣненіи въ основныхъ законахъ, то сеймъ отсылаетъ предложеніе на предварительное разсмотрѣніе конституціоннаго комитета. Если послѣдній одобритъ предложеніе, тогда слѣдующій сеймъ рѣшаетъ, т. е. принимаетъ всѣми четырьмя камерами, или отвергаетъ. Если комитетъ несогласенъ съ королевскимъ предложеніемъ, то докладываетъ сейму съ изложеніемъ причинъ. Сеймъ рѣшаетъ, уважительны ли причины комитета; для этого рѣшенія достаточно согласія трехъ камеръ, и тогда королевское предложеніе или принимается, т. е. записывается для рѣшенія на слѣдующемъ сеймѣ, или отвергается. Если двѣ камеры будутъ «за», а двѣ другія «противъ», то вопросъ о принятіи къ разсмотрѣнію отлагается до слѣдующаго сейма.

Другіе законодательные проекты (кромѣ касающихся основныхъ законовъ) поступаютъ сначала также на разсмотрѣніе комитета,—того, къ которому по содержанію относятся. Но комитетъ не имѣетъ здѣсь рѣшительнаго голоса, а долженъ представить проектъ съ своими замѣчаніями камерамъ; если камера сдѣлаетъ амендементы, то онъ снова поступаетъ на разсмотрѣніе комитета, который приготовляетъ окончательную редакцію, и послѣ этого камеры или принимаютъ, или отвергаютъ его. Мы говорили, что для принятія закона необходимо согласіе хотя трехъ камеръ (и утвержденіе короля). Но въ вопросахъ финансовыхъ, если двѣ камеры будутъ «за», а другія двѣ «противъ», тогда каждое сословіе избираетъ по тридцати членовъ для дополненія комитета; и составленный такимъ образомъ большой комитетъ рѣшаетъ дѣло абсолютнымъ большинствомъ, вотируя поголовно, а не пословно; онъ подаетъ голоса закрытыми записками. Рѣшеніе такого комитета считается рѣшеніемъ сейма.

Изъ этого видно, что конституція понимала, въ какое затрудненіе можетъ быть поставлено государство четырехъ-камернымъ сеймомъ, и замѣнила его въ одномъ слу-

чаѣ какъ-бы одной палатой, составленной изъ выборныхъ четырехъсословныхъ камеръ *).

Шведская нація справедливо гордится древностью своихъ представительныхъ учрежденій: крестьяне являются на сеймѣ еще во времена Стено Стуре (половина XVI вѣка), когда во всей Европѣ они были въ рабскомъ состояніи; она также справедливо гордится своими героями и государственными мужами. Шведы до сихъ поръ, утративши свое внѣшнее могущество, сохранили гордый, свободный духъ. Конституція 1809 года при всей ложности, т. е. устарѣлости основанія представительства, все-таки превосходный политическій памятникъ, потому что свобода и личность гражданина и другія великія политическія льготы въ ней гарантированы вполнѣ, и притомъ она заключаетъ смѣлое начало, чуждое другимъ конституціямъ,— подчиненіе до извѣстной степени лицъ высшихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій представительному собранію, подчиненіе ему банка, власть фискала, избираемаго сеймомъ, напоминающую отчасти римскій трибунатъ и проч.

II.

НОРВЕГІЯ.

Общій характеръ норвежской конституціи.—Стортингъ, Одельстингъ, Лагтингъ.—Право стортинга.—Король и его отлагательное veto.—Составъ стортинга.—Отдѣльность городскаго населенія отъ сельскаго въ соблюденіи извѣстной пропорціи между числомъ депутатовъ того и другаго.—Личная свобода.—Ревизія конституціи.

Норвегія имѣетъ чисто-демократическое устройство. Политическое равенство введено конституціей 1814 года; не только льготы дворянства и титулы были уничтожены, но также майораты и субституціи,—а только при этомъ ус-

*) Замѣтимъ еще одинъ недостатокъ шведской конституціи: шведское государство долгое время было федеративнымъ; до сихъ поръ провинціи

ловіи можетъ существовать демократическій бытъ, иначе будетъ все-таки поземельная аристократія,—тоже дворянство подъ другими именемъ; народъ, т. е. его представители имѣютъ въ рукахъ всю существенную часть государственной власти. Демократическія учрежденія имѣютъ въ Норвегіи прочную основу въ народномъ образованіи. Трудно найдти въ Европѣ другое государство, гдѣ бы первоначальное образованіе было такъ распространено, какъ въ Норвегіи. Въ каждомъ приходѣ есть школа, содержимая обязательными взносами,—странствующіе учители обходятъ хижины сѣверныхъ звѣролововъ,—не зная грамотѣ нельзя вступить въ бракъ,—двадцатилѣтній, незнающій грамотѣ, отсылается въ исправительное заведеніе для наученія. Впрочемъ, несмотря на весь либерализмъ норвежской конституціи, которая почти переведена съ первой республиканской конституціи Франціи, на ней лежитъ своеобразная печать не только религіозности, но даже и нетерпимости. Лютеранская религія есть государственная, ее долженъ исповѣдывать король; другія религіи объявлены терпимыми, но замѣчательно: *евреи не только не могутъ имѣть права гражданства, но имъ запрещено и пребываніе въ Норвегіи*. Пасторы предсѣдательствуютъ въ избирательныхъ собраніяхъ. Норвежская дѣйствующая конституція провозглашена была народнымъ собраніемъ 17-го мая 1818 года. До этого времени Норвегія, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, была соединена съ Даніей. Но въ 1814 году король датскій кильскимъ трактатомъ уступилъ свои права на Норвегію шведскому королю. Норвегія объявила се-

сохранили много рѣзкихъ отличій, и имѣютъ много особыхъ интересовъ, а между тѣмъ провинціяльныхъ чиновъ не существуетъ. Это особенно вредно при томъ порядкѣ, когда сеймъ собирается разъ въ три года и на самый короткій срокъ: для него необходимо предварительное приготовленіе дѣлъ и выработка мнѣній въ провинціяльныхъ собраніяхъ. Партія реформистская въ своей програмѣ выставляетъ между прочимъ и учрежденіе провинціяльныхъ чиновъ для обсужденія и рѣшенія вопросовъ второстепенныхъ, мѣстныхъ, причемъ сеймъ, освободясь отъ множества мелочей, будетъ имѣть свободу посвящать свои занятія только высшимъ государственнымъ вопросамъ.

бя отдѣльнымъ государствомъ, провозгласила королемъ датскаго принца Христіана-Фридриха, и тогда же сеймъ, собранный въ Эйдсвольдѣ, начерталъ самую широкую конституцію. Норвегія должна была уступить Швеціи и ея грознымъ союзникамъ—Россіи и Англіи; Христіанъ-Фридрихъ отрекся отъ новосозданнаго престола. Но Норвегія не иначе согласились соединиться съ Швеціей, какъ равная съ равнымъ, независимая съ независимымъ. Эйдсвольдская конституція осталась во всей силѣ, съ введеніемъ, разумѣется, нѣсколькихъ новыхъ статей, вслѣдствіе новаго характера королевской власти. О шведско-норвежскомъ актѣ мы будемъ говорить впослѣдствіи,—теперь разсмотримъ положенія эйдсвольдской конституціи.

Законодательная власть *вполнѣ* предоставлена палатѣ депутатовъ—*стортингу* (Storting). Устройство стортинга весьма оригинально. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *одельстинга* (Odelsthing) и *лагтинга* (Lagting). Но это вовсе не двѣ палаты (верхняя и нижняя), какъ въ другихъ государствахъ, даже не то, что сенатъ и палата депутатовъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Тамъ, гдѣ существуетъ двухъ-камерное представительство, обѣ палаты имѣютъ одинаковое значеніе въ принятіи или отверженіи законовъ, онѣ не зависятъ одна отъ другой въ своемъ происхожденіи. Не такъ въ Норвегіи: депутаты выбираютъ изъ среды своей четвертую часть—это лагтингъ, остальныя три четверти—одельстингъ. Каждый тингъ засѣдаетъ и разсуждаетъ отдѣльно, но вся власть въ одельстингѣ, лагтингъ не болѣе какъ постоянная коммисія, имъ избранная, для подачи мнѣнія о законодательныхъ вопросахъ. Законодательный процесъ совершается слѣдующимъ образомъ. Законодательная инициатива принадлежитъ королю и каждому члену одельстинга,—лагтингъ лишенъ этого права. Проектъ закона, принятый одельстингомъ, препровождается въ лагтингъ, который или принимаетъ его или отвергаетъ съ изложеніемъ причинъ и замѣчаній; въ послѣднемъ случаѣ проектъ снова поступаетъ въ одельстингъ, который или соглашается съ доводами первой па-

латы—и тогда проектъ оставляется, или не соглашается—и тогда проэктъ въ прежнемъ видѣ или нѣсколько измѣненный, поступаетъ опять на разсмотрѣніе лагтинга. Если лагтингъ и во второй разъ отвергаетъ проектъ, тогда обѣ палаты соединяются въ общее засѣданіе, гдѣ вопросъ рѣшается большинствомъ двухъ третей голосовъ (а не абсолютнымъ, какъ въ каждой палатѣ порознь). Такимъ образомъ первая палата (лагтингъ) не можетъ остановить рѣшенія второй. Но ее нельзя назвать безполезной: она до нѣкоторой степени сдерживаетъ стремленіе палаты депутатовъ, а эта стремительность есть необходимое послѣдствіе одной камеры,—даетъ ей время еще разъ обдумать вопросъ. Впрочемъ, по замѣчанію Жефруа, лагтингъ не имѣетъ большаго моральнаго значенія: обыкновенно въ него выбираютъ тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ было бы непріятно для палаты депутатовъ, именно—необразованныхъ крестьянскихъ депутатовъ и извѣстныхъ приверженцевъ правительства, такъ-что первая палата вовсе не составляетъ сливокъ стортинга, а на оборотъ.

Ясно, что норвежское представительство въ сущности есть однокамерное. Поэтому не можетъ быть того равновѣсія, которое достигается въ монархическихъ государствахъ только двухкамернымъ представительствомъ: одно изъ двухъ—или королевская власть, или стортингъ должны перевѣшивать одинъ другаго. Въ Норвегіи, по примѣру французской конституціи 1789—1791 годовъ и съ тѣмъ же правилами, перевѣсъ данъ стортингу. Именно: король можетъ остановить проектъ закона, вотированный стортингомъ, можетъ остановить его и во второй разъ, но когда третій стортингъ (т. е. третья законодательная сессія) опять представитъ ему тотъ же проектъ, то онъ получаетъ силу закона и безъ королевскаго утвержденія.

Такимъ образомъ одно изъ важнѣйшихъ началъ конституціоннаго механизма, выработанныхъ Франціей въ 1789 году, нашло полное осуществленіе на далекомъ сѣверѣ. Но замѣтимъ, что норвежская конституція, взявши большую часть основъ творенія 1789 года, не взяла ея

раздражающаго тона и оскорбительныхъ для королевской власти подозрѣній и формальностей. Напротивъ того, выраженія и формы норвежской конституціи весьма почтительны. Стортинтъ «умоляетъ» короля объ утвержденіи закона, послѣ того какъ онъ три раза былъ имъ вотированъ, т. е. тогда, когда не имѣетъ нужды въ его согласіи; когда появляется королевскій комиссаръ, президентъ встрѣчаетъ его и провожаетъ до дверей, а депутаты стоя выслушиваютъ королевское предложеніе.—Трудно найдти другой парламентъ, права котораго были бы такъ широки, какъ права стортинга. По 75 статьѣ конституціи ему принадлежитъ:

1) Издавать и отмѣнять законы, установлять налоги, таможенный тарифъ; 2) совершать государственные займы; 3) наблюдать за финансами; 4) утверждать смѣту государственныхъ расходовъ; 5) опредѣлять ежегодно сумму на содержаніе двора, короля и на жалованье членамъ королевской фамиліи (деньгами, а не недвижимыми имуществами); 6) требовать на разсмотрѣніе всѣ протоколы правительственнаго совѣта, рапорты и другіе документы (за исключеніемъ только приказовъ по военной части), также трактаты, заключаемые королемъ во имя націи; 7) призывать для допроса въ государственныхъ дѣлахъ всѣхъ лицъ, исключая короля и членовъ его семейства, если они не занимаютъ должностей,—въ противномъ случаѣ должны также явиться; 8) разсматривать росписи жалованій и пенсій и дѣлать въ нихъ измѣненія; 9) назначать ежегодно комиссію изъ пяти членовъ для ревизіи всѣхъ счетныхъ книгъ государства; 10) натурализировать иностранцевъ.

Король управляетъ государствомъ при помощи государственнаго совѣта, который вмѣстѣ и совѣтъ министровъ,—каждый членъ имѣетъ въ завѣдываніи одну изъ вѣтвей администраціи. Во время пребыванія короля въ Швеціи при немъ постоянно находятся министръ статсъ-секретарь Норвегіи и два члена государственнаго совѣта, которые засѣдаютъ и подаютъ голосъ въ шведскомъ го-

сударственномъ совѣтѣ по дѣламъ, касающимся обоихъ королевствъ.

Значеніе норвежскаго государственнаго совѣта то же, что и шведскаго.

Во время отсутствія короля изъ Норвегіи (что бываетъ постоянно, потому что король живетъ въ Стокгольмѣ, и очень рѣдко пріѣзжаетъ въ Норвегію) государствомъ управляетъ отъ его имени вице-король, или губернаторъ, вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ изъ пяти (или болѣе) членовъ государственнаго совѣта. Дѣла рѣшаются коллегіальнымъ порядкомъ; вице-король имѣетъ толко одинъ голосъ.

Хотя по конституціи королю предоставлено верховное право объявлять войну, но оно совершенно парализируется не только правомъ стортинга отказывать въ деньгахъ, но и 25 статьею конституціи, по которой «норвежская армія и флотъ не могутъ быть употреблены для наступательной войны иначе, какъ съ согласія стортинга». Въ административномъ отношеніи власть короля ограничена слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ увольнять по собственной волѣ только высшихъ гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ, полковыхъ командировъ, комендантовъ крѣпостей, капитановъ кораблей, но все-таки выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта. Уволенные безъ прошенія получаютъ 1/3 жалованья, а первый собравшійся стортингъ разсматриваетъ ихъ службу и опредѣляетъ имъ пенсіи. Всѣ же лица военной, духовной и гражданской администраціи низшаго разряда могутъ быть лишены мѣстъ только по судебному приговору.

Посмотримъ теперь на способъ составленія стортинга. Избраніе происходитъ на двухъ степеняхъ, и притомъ наблюдается извѣстное соотношеніе между числомъ депутатовъ отъ городовъ и отъ селъ, хотя они засѣдаютъ въ одной и той же палатѣ.

Правомъ подавать голосъ при выборахъ пользуются только поземельные владѣльцы, какъ бы малы ни были ихъ участки, и владѣльцы домовъ въ городахъ,—разумѣется,

если они не запятнаны судебнымъ приговоромъ. Выборы происходятъ въ приходскихъ церквахъ, въ селахъ, подъ предсѣдательствомъ пастора. Предъ выборами читается конституція.

Въ селахъ каждые 100 гражданъ, имѣющіе права голоса (т. е. владѣющіе участкомъ земли), избираютъ одного выборнаго; выборные изъ цѣлаго округа составляютъ собраніе, и выбираютъ изъ среды своей, или изъ числа прочихъ гражданъ, имѣющихъ право голоса, депутатовъ въ стортингъ—изъ десяти одного. Слѣдовательно изъ 1000 полноправныхъ гражданъ посылается одинъ депутатъ въ стортингъ. Выборы въ городахъ происходятъ на томъ же основаніи, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ: не сто, а только пятьдесятъ полноправныхъ горожанъ избираютъ одного избирателя, и не изъ десяти, а изъ пяти избирателей дается депутатъ, такъ что одинъ депутатъ приходится на 250 горожанъ и слѣдственно городское сословіе обладаетъ вчетверо сильнѣйшимъ правомъ представительства, въ сравненіи съ сельскимъ. Впрочемъ одинъ городъ, какъ бы велико ни было его населеніе, не можетъ имѣть болѣе 4 депутатовъ.

Эти цифры не неизмѣнны. 59 статья конституціи даетъ стортингу право, и даже налагаетъ обязанность измѣнять ихъ, полагая главной цѣлью: чтобы число депутатовъ отъ городовъ было не болѣе и не менѣе половины числа сельскихъ (или $^1/_3$ всего стортинга), и чтобы вообще число членовъ стортинга было не менѣе семидесяти и не болѣе ста.

Въ этихъ постановленіяхъ явна цѣль уравновѣсить до извѣстной степени два элемента, коренной скандинавскій—свободныхъ землевладѣльцевъ, и образовавшійся впослѣдствіи—большіе приморскіе города, которые долгое время имѣли особую историческую жизнь.

Личная свобода и свобода книгопечатанія гарантированы конституціей на основаніи началъ 1789 года. До какой степени конституція дорожитъ личной свободой и ограничиваетъ исполнительную власть, хорошо показываетъ слѣдующая (99) статья: «Правительство можетъ употребить военную

силу противъ гражданъ не иначе, какъ выполнивши всѣ формальности, предписанныя закономъ, и только въ томъ случаѣ, когда мятежное скопище угрожаетъ общественному спокойствію и не разойдется послѣ того, какъ *гражданскія* власти *трижды* прочтутъ ему во всеуслышаніе статьи свода законовъ о мятежныхъ сборищахъ.» Мы упоминали, что изъ началъ 1789 года, одно изъ важнѣйшихъ—полная религіозная свобода и равенство правъ гражданъ всѣхъ религій не получили широкаго приложенія въ Норвегіи. То же самое и въ судебной сферѣ. Великій институтъ присяжныхъ, лучшая гарантія правъ гражданина, не существуетъ въ Норвегіи; судьи назначаются правительствомъ.

Начало ревизіи конституціи, одно изъ введеній 1789 года, признано, хотя и въ ограниченной формѣ. «Если, говоритъ 112 и послѣдняя статья, опытъ покажетъ, что какая-либо часть основныхъ законовъ нуждается въ измѣненіи, то предложеніе объ этомъ должно быть сдѣлано стортингу и опубликовано. Но только слѣдующій стортингъ имѣетъ право рѣшить, слѣдуетъ ли произвесть измѣненіе, или нѣтъ. Таковое измѣненіе во всякомъ случаѣ не должно быть противно началамъ настоящей конституціи; оно должно касаться только какихъ-либо частностей, не нарушая духа основнаго закона,—и можетъ быть принято только вслѣдствіе большинства двухъ третей голосовъ».

III.

ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКІЙ СОЮЗЪ.

Различныя соединенія государствъ. Соединеніе Швеціи съ Норвегіею. Пункты соединенія обоихъ королевствъ: 1) государственные совѣты; 2) общій комитетъ для выбора короля въ случаѣ вакансіи престола; 3) общее регентство въ случаѣ малолѣтства короля; 4) объявленіе войны; 5) маневры войскъ; 6) дипломатическое представительство.—Въ чемъ заключается слабая сторона союза?—Два столкновенія короля съ норвежскимъ парламентомъ.

Въ политической наукѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гораздо больше понятій, нежели словъ. Такъ, нѣтъ слова

для опредѣленія того рода политическаго соединенія, въ какомъ находятся Швеція съ Норвегіей. Два главныхъ рода соединеній различаетъ наука: личное и реальное. Если два государства, не теряя своего различія отдѣльныхъ лицъ международнаго права, имѣютъ общаго государя, это—соединеніе личное. Въ такомъ соединеніи были, напримѣръ, Англія и Ганноверъ: каждая изъ этихъ странъ имѣла отдѣльную конституцію, отдѣльное министерство, армію, финансы—и даже отдѣльное дипломатическое представительство. Этотъ союзъ разрывается, если законы о престолонаслѣдіи различны въ двухъ государствахъ; такъ и случилось съ Ганноверомъ. Соединеніемъ реальнымъ называется то, когда два государства составляютъ въ международномъ и политическомъ отношеніи одно цѣлое: имѣютъ одно дипломатическое представительство, одно министерство, одинъ парламентъ, оставаясь въ административномъ, юродическомъ, финансовомъ отношеніи отдѣльными. Таковъ напримѣръ союзъ Англіи съ Шотландіей и Ирландіей. Конечно при этомъ послѣднемъ соединеніи полнаго равенства частей быть не можетъ; та изъ нихъ, въ которой пребываетъ общій государь и общія государственныя учрежденія, дѣлается господствующей, а другая мало-по-малу обращается въ провинцію съ особыми мѣстными законами и учрежденіями. Отсюда происходятъ встрѣчаемыя въ исторіи конституціоннаго права ограниченія, съ перваго разу странныя, напримѣръ въ бывшей нидерландской конституціи (до 1830 года), когда Голландія соединена была съ Бельгіей, постановлялось, что нѣсколько мѣсяцевъ въ году король долженъ прожить въ Брюсселѣ, что половина его министровъ должны быть бельгійцы, и прочее. Если же одно государство такъ соединяется съ другимъ, что отъ него остается одно имя и объ его политической личности не напоминаютъ никакія особыя важныя учрежденія, тогда оно называется инкорпорированнымъ.

Наконецъ два или нѣсколько государствъ могутъ составить такое соединеніе, что они сохраняютъ всю внутреннюю автономію, и только во внѣшнемъ отношеніи пред-

ставляютъ одно цѣлое, и для этой цѣли имѣютъ нѣкоторыя общія политическія учрежденія,—это конфедерація. Притомъ замѣтимъ, что въ самой совершенной конфедераціи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, общія учрежденія поселены на *нейтральной* полосѣ— въ Уашингтонѣ, непринадлежащемъ ни одному штату и несоставляющемъ особаго штата; поэтому при такой мѣрѣ невозможно возвышеніе одного штата и низведеніе другихъ на степень провинцій.

Союзъ Швеціи съ Норвегіей не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ категорій. Онъ есть съ одной стороны личный, потому что каждое изъ двухъ государствъ сохраняетъ свою особую конституцію, свой парламентъ, министерство, армію, судъ; нѣтъ ни одного общаго учрежденія для двухъ странъ, только король одинъ. Но съ другой стороны—это личное соединеніе неразрывно, потому что законъ о престолонаслѣдіи одинъ, и въ случаѣ прекращенія царствующаго дома, выборъ государя дѣлается общій, обѣими странами избирается непремѣнно одно лицо. Далѣе, дипломатическое представительство общее для обѣихъ странъ, такъ что въ сферѣ международныхъ сношеній Швеція и Норвегія составляютъ одно государство—Шведско-Норвежское королевство, съ перевѣсомъ на сторонѣ Шведскаго государства, потому что король живетъ постоянно въ Швеціи (Стокгольмѣ) и главнымъ образомъ есть король шведскій. Слѣдственно соединеніе имѣетъ нѣкоторыя черты реальнаго союза.

Разсмотримъ этотъ замѣчательный актъ шведско-норвежскаго союза и тѣ статьи конституцій обоихъ государствъ, которыя сюда относятся.

Для Швеціи и Норвегіи есть отчасти одно общее учрежденіе, это—государственные совѣты обѣихъ странъ. При королѣ, во время его пребыванія въ Швеціи (т. е. постоянно) находятся два члена норвежскаго государственнаго совѣта и министръ статсъ-секретарь, контрасигнирующій акты; эти три сановника засѣдаютъ съ правомъ голоса въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ, когда бываетъ раз-

сужденіе объ общихъ для обѣихъ королевствъ вопросахъ, точно также, когда норвежскій государственный совѣтъ разсуждаетъ о подобныхъ дѣлахъ, то три члена шведскаго имѣютъ тѣ же права засѣданія и голоса.

Только въ одномъ чрезвычайномъ случаѣ—при вакансіи трона и во время малолѣтства короля является общее высшее правительство для обѣихъ странъ; три четверти союзнаго акта посвящено самому точному опредѣленію этого вопроса, для предупрежденія возможности распаденія союза.

Если не будетъ принца, имѣющаго право на наслѣдство престола, тогда король созываетъ въ одинъ и тотъ же день парламенты обѣихъ странъ для избранія наслѣдника. Король, или если собраніе открывается послѣ его смерти, временное правительство представляетъ каждому парламенту *въ тотъ же день* кандидата; парламенты, и притомъ каждый изъ ихъ членовъ, имѣютъ право представить своихъ кандидатовъ. Послѣ этого оба парламента назначаютъ одинъ и тотъ же день для балотировки. Если въ обѣихъ странахъ выборъ падетъ не на одно и то же лицо, тогда назначается парламентами изъ среды ихъ членовъ общій полномочный комитетъ, для избранія одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ.

Комитетъ этотъ собирается въ шведскомъ городѣ Карльштадтѣ, лежащемъ на границѣ двухъ королевствъ и находящемся въ равномъ растояніи отъ Христіаніи и Стокгольма. Комитетъ состоитъ изъ семидесяти двухъ членовъ, по тридцати шести отъ каждаго королевства. Каждое отдѣленіе (т. е. шведское и норвежское) выбираетъ по президенту (или оратору); они бросаютъ жребій, кому изъ нихъ быть общимъ президентомъ.

Когда члены комитета соберутся, ораторъ громко провозглашаетъ: «Парламенты Швеціи и Норвегіи подаютъ голоса на избраніе наслѣдника соединенныхъ престоловъ. Парламентъ Норвегіи избралъ такого-то, парламентъ Швеціи такого-то». Затѣмъ приступаютъ къ выбору закрытыми билетами; билеты должны быть послѣ подписки скатаны каждый отдѣльно и не имѣть никакихъ знаковъ, въ

противномъ случаѣ уничтожаются. Потомъ ораторъ развертываетъ билеты, читаетъ голоса, и тотъ кандидатъ, который получилъ абсолютное большинство, провозглашается королемъ. Такъ какъ члены комитета могутъ подавать голосъ только за одного изъ двухъ кандидатовъ, т. е. за избраннаго шведскимъ парламентомъ, или норвежскимъ, а не за кого-либо другаго,—то избраніе должно непремѣнно кончиться.

Замѣтимъ остроумную и оригинальную комбинацію, введенную для этого случая союзнымъ актомъ, которая можетъ быть съ пользою приложена и при другихъ избраніяхъ. Мы видѣли, что число членовъ комитета четное—семьдесятъ два, иначе и быть не могло для соблюденія равенства,—потому что иначе страна, имѣющая однимъ голосомъ больше, въ сущности избрала бы короля; трудно представить, чтобы напримѣръ шведскій членъ комитета подалъ голосъ за избраннаго норвежскимъ парламентомъ кандидата, хотя бы и не сочувствовалъ кандидату своего парламента: чувство національной гордости руководило бы имъ. Поэтому очень легко представить, что члены комитета отъ каждой страны останутся при своемъ кандидатѣ, и слѣдственно избраніе не совершится. Предоставить президенту два голоса, въ случаѣ равнаго раздѣленія, какъ это дѣлается въ коллегіальныхъ собраніяхъ при рѣшеніи обыкновенныхъ дѣлъ, здѣсь нельзя, потому что тогда онъ бы рѣшалъ выборъ короля, и притомъ тогда не могло бы быть тайной подачи голосовъ; а явная подача въ такомъ вопросѣ представляетъ величайшую опасность: члены потеряли бы независимость, и избраніе обратилось бы въ игру подкупа и честолюбія. Поэтому, чтобы сдѣлать возможнымъ большинство при четномъ числѣ голосовъ, конституція прибѣгла къ слѣдующей мѣрѣ. До счета билетовъ ораторъ вынимаетъ одинъ изъ нихъ и откладываетъ въ сторону не раскрывая, затѣмъ развертываетъ другіе, и когда всѣ они будутъ въ порядкѣ написаны, то естественно составится большинство, потому что число ихъ послѣ вынутія одного—нечетное; от-

ложенный въ сторону билетъ уничтожается; онъ развертывается только въ одномъ случаѣ: когда по причинѣ несоблюденія правилъ относительно формы билетовъ (чтобъ они не имѣли знаковъ, были скатаны, и прочее), одинъ или нѣсколько (три, пять и прочее) будутъ уничтожены, то можетъ произойти опять четное число билетовъ,—тогда въ случаѣ раздѣленія по-ровну голосовъ, отложенный билетъ раскрывается,—и рѣшаетъ дѣло.

Въ случаѣ малолѣтства короля, избирается обоими парламентами регентство такимъ же способомъ, какой употребляется при назначеніи наслѣдника престола. Регентство засѣдаетъ въ Стокгольмѣ. До учрежденія регентства устанавливается немедленно по смерти короля временное регентство изъ двадцати членовъ государственныхъ совѣтовъ обоихъ королевствъ, каждаго по десяти. Молодой король долженъ непремѣнно получить достаточныя свѣдѣнія въ норвежскомъ языкѣ.

По конституціямъ обоихъ государствъ, королю принадлежитъ право объявлять войну, не спрашивая согласія парламентовъ, хотя, какъ мы видѣли, это право не можетъ проявиться въ дѣйствительности въ большей части случаевъ; выдача денегъ зависитъ отъ парламентовъ, а въ частности отъ норвежскаго зависитъ и дозволеніе разрѣшать выступленіе войска изъ предѣловъ королевства. Но какъ бы то ни было, *король* можетъ объявить войну отъ своего имени и по своей волѣ,—это единственный актъ его дѣятельности, общій для обоихъ государствъ. Поэтому союзный договоръ поставляетъ слѣдующія положенія: «Если король захочетъ объявить войну, то сообщаетъ о своемъ намѣреніи норвежскому правительству, спрашивая его мнѣнія, и представляетъ ему изложеніе состоянія королевства, относительно финансовъ, средствъ защиты, и прочее. Потомъ король собираетъ экстраординарный государственный совѣтъ изъ министра статсъ-секретаря и членовъ норвежскаго и шведскаго государственнаго совѣта, и спрашиваетъ ихъ мнѣнія. Члены подаютъ свое мнѣніе письменно, и отвѣтственны за нихъ предъ государствомъ. Король однако

свободенъ принять такое рѣшеніе, которое считаетъ лучшимъ для страны. Это моральное ограниченіе королевскаго права войны вошло въ норвежскую конституцію и въ союзный актъ изъ шведской,—въ первоначальной же редакціи (31-го мая 1814) норвежской конституціи его не было.

Далѣе, еще одна общая мѣра: король можетъ соединять для маневровъ войска, расположенныя въ пограничныхъ областяхъ королевствъ, и вводить эту соединенную силу въ ту или другую страну,—но съ условіемъ, чтобы число войска, вступающаго изъ одного королевства въ другое, не превышало трехъ тысячъ, и пребываніе не продолжалось бы болѣе шести недѣль.

Мы говорили, что Швеція и Норвегія имѣютъ общее дипломатическое представительство, и въ этомъ случаѣ Швеція поглощаетъ Норвегію, потому что агенты иностранныхъ державъ живутъ въ городѣ, гдѣ пребываетъ король, т. е. въ столицѣ Швеціи—Стокгольмѣ. Норвежская конституція, постановляя, что всѣ административныя и судебныя должности, должны быть занимаемы гражданами страны, ничего не говоритъ относительно условій для дипломатическихъ агентовъ. Болѣе того: назначеніе гражданскихъ чиновъ дѣлается по представленію министра (т. е. того члена государственнаго совѣта, которому поручено завѣдываніе извѣстной вѣтвью администраціи), и послѣ выслушанія мнѣнія государственнаго совѣта, а назначеніе дипломатическихъ агентовъ не сопряжено съ этими формальностями, и вполнѣ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія короля. Хотя теперь въ сущности дипломатическіе агенты считаются представителями государства, а не государя, но средневѣковая форма удержалась въ названіи: посланникъ его величества короля такого-то. Такимъ образомъ и конституція и дипломатическіе обычаи не гарантируютъ Норвегіи особаго представительства; а между тѣмъ это очень важное лишеніе для націи, такой гордой, какъ норвежская, которая никакъ не хочетъ подчиниться перевѣсу Швеціи. Въ послѣднее время въ Норвегіи явились

требованія на отдѣльное дипломатическое представительство, на томъ основаніи, что посты посланниковъ заняты исключительно шведами. Но едва ли она можетъ достигнуть этого конституціоннымъ путемъ.

Союзный актъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ политической мудрости, достигъ цѣли весьма не легкой: гарантировать полную независимость и національность каждому изъ двухъ королевствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать неразрывнымъ ихъ союзъ. Кажется, не только Швеціи, но и Норвегіи нельзя желать ничего лучшаго. Если послѣдняя лишена удовольствія видѣть въ своей столицѣ дворъ и дипломатическій корпусъ, за то съ лихвою вознаграждена внѣшней безопасностью. Скандинавскій полуостровъ въ соединеніи представляетъ почтенное государство,—раздѣленіе будетъ гибельно для каждой части.

Но есть одна сторона, которая возбуждаетъ опасеніе за прочность союза, это—различіе конституцій. Трудно жить въ близкой связи демократическому государству съ такимъ сословнымъ, какъ Швеція. Шведская либеральная партія смотритъ на Норвегію, какъ на идеалъ и какъ на опору своихъ стремленій. Короли шведскіе Карлъ XIV (Бернадотъ) и Оскаръ, люди истинно прогресивные могли бы, кажется, найдти могущественную опору для своихъ плановъ въ помощи Норвегіи; упорный шведскій сеймъ боится разрыва съ Норвегіей, который былъ бы для Швеціи роковымъ ударомъ. Но есть одинъ пунктъ, мѣшающій этому союзу короля, Норвергіи и шведской либеральной партіи,—союзу, который могъ бы ввести Швецію въ кругъ новыхъ политическихъ учрежденій, это—сама норвежская конституція. Король имѣетъ по ней только *отлагательное* вето. При такомъ началѣ, короли считаютъ весьма труднымъ управлять государствомъ. Карлъ XIV сдѣлалъ стортингу предложеніе, предоставить *королю абсолютное* вето *).

*) Вето *отлагательное* (veto suspensif)—называется то право главы государства, по которому законъ, вотированный парламентомъ, не приводится немедленно въ исполненіе въ случаѣ его (главы) несогласія, а препровождается на новое разсмотрѣніе (или тогда же, или въ слѣдующій годъ, или

«Король желаетъ получить это право, говорилось въ посланіи, въ интересѣ норвежской независимости и для прочности ея конституціи, и взываетъ къ патріотизму и мудрости представителей. У короля и на мысляхъ нѣтъ— увеличить королевскую власть, напротивъ того, онъ желаетъ только прочности и раздѣленія государственныхъ властей. Надобно уравновѣсить національное представительство и предохранить страну отъ ея собственныхъ увлеченій,—подобно тому, какъ конституція приняла всѣ мѣры къ предохраненію страны отъ произвола королевской власти». Предложеніе это было отвергнуто стортингомъ. Еще большій ударъ получилъ королевскій авторитетъ въ 1822 году. Въ конституціи норвежской (эйдсвольдской, 1814 года) сказано: «Впредь не должны быть даваемы титулы графовъ и бароновъ и никакія наслѣдственныя преимущества». Но существовавшіе титулы и привилегіи—оставлены. Конечно, такое положеніе не могло долго оставаться въ свободной странѣ: если конституція запретила впредь давать титулы и привилегіи, то стало-быть по смыслу ея они вредны, а если это такъ, то не-логически удерживать и существовавшія. Дѣйствительно, не далѣе какъ черезъ годъ стортингъ вотировалъ уничтоженіе титуловъ, привилегій и всѣхъ остатковъ дворянскихъ правъ. Здѣсь въ первый разъ произошла проба норвежской конституціи: король положилъ свое вето. Но слѣдующій стортингъ подтвердилъ прежнее рѣшеніе. Въ 1821 году третій стортингъ приступилъ къ разсмотрѣнію того же вопроса. Припомнимъ, что по норвежской конституціи королевское вето сохраняетъ силу только два раза, а если третій стортингъ подтверждаетъ тотъ-же проектъ, то онъ становится закономъ.

слѣдующему парламенту), и послѣ того, какъ вновь будетъ вотированъ (одинъ разъ, или въ другихъ конституціяхъ—два раза), получаетъ силу закона и безъ утвержденія правителя. *Абсолютное* вето (veto absolu)—право главы государства на рѣшительное участіе въ законодательствѣ: при его veto (т. е. безъ его согласія) законъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться.

Король чувствовалъ всю важность минуты—ему грозилъ двойной ударъ: если проектъ будетъ въ третій разъ подтвержденъ, то окажется незначительность королевского авторитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ проведена будетъ новая рѣзкая черта различія съ Швеціей. Король употребилъ всѣ усилія для убѣжденія стортинга. Онъ лично прибылъ въ Христіанію, объявилъ, что соглашается на отмѣну всѣхъ тѣхъ прерогативъ дворянства, которыя почитаются противными общему благу, просилъ, грозилъ, даже придвинулъ шведскую армію къ границамъ,—все было напрасно: стортингъ почти единогласно (за исключеніемъ трехъ голосовъ) объявилъ уничтоженіе не только преимуществъ, но и самаго имени дворянства,—и рѣшеніе получило силу закона.

Норвегія показала, что для прочнаго соединенія Скандинавіи не она пойдетъ назадъ, а Швеціи должно идти впередъ по пути политическаго прогреса. Шведскій сеймъ, принявши наконецъ въ послѣднее время королевское предложеніе о свободѣ вѣроисповѣданій, подаетъ надежды на дальнѣйшее движеніе согласно духу времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ и на сближеніе съ Норвегіей. Понятно однако, что король не можетъ тѣсно соединится съ тѣмъ государствомъ, которое даетъ ему только власть президента республики, и считаетъ себя преимущественно государемъ шведскимъ, потомъ что авторитетъ его поставленъ шведской конституціей высоко, хотя онъ и не сочувствуетъ многимъ ея постановленіямъ.

IV.

ДАНІЯ.

Фридрихъ VII.—Конституція 1849 года.—Содержаніе короля. — Составъ обоихъ тинговъ —Отсрочка и роспускъ парламентовъ.—Смѣшанная комиссія обѣихъ камеръ.—Права тинга.– Личная свобода.—Голштинскій вопросъ. Измѣненія въ конституціи.

Мы видѣли, какое могущественное и плодотворное значеніе имѣли идеи французксія для Норвегіи. Тоже самое мы

встрѣчаемъ и въ Даніи. Примѣръ этого государства еще болѣе поучителенъ, нежели Норвегіи, потому что Данія обязана своей конституціей не внѣшнимъ обстоятельствамъ,—утвержденіе ея не было навязано, а она была свободнымъ актомъ короля и народа.

Недавно умершій король Фридрихъ VII получилъ отъ своихъ предковъ неограниченную власть. Въ 1799 г. былъ изданъ ужасный законъ, по которому подвергался смертной казни тотъ, кто въ печатномъ сочиненіи осмѣлился бы совѣтывать измѣненіе неограниченной формы правленія; вѣчной каторжной работѣ—кто рѣшился бы порицать способъ управленія государствомъ или какой-либо актъ правительства. И вотъ Фридрихъ VII на второмъ году своего (1849) царствованія даетъ народу конституцію самую либеральную, самую мудрую, по образцу французской 1789—1791 годовъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе широкую. Результатомъ этого великаго, безпримѣрнаго акта было такое сильное развитіе націи, что она выдержала побѣдоносно борьбу съ Германіей, пріобрѣла симпатію великихъ западныхъ державъ и, не смотря на трудныя внѣшнія испытанія, достигла высокаго процвѣтанія въ политическомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ *).

Король управляетъ черезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ. Отвѣтственность министровъ опредѣлена весьма строго. Парламентъ имѣетъ право предать ихъ верховному суду и требовать отъ нихъ отчета въ управленіи; король можетъ давать помилованіе обвиненнымъ министрамъ не иначе, какъ съ согласія парламента **).

Всего лучше показываетъ великодушіе короля щекотливая статья о содержаніи его и его фамиліи (liste civile). Король предложилъ, и парламентъ утвердилъ на содержа-

*) Текстъ Датской конституціи приложенъ между прочимъ къ сочиненію Жефруа: Hist. des Etats Scandinaves, 1851.

**) Въ 1856 году всѣ министры отданы были подъ судъ парламентомъ за то, что безъ его именнаго разрѣшенія произвели нѣсколько оборонительныхъ сооруженій, по случаю пребыванія англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

ніе всей королевской фамиліи ежегодно всего 400,000 р. сер. (300 т. рейхсталеровъ)! Притомъ принцъ, или принцесса, если будутъ жить за-границей, то получаютъ содержаніе только по особому разрѣшенію парламента. Дворцы, земли, музеи и театры, которые до конституціи считались частной собственностью короля, объявлены государственной; король и его семейство пользуются ими, но съ обязательствомъ вознаграждать государство за порчу; даже старинное право охоты, столь дорогое въ феодальное время, ограничено: король имѣетъ право охотиться въ казенныхъ лѣсахъ, но долженъ платить за убитую дичь. И всѣ эти ограниченія, это скромное содержаніе (составляющее $^1/_{24}$ государственныхъ доходовъ) назначено самимъ королемъ!

Парламентъ состоитъ изъ двухъ камеръ (тинговъ): Volks-thing и Lands-thing. Обѣ эти палаты состоятъ изъ выборныхъ на срокъ членовъ, и право избирать въ первую и во вторую въ одинаковой степени принадлежитъ всѣмъ датчанамъ безъ всякихъ условій ценза *). Разница состоитъ только въ томъ, что въ члены первой палаты (Lands-thing) можетъ быть избранъ только тотъ, кто имѣетъ ежегоднаго доходу 1,600 р. с., или платитъ 270 р. с. прямыхъ налоговъ; и притомъ избираніе въ Lands-thing происходитъ на двухъ степеняхъ (т. е. сначала выбираются избиратели, которые избираютъ представителей), а въ Volks-thing—прямые. По этому Lands-thing никакъ нельзя назвать палатой перовъ, это таже палата депутатовъ, только менѣе демократическаго происхожденія.

Число членовъ въ народной камерѣ (Volks-thing) опредѣляется по количеству народонаселенія, именно, одинъ депу-

*) Право избирательства ограничено весьма немногими исключеніями. Не могутъ быть избирателями: находящіеся въ домашнемъ услуженіи, нищіе, лица, имущество которыхъ находится подъ опекой, не-прожившіе года въ той общинѣ, гдѣ они находятся во время выборовъ. Отъ избирателя требуется возрастъ не моложе 30 лѣтъ,—но депутатомъ въ Volks-thing можетъ быть избранъ гражданинъ двадцатипяти-лѣтняго возраста; членъ ландсинга долженъ быть не моложе 41 года.

татъ съ 14,000 душъ,—ландсъ-тингъ заключаетъ вдвое меньшее число членовъ противъ фолксъ-тинга; въ послѣдній члены избираются на три года, въ первый на 8 лѣтъ,—и притомъ ландсъ-тингъ возобновляется не интегрально, а по частямъ—каждые два года выбываетъ четверть членовъ.

Тингъ засѣдаетъ обыкновенно два мѣсяца въ году,—но король можетъ продолжить засѣданія. Если король не созываетъ тинга, *то онъ самъ собою собирается* въ первый понедѣльникъ октября мѣсяца. Право чрезвычайно важное! Если король распуститъ *) тингъ, то обязанъ собирать его

*) Въ конституціонномъ правѣ слова—отсрочка (ajournement), и распущеніе (dissolution) парламента имѣютъ большое различіе. Отсрочить—значитъ только отложить на нѣкоторое время засѣданія парламента; это дѣлается или само-собою, когда для засѣданій парламента назначается опредѣленное число времени въ году, или по власти, предоставленной главѣ государства: онъ можетъ послѣ сбора парламента предложить ему разойтись на нѣкоторое время,—если напримѣръ не приготовлены дѣла для его разсмотрѣнія, или какія нибудь особыя обстоятельства мѣшаютъ занятіямъ парламента, напримѣръ: война, моровая язва и проч. Сюда же относится право правительства—*продолжать* (proroger, prorogation) засѣданія парламента сверхъ назначеннаго по конституціи срока, если скопилось столько дѣлъ, что парламентъ не справится въ положенное время, или если подъ конецъ его засѣданій встрѣтились такіе важные вопросы, разрѣшеніе которыхъ правительство не желаетъ отлагать до слѣдующаго собранія. *Распущеніе* парламента—есть актъ, по которому парламентъ оканчиваетъ свое существованіе, и объявляются новые выборы, слѣдовательно явится новый парламентъ, хотя очень можетъ быть (и бываетъ), что не только большинство, но и всѣ члены прежняго вновь будутъ избраны. Распущеніе происходитъ по закону, когда истекъ срокъ, на который по конституціи избираются депутаты,—одинъ, два, три года, или и болѣе. Мы говорили, что чѣмъ болѣе демократическаго начала въ конституціи, тѣмъ сроки эти короче. Кромѣ того распущеніе бываетъ и до истеченія срока по королевской власти; хотя бы парламентъ засѣдалъ одинъ день, король можетъ распустить его, и тогда назначаются новые выборы, слѣдовательно является новый парламентъ. Это важное право предоставлено государю во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ,—за исключеніемъ Норвегіи, которая и въ этомъ отношеніи составляетъ республику, потому что глава государства хотя и называется королемъ, но имѣетъ власти не болѣе президента республики. Право короля распускать парламентъ считается полезнымъ для страны, если имъ пользуются умѣренно и не для личнаго каприза. Въ самомъ дѣлѣ, депутаты избираются на нѣсколько лѣтъ; въ это время мнѣніе націи можетъ измѣниться, могутъ явиться такіе вопросы, о которыхъ и не предполагали во время избранія депутатовъ,—словомъ палата можетъ

вновь не позже, какъ черезъ два мѣсяца; если онъ по обстоятельствамъ прервет засѣданія тинга, то опять долженъ созывать его въ самомъ скоромъ времени, не позже двухъ мѣсяцевъ, въ противномъ случаѣ тингъ собирается и безъ его призыва. Правомъ отсрочки король можетъ пользоваться только разъ въ году. Король можетъ собирать и чрезвычайныя засѣданія тинга, т. е. сверхъ положеннаго въ году времени. Тингъ неприкосновененъ. «Кто покусится, говоритъ 47 статья, противъ безопасности и свободы тинга, дастъ, или исполнитъ приказаніе такого рода, тотъ дѣлается виновнымъ въ государственной измѣнѣ».

Каждый членъ тинга имѣетъ право законодательной инициативы; тоже самое принадлежитъ королю. Если онъ принятъ одной палатой и отвергнутъ другой, то не можетъ быть болѣе представленъ на разсмотрѣніе въ томъ же году *). Король пользуются правомъ абсолютнаго вето **). Палатамъ

разойтись съ мнѣніемъ націи, депутаты будутъ представлять только самихъ себя, а не народъ, и парализировать такія предложенія и мѣры правительства, которыя направлены для блага страны и которымъ она вполнѣ сочувствуетъ. Этой великой опасности избѣгаетъ страна предоставленіемъ государю права распустить парламентъ. Роспускъ имѣетъ поэтому значеніе воззванія къ націи. Правительство какъ-бы говоритъ: „я считаю полезнымъ для страны такой-то законъ, такую-то мѣру, и думаю, что народъ того же мнѣнія, а парламентъ убѣжденъ въ противномъ,—рѣшите, кто изъ насъ правъ?„ Если нація изберетъ вновь тѣхъ же депутатовъ,—стало-быть правительство ошиблось въ ея дѣйствительныхъ чувствахъ, и должно слѣдовать по тому пути, по которому идетъ парламентъ; въ противномъ случаѣ мнѣніе правительства оправдывается и его мѣры получаютъ успѣхъ. Конечно, необходимо подчинить это право строгимъ ограниченіямъ: иначе страна будетъ постоянно въ напряженномъ состояніи.

*) Замѣтимъ одну умную комбинацію датской конституціи съ цѣлью приводитъ обѣ палаты по возможности къ соглашенію. Если одна палата представляетъ законъ, другая можетъ дѣлать измѣненія въ проектѣ и препровождать его вновь на разсмотрѣніе первой; если онѣ не сходятся во мнѣніяхъ, то наряжается смѣшанная комиссія изъ членовъ обѣихъ палатъ; она вырабатываетъ мнѣніе, и представляетъ его на балотировку обѣихъ палатъ, которыя не могутъ болѣе дѣлать измѣненій, а должны принять или отвергнуть.

Данія приняла правило, постановленное конституціей 1789—1791 годовъ существующее и теперь въ англійскомъ парламентѣ, о томъ, что вотированіе проекта закона начинается только послѣ трехъ разсужденій.

**) Абсолютное вето (veto absolu)—безусловное право короля не про-

принадлежитъ также право представлять адресы королю.

Кромѣ общихъ правъ парламента вотировать законы и налоги, тингъ обладаетъ еще слѣдующими: безъ его согласія не можетъ быть произведенъ рекрутскій наборъ, или другими способами набранъ военный отрядъ; онъ имѣетъ главный контроль надъ финансами, назначаетъ комиссаровъ (каждая камера одного), ему одному подчиненныхъ и отъ него получающихъ жалованье, которые ревизуютъ счетныя государственныя книги и представляютъ ему подробный рапортъ; король можетъ заключать трактаты, но если по нимъ налагается на государство какое либо обязательство, то они недѣйствительны безъ согласія тинга: всѣ правительственныя мѣста и лица по требованію тинга должны представлять ему документы и объясненія, и лично являться для словесныхъ объясненій.

Начала свободы и равенства получили по датской конституціи самое широкое приложеніе въ опредѣленіи правъ гражданина. Не только сословныя права, но даже *титулы* и ранги отмѣнены. Чтобъ доставить полное торжество началу равенства, конституція (ст. 98) доходитъ до самаго

пустить проекта закона, хотя бы и вотированнаго обѣими палатами; другими словами, что законъ не можетъ состояться безъ королевскаго утвержденія. Такимъ правомъ пользуются короли во всѣхъ парламентарныхъ государствахъ, и оно считается необходимой прерогативой королевской власти. Другое вето отлагательное—(veto suspensif), по которому исполнительная власть можетъ только пріостановить на время исполненіе закона, обративши его въ палаты на новое разсмотрѣніе, съ своими замѣчаніями; парламентъ или соглашается съ мнѣніемъ исполнительной власти, или остается при своемъ прежнемъ,—но въ послѣднемъ случаѣ требуется обыкновенно не простое большинство голосовъ, а усиленное (двухъ третей), и тогда проектъ получаетъ силу закона и безъ утвержденія исполнительной власти. Ясно, что по этому началу парламентъ обладаетъ полной законодательной властью. Оттого оно считается началомъ республиканскимъ. Но мы видѣли, что оно существуетъ и въ норвежской конституціи (не говоря уже о французской 1789—1791 года). Впрочемъ, норвежская конституція весьма благоразумно даетъ отлагательному вето короля большую силу: безъ его согласія законъ можетъ пройдти только тогда, когда онъ былъ принятъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ послѣдовательно тремя стортингами, и послѣднимъ по большинству двухъ-третей голосовъ. При такой мѣрѣ ясно, что только законъ крайне полезный для страны можетъ пройдти безъ утвержденія короля, и необдуманнаго рѣшенія быть не можетъ.

коріия, до права наслѣдства: она запрещаетъ майораты, лены, фидеикомисы, и принимаетъ мѣры къ обращенію существующихъ въ свободную собственность. Право ассоціацій, митинговъ и свободы книгопечатанія вполнѣ гарантировано: «граждане имѣютъ право составлять ассоціаціи, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія, съ цѣлью, не противной законамъ. Правительство можетъ только на время пріостановить дѣйствія какой-либо ассоціаціи, но закрыть ее можно только вслѣдствіе судебнаго приговора» (ст. 92). «Граждане имѣютъ право собираться безъ оружія. Полиція имѣетъ право присутствовать при этихъ собраніяхъ. Собранія на открытомъ воздухѣ могутъ быть запрещаемы, если отъ нихъ можетъ произойти опасность для общественнаго порядка (ст. 93). «Во время бунта войско, если на него не нападаютъ, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ послѣ троекратнаго убѣжденія толпы разойтись во имя короля и закона» (ст. 94).

Далѣе, каждый гражданинъ долженъ быть представленъ судьямъ втеченіи двадцати четырехъ часовъ послѣ арестованія. Судья рѣшаетъ мотивированнымъ приговоромъ, долженъ ли онъ оставаться подъ арестомъ, или отпущенъ на поруки; на такое рѣшеніе допускается немедленная апелляція. И притомъ не допускается предварительный арестъ, если гражданинъ обвиняется въ такомъ проступкѣ, за который по закону полагается наказаніе не свыше тюремнаго заключенія. Жилище неприкосновенно; обыскъ можетъ быть произведенъ только по приговору судьи.

Наконецъ замѣтимъ, что датская конституція единственная въ мірѣ, которая признаетъ *право гражданина на помощь со стороны государства:* «гражданинъ, который не въ состояніи прокормить себя и свою семью, имѣетъ право на вспомоществованіе со стороны общины съ тѣмъ, что онъ подвергается всѣмъ обязательствамъ, опредѣленнымъ закономъ относительно этого предмета.—Дѣти, родители которыхъ не въ состояніи доставить имъ воспитанія, получаютъ даровое образованіе въ общественныхъ школахъ.»

Конституція ввела присяжныхъ и безсмѣнность судейскаго сословія. Впрочемъ, по примѣру Франціи, признано, что послѣ шестидесяти-пяти лѣтняго возраста судья можетъ быть увольняемъ въ отставку, но съ пенсіономъ полнаго оклада жалованья.

—

Датское королевство заключаетъ въ себѣ одну область, составляющую часть германскаго союза — Голштинію, и другую, спорную, на которую нѣмцы представляютъ свои права — Шлезвигъ. Германская народность взволновалась противъ датской монархіи... за ея превосходную конституцію. Нѣмецкое дворянство въ Голштиніи, которое молчало во время неограниченнаго правленія, взволновалось, когда ему пришлось жить подъ конституціей, не признающей не только Rittergut съ его феодальными правами, не только невыдѣляющей для дворянства особой камеры и скамей въ національномъ представительствѣ, — но даже уничтожающей титулы, привилегіи, майораты. Этого не могло снести благородное германское дворянство, и нашло себѣ симпатію и въ Пруссіи, и въ Австріи, и въ Баваріи. Германскія государства, Пруссія и Австрія, которыя не даютъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ областямъ славянскимъ и венгерскимъ, не входящимъ въ составъ союза, громко провозгласили теорію, что нѣмецкая народность должна пользоваться полной отдѣльностью и независимостью въ не-нѣмецкихъ государствахъ, и поэтому потребовали, чтобы датскій король далъ Голштиніи и Шлезвигу особую конституцію, особую армію, особое правленіе, словомъ совершенно разорвалъ бы свою небольшую монархію *). Датскій король соглашался дать Голштиніи особое управленіе, но объявилъ, что не имѣетъ ни права, ни желанія, ни возможности расторгнуть союзъ Шлезвига съ Даніей и ввести его въ германскій союзъ **).

*) Населеніе датскаго государства простирается до 2,600,000. Изъ нихъ: въ колоніяхъ 122,000, въ собственной Даніи 1,500,000, въ Шлезвигѣ 400,000, Голштиніи 524,000, Лауенбургѣ 50,000, — такимъ образомъ герцогства составляютъ $^2/_5$ европейскаго населенія.

**) Шлезвигъ никогда не составлялъ части германской имперіи, Эйдеръ

Дворянство успѣло обмануть горожанъ и часть народа; Пруссія, которая въ это время не только не давала польской національности въ Познани гражданскаго бытія, но и хотѣла ее присоединить къ Германіи,—эта самая Пруссія явилась ревностной поборницей феодально-голштинскихъ стремленій. Не смотря на то, датчане храбро вели войну, разбили противниковъ въ двухъ кампаніяхъ и въ 1851 году Пруссія и остальная Германія отступились отъ Голштиніи; послѣ этого Даніи оставалось вести только дипломатическую борьбу съ германскимъ сеймомъ, и она здѣсь имѣла также полный успѣхъ: десять лѣтъ она подчивала сеймъ всякаго наименованія нотами.

Въ такомъ положеніи засталъ Данію роковой для нея 1864 годъ. Король Фридрихъ рѣшился покончить съ нѣмецкими притязаніями на Шлезвигъ полнымъ включеніемъ его въ составъ Даніи. Германскій сеймъ объявилъ, что назначитъ союзную экзекуцію. Среди такихъ важныхъ обстоятельствъ 15 ноября 1863 г. скончался король Фридрихъ бездѣтнымъ. Законы о престолонаслѣдіи различны въ собственной Даніи и въ Шлезвигъ - Голштиніи. Поэтому великія державы, желая предохранить Данію отъ раздробленія, еще въ 1851 году утвердили принца Христіана Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго, ближайшаго родственника Датскаго королевскаго дома, наслѣд-

былъ ея границей (Eudora romani terminus imperii); только $^1/_3$ его населенія состоитъ изъ нѣмцевъ, поселившихся не раньше XIV вѣка. Эти два герцогства до XVII вѣка принадлежали даже различнымъ линіямъ датскаго королевскаго дома. Не смотря на это, коллегія кильскихъ профессоровъ отыскала какую-то грамоту Христіана I (1460 года), по которой оба герцогства должны быть всегда соединены вмѣстѣ. Даже передъ революціей 1848 года все единство Голштиніи и Шлезвига состояло въ томъ, что у нихъ были общія учрежденія для глухо-нѣмыхъ и сумасшедшихъ. Это не помѣшало нѣмцамъ смѣшать Шлезвигъ съ Голштейномъ, а ихъ поэты кажется даже и Ютландію включили въ Германію, какъ показываетъ ихъ національная пѣсня:

Schleswig-Holstein, meerumschlungen (?),
Deutscher-Sitte hohe Wacht!
Schleswig-Holstein, stammverwandt!
Wanke nicht, mein Vaterland!

никомъ всей Датской монархіи, такъ какъ Принцъ Аугустенбургскій, имѣвшій ближайшее право на наслѣдство Голштиніи поступился имъ за значительное денежное вознагражденіе. Но едва скончался Фридрихъ и Христіанъ вступилъ на престолъ, какъ на Данію обрушилась гроза. Принцъ Фридрихъ Аугустенбургскій, сынъ отрекшагося, провозгласилъ себя герцогомъ Шлезвига и Голштиніи. Германскій сеймъ послалъ саксонскія и ганноверскія войска въ Голштинію. Противъ этого Данія могла бы еще устоять. Но явилась неожиданно новая гроза. Пруссія, которая также подписала лондонскую конвенцію о нераздѣльности Датской монархіи, управляемая Бисмаркомъ, желавшимъ утвержденія морскаго могущества своего отечества, привлекла въ союзъ съ собою Австрію, и двинула сильную армію въ Шлезвигъ. Противъ такихъ грозныхъ силъ не могла устоять маленькая Данія, покинутая всей Европой. Послѣ геройскаго сопротивленія Данія должна была отказаться отъ Голштиніи, Лауенбурга и Шлезвига въ пользу Пруссіи и Австріи. Но и Германія, и Шлезвигъ - Голштинія также проиграли. Пруссія рѣзко поступила съ второстепенными державами, войска которыхъ занимали герцогства, и заставила сеймъ отозвать ихъ, откладываетъ разсмотрѣніе правъ претендентовъ и, какъ видно, намѣрена присоединить герцогства къ себѣ. Такой ходъ дѣлъ грозитъ общимъ потрясеніемъ Европы. Ни интересы Россіи, ни интересы Англіи не могутъ допустить такого расширенія Пруссіи. И можетъ быть для Даніи настанутъ лучшія времена, чего вполнѣ достойна эта превосходная нація. Русскій не можетъ и не долженъ забыть того, что съ древнѣйшихъ временъ Данія была всегда другомъ Россіи, что Данія всегда защищала тѣ начала морскаго права, которыя провозглашены актомъ вооруженнаго нейтралитета, что она пострадала за нихъ отъ Англіи, что она всегда желала, какъ стражъ Зунда, охранять военную замкнутость балтійскаго моря, наконецъ что она была оплотомъ противъ усиленія на балтійскомъ морѣ нѣмецкаго могущества.

Событія послѣдняго времени имѣли вліяніе и на кон-

ституцію Даніи. Риксрадъ утвердилъ 13 ноября 1863 года новую конституцію, общую для собственной Даніи и Шлезвига. Съ отдѣленіемъ Шлезвига риксрадъ опять сдѣлался парламентомъ только собственной Даніи, поэтому потребовались измѣненія въ бывшей общей (для Даніи и Шлезвига) конституціи. Притомъ такъ какъ борьба, кончившаяся такъ несчастно, хотя далеко не безславно для Даніи, была ведена преимущественно демократической партіей, то проектъ новаго измѣненія конституціи имѣетъ характеръ, покрайней мѣрѣ сравнительно, консервативный. По послѣднимъ извѣстіямъ отъ начала декабря 1864 года этотъ проектъ принятъ уже фолкстингомъ. *)—

Многіе полагали, что послѣ отдѣленія герцогствъ Данія будетъ слишкомъ слаба для отдѣльнаго государства, и вступитъ въ союзъ съ Швеціей подобно Норвегіи. Въ трехъ королевствахъ дѣйствительно существуетъ партія панскандинавистовъ. Но событія показали, что она несильна. Въ Швеціи господствующая партія не желаетъ соединенія, находя его невыгоднымъ, ибо оно вовлекло бы ее въ сложныя политическія отношенія континента и въ результатѣ уменшило бы ея безопасность. Данія съ своей стороны не согласна быть провинціей Швеціи, а желала бы соединенія вполнѣ равнаго. Отсюда произошло охлажденіе между двумя правительствами и нейтралитетъ Швеціи во время послѣдней войны.

*) Парламентъ общій для Даніи и герцогствъ назывался риксратомъ, а собственно датскій риксдагомъ. Риксратъ былъ менѣе демократическаго характера въ сравненіи съ риксдагомъ.

Политическое, административное и судебное устроиство Финляндіи *).

Связь устройства Финляндіи съ шведскимъ.—Отношеніе Финляндіи къ Россіи.—Манифестъ 1809 и 1816 годовъ.—Сеймъ въ Борго.—Составъ финляндскаго сейма. — Сенатъ. — Генералъ-Губернаторъ. — Сенатскій прокуроръ.—Министръ статсъ-секретарь —Судебное устройство.—Военное устройство.—Личныя права.—Манифестъ 29 марта (10 апрѣля) 1861 года.—Сеймовая коммиссія 1862 г.—Сеймъ 1863 г.

Шведскія учрежденія имѣютъ пунктъ соприкосновенія съ Россіей. Финляндія, которая до 1809 года составляла втеченіи многихъ столѣтій часть шведскаго королевства, и въ которой шведская цивилизація пустила глубокіе корни, была присоединена къ Россіи. Хотя присоединеніе это совершилось вслѣдствіе факта завоеванія, императоръ Александръ I подтвердилъ старинную шведскую конституцію,

*) Законы финляндскіе—гражданскіе, уголовные и политическіе остались такими, какими установлены на шведскомъ сеймѣ 1734 года, — послѣдніе съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Они изданы были въ русскомъ переводѣ (вмѣстѣ съ шведскимъ текстомъ) въ 1824 г. подъ заглавіемъ: „Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи, Спб. 1824 г. въ типографіи Греча.“ Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены законы гражданскіе, уголовные и законы о судопроизводствѣ. Законы эти, не смотря на все ихъ достоинство, во многомъ устарѣли, особенно уголовные, что естественно должно было произойти вслѣдствіе неизмѣнности втеченіи ста тридцати лѣтъ. Для примѣра укажемъ на статью, по которой опредѣлена смертная казнь за колдовство!—Во второмъ томѣ помѣщены: вексельный уставъ, уставъ о наемныхъ слугахъ (очень любопытный), и главное—указы и манифесты Императора Александра I съ 1809 по 1823 годъ, касающіеся устройства Финляндіи и ея отношеній къ Россіи.

гражданскіе и уголовные законы страны *), и съ согласія сейма, созваннаго въ Борго, даровалъ ей нѣкоторыя новыя административныя учрежденія, и опредѣлилъ ея отношенія къ русскому государю. Отношенія, въ которыя поставлена Финляндія, представляютъ рѣдкій примѣръ великодушія побѣдителя. Финляндія не есть страна, находящаяся въ личномъ соединеніи (т. е. только подъ властью одного монарха) съ Россіей, или на основаніи европейскихъ трактатовъ, какъ Польша. Она по праву есть провинція, принадлежность Россіи, стоящая внѣ международнаго права. Но тѣмъ не менѣе автономія ея очень велика, болѣе нежели многихъ государствъ, присоединенныхъ на личномъ началѣ. Финляндія сохранила свою конституцію, свои гражданскіе и уголовные законы, особое войско, финансы,—и даже имѣетъ особое консульское представительство въ русскихъ портахъ. Она не имѣетъ съ имперіей ни одного общаго учрежденія, даже государственный совѣтъ, общій для имперіи и царства Польскаго, не распространяетъ своего дѣйствія на великое княжество. Александръ I сдѣлалъ еще болѣе: ту часть Финляндіи, которая составляла рускую провинцію съ временъ Петра I и Елисаветы (Выборгская, впослѣдствіи Финляндская губернія), присоединилъ къ великому княжеству. (Манифестъ 11 декабря 1811 года).

Старинная конституція шведская была утверждена ей манифестомъ 15 марта 1809 года; впослѣдствіи для управленія великимъ княжествомъ учрежденъ на основаніяхъ, при-

*) Единственныя сочиненія на русскомъ языкѣ о финляндскихъ законяхъ изданы въ Гельсингфорсѣ Бирьеромъ Лундалемъ, сенатскимъ переводчикомъ,—одно въ 1852 г., подъ заглавіемъ: „Изображеніе порядка судопроизводства въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи,“—другое въ 1857 г., „Руководство къ законамъ Великаго Княжества Финляндіи,“ въ которомъ довольно обстоятельно изложены государственныя учрежденія. Всѣ юридическія сочиненія, относящіяся къ шведскому и финляндскому праву, написаны на мало извѣстномъ шведскомъ языкѣ, и къ сожалѣнію переводовъ нѣтъ даже въ нѣмецкой литературѣ. Шведы гордятся своимъ языкомъ и учрежденіями, и не знакомятъ другіе народы съ своей юридической литературой. Этотъ, пожалуй, недостатокъ,—пожалуй достоинство,—заимствовали у нихъ и финляндцы.

нятыхъ боргскимъ сеймомъ 1809 года, правительственный совѣтъ, переименованный въ 1861 году въ императорскій финляндскій сенатъ, и во главѣ управленія поставленъ генералъ-губернаторъ, обязанности котораго опредѣлены инструкціей 31 января 1811 года.

Манифестъ 15 марта 1809 года не опредѣляетъ, а въ общихъ выраженіяхъ подтверждаетъ государственныя права Финляндіи: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и неприложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15 дня 1809 года» *).

Престолъ Финляндіи нераздѣленъ съ Россійскимъ. Императоръ носитъ титулъ великаго князя Финляндіи (Storfuste till Finland); ему принадлежитъ верховная правительственная власть, онъ дѣлаетъ по представленію сената объясненія и дополненія къ законамъ, утверждаетъ, также по представленію сената, ежегодный бюджетъ. Въ высшихъ законодательныхъ дѣлахъ монархъ созываетъ сеймъ; мнѣніе сейма, утвержденное государемъ, получаетъ силу закона.

*) Такого же содержанія манифесты изданы были императорами Николаемъ 1-мъ и Александромъ II-мъ. Въ манифестѣ 1816 года (о переименованіи совѣта въ сенатъ) находятся между прочимъ слѣдующія выраженія: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому финляндскому согражданину правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами и учредили особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Сената„ и т. д.

Сеймъ (Landtag, Riksdag) состоитъ, какъ и въ Швеціи, изъ представителей четырехъ сословій: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ; депутаты въ общемъ составѣ называются государственными чинами (Ständer). Составъ каждой камеры и порядокъ рѣшеній тотъ же, что въ прежнихъ и въ настоящей шведскихъ конституціяхъ.

Дворянство состоитъ изъ родовъ (Atter), внесенныхъ въ метрики «финляндскаго рыцарскаго дома» (Riddarhus), и раздѣляется на три класса: 1. Господскій классъ (Herreklassen): графскіе и баронскіе роды. 2. Древніе роды (и также тѣ, родоначальники которыхъ были членами государственнаго совѣта, или командорами орденовъ Сѣверной Звѣзды или Меча.) или рыцарство. 3. Пажескій классъ (Srvenneklassen)—прочіе роды, внесенные въ метрику. Глава каждаго рода имѣетъ право присутствія на сеймѣ. Но при рѣшеніи не все сословіе дворянства вотируетъ вмѣстѣ, а каждый классъ имѣетъ одинъ куріатскій голосъ, и согласіе двухъ классовъ считается за согласіе всего дворянскаго сословія. Предсѣдатель дворянской камеры (Taleman), назначаемый государемъ, есть, какъ и въ Швеціи, глава всего собранія государственныхъ чиновъ (Landtmarskalk).

Духовенство состоитъ не изъ одного собственно духовнаго сословія (Prestaständet), но вмѣстѣ и изъ ученаго (Läroständet). Оно представляется на сеймѣ епископами господствующей (евангелической) церкви и выборными отъ пробстскихъ округовъ (благочиній). Предсѣдатель его — архіепископъ Абоскій.

Камера горожанъ состоитъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ безъ изъятія.

Камера крестьянъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ по одному съ каждаго уѣзда изъ числа крестьянъ землевладѣльцевъ, или имѣющихъ участки казенные или оброчные. Предводители двухъ послѣднихъ сословій назначаются императоромъ.

Для составленія сеймоваго рѣшенія достаточно согласія трехъ сословій; но по вопросамъ объ измѣненіи основныхъ

законовъ, правъ сословій, набора войска и наложенія новыхъ податей требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій.

Срокъ для созванія сейма не опредѣленъ, потому что такъ было по шведской конституціи 1772 года, дѣйствовавшей до присоединенія Финляндіи *).

Верховное правительственное и судебное мѣсто Финляндіи—императорскій сенатъ, засѣдающій въ ея столицѣ—Гельсингфорсѣ. Сенатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ четырнадцати членовъ, назначаемыхъ государемъ изъ дворянъ и изъ недворянъ на три года,—но по истеченіи этого времени отъ воли государя зависитъ оставить членовъ въ ихъ должностяхъ. Въ уставѣ сената сказано, что болѣе полезнымъ будетъ перемѣнять по прошествіи трехъ лѣтъ часть членовъ. Кандидаты на мѣста сенаторовъ представляются самимъ сенатомъ.

Сенатъ раздѣляется на два департамента: судебный (Justitie-Departement) и хозяйственный (Ekonomie Departement) для дѣлъ административныхъ, финансовыхъ, общественнаго призрѣнія, по части цензурной, путей сообщенія и почтовой. Управленіе государственными имуществами и надзоръ за банкомъ также принадлежитъ къ вѣдомству этого департамента. Часть духовная и учебная также подчинена ему,—для ближайшаго завѣдыванія ею учреждена при департаментѣ духовная экспедиція (Ecklesiastik-Expeditionen). Кромѣ ея, для приготовленія дѣлъ находится еще три экспедиціи, каждая подъ начальствомъ одного изъ сенаторовъ, именно: канцелярская, финансовая, камерно-счетная. Хозяйственный департаментъ представляетъ государю проектъ бюджета; онъ наблюдаетъ за правильнымъ расходомъ суммъ, и сверхъ бюджета можетъ ассигновывать суммы не свыше тысячи рублей.

Судебный департаментъ сената есть верховный ревизіонный судъ великаго княжества. Только рѣшенія о пре-

*) Финляндскій сеймъ былъ собранъ только два раза—въ 1809 и 1863 г. Государь и безъ созванія сейма можетъ издавать постановленія по части хозяйственной и административной и въ случаѣ непріятельскаго нападенія производить наборъ войска.

ступленіяхъ государственныхъ и тѣхъ уголовныхъ, за которыя слѣдуетъ смертная казнь, подносятся на высочайшее разсмотрѣніе. Министерскихъ учрежденій не существуетъ въ Финляндіи, поэтому департаменты сената назначаютъ всѣхъ чиновниковъ по судебной и административной частямъ, кромѣ, разумѣется, тѣхъ высшихъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ высочайшей воли *).

Въ важныхъ случаяхъ оба департамента соединяются въ общее собраніе (plenum) подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Случаи эти слѣдующіе: 1, когда государю угодно истребовать мнѣніе общаго собранія по какому-либо дѣлу; 2, когда поступаетъ высочайшее повелѣніе, касающееся жителей края вообще; 3, для разсужденія о проектѣ поясненія закона.

Генералъ-губернаторъ, назначаемый государемъ императоромъ, есть главный начальникъ по административной и исполнительной части. Чрезъ него восходятъ на высочайшее усмотрѣніе опредѣленія сената, онъ получаетъ и препровождаетъ въ сенатъ высочайшіе рескрипты. Онъ главный начальникъ полиціи, блюдетъ за внѣшней безопасностью и внутреннимъ порядкомъ страны. Вмѣстѣ съ хозяйственнымъ департаментомъ сената, онъ наблюдаетъ за казначействами и губернскими правленіями. Генералъ-губернаторъ ежегодно объѣзжаетъ всю Финляндію въ сопровожденіи одного члена и прокурора сената, и ревизуетъ судебныя и административныя мѣста,—виновныхъ въ злоупотребленіяхъ предаетъ суду.

Генералъ-губернаторъ предсѣдательствуетъ и въ общемъ собраніи сената и, по усмотрѣнію, въ департаментахъ. Въ судебномъ департаментѣ онъ не подаетъ голоса, а только

*) Въ Финляндіи введена русская табель о рангахъ; всѣ должности выше восьмаго класса замѣщаются непосредственно государемъ императоромъ. Другія должности замѣщаются слѣдующимъ образомъ: когда открывается вакансія, то объявляется объ этомъ посредствомъ публикацій, и назначается срокъ для подачи прошеній въ то присутственное мѣсто, въ которомъ открылась вакансія; оно разсматриваетъ права и способности желающихъ и избираетъ трехъ кандидатовъ, которыхъ и представляетъ сенату,—а послѣдній и опредѣляетъ по своему усмотрѣнію одного изъ нихъ къ должности

наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ. Въ дѣлахъ, слѣдующихъ на высочайшее рѣшеніе, если генералъ-губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ сената, то прописываетъ въ представленіи свое мнѣніе. Въ тѣхъ же дѣлахъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ сената, несогласіе генералъ-губернатора не можетъ остановить исполненія,—но онъ можетъ представить государю свои замѣчанія объ опредѣленіяхъ сената.

При сенатѣ состоитъ прокуроръ съ весьма значительной властью. Если онъ усмотритъ, что сенатъ или генералъ-губернаторъ въ отправленіи своихъ должностей отступаютъ отъ закона и существующихъ постановленій, и если они оставятъ безъ вниманія слѣланное имъ объ этомъ представленіе,—то доноситъ обо всемъ государю.

Прокуроръ облеченъ властью министра юстиціи; ему представляются журналы о занятіяхъ судебныхъ мѣстъ, онъ представляетъ сенату о замѣченныхъ упущеніяхъ по судопроизводству. Но самыя важная часть прокурорской должности, равняющая его въ этомъ отношеніи съ шведскимъ государственнымъ фискаломъ, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ, по жалобамъ частныхъ лицъ, предавать суду всѣхъ чиновниковъ, виновныхъ въ злоупотребленіяхъ, не исключая и губернаторовъ,—послѣднихъ впрочемъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора; преслѣдованія такихъ обвиняемыхъ судебнымъ порядкомъ онъ поручаетъ публичному обвинителю.

Всѣ представленія сената и генералъ-губернатора представляются государю императору чрезъ министра статсъ-секретаря великаго княжества, пребывающаго въ Петербургѣ. Онъ составляетъ краткіе доклады на русскомъ языкѣ о представленіяхъ сената и генералъ-губернатора, и объявляетъ имъ высочайшее рѣшеніе. Губернское управленіе состоитъ изъ губернатора и подвѣдомственныхъ ему двухъ экспедицій: губернской канцеляріи (Lands-Kansliet) для дѣлъ исполнительныхъ и губернской конторы (Lands-Kontoret) для дѣлъ казенныхъ и финансовыхъ; первой управляетъ ландсъ-секретарь, второй ландсъ-камериръ.

Судебное устройство Финляндіи взято также изъ Швеціи. Первую степень суда занимаютъ герадскіе или уѣздные суды (Härads Rätt); такой судъ состоитъ изъ предсѣдателя и двѣнадцати засѣдателей; предсѣдатель назначается по представленію гофгерихта изъ трехъ кандидатовъ, получившихъ юридическое образованіе въ университетѣ, засѣдатели избираются поселянами на полгода. Засѣдатели не то, что западные присяжные: они близко похожи на тѣхъ выборныхъ, которые въ древней Росіи находились при судьѣ. Засѣдатели главнымъ образомъ должны доставлять судьѣ свѣдѣнія о личности обвиняемаго, о мѣстныхъ обычаяхъ и тому подобное. Въ рѣшеніи дѣла они имѣютъ слѣдующее значеніе: если всѣ двѣнадцать засѣдателей одного и того же мнѣнія, а судья другаго, то дѣло рѣшается по единогласному мнѣнію засѣдателей; если же они не пришли къ одному и тому же мнѣнію, то дѣло рѣшается по мнѣнію судьи.

Изъ герадскаго суда гражданскія дѣла переносятся по апелляціи въ губернскій лагманскій судъ (Lagmans-Ratt). Лагманскій судъ состоитъ также изъ предсѣдателя и двѣнадцати выборныхъ засѣдателей. Суды этихъ обѣихъ инстанцій засѣдаютъ временно, два раза въ годъ, и продолжаются столько времени, сколько потребуется для окончанія дѣлъ.

Высшую степень суда составляютъ гофъ-герихты, ихъ три: въ Або, Вазѣ и Выборгѣ. Въ гофъ-герихты поступаютъ гражданскія дѣла, по апелляціи изъ лагманскихъ судовъ, и всѣ уголовныя; они состоятъ изъ президентовъ, совѣтниковъ и ассесоровъ, назначаемыхъ государемъ изъ юристовъ; выборныхъ нѣтъ при гофъ-герихтахъ. Въ гофъ-герихтѣ производится полный и окончательный судъ; въ низшихъ судахъ дѣла преимущественно заявляются, немногія рѣшаются окончательно. Наконецъ верховный ревизіонный судъ великаго княжества есть судебный департаментъ сената. Замѣтимъ, что къ занятію судебныхъ должностей и къ адвокатурѣ допускаются только окончившіе курсъ на юридическомъ факультетѣ финляндскаго (гельсингфорскаго) уни-

верситета и кромѣ того еще разъ проэкзаменованные правительственной комиссіей.

Что касается до военной части, то Финляндія пользуется великою льготой: въ ней нѣтъ рекрутскихъ наборовъ, въ ней существуетъ только поселенная милиція. Военное постановленіе, принятое въ Швеціи на сеймѣ 1682 года, дѣйствуетъ до сихъ поръ въ княжествѣ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ земли раздѣляются на участки (rotor), землевладѣльцы каждаго участка должны поставлять одного солдата; для этого они берутъ охотниковъ, даютъ имъ участокъ земли и домъ, также снабжаютъ одеждой; офицеры также получаютъ вмѣсто денежнаго жалованья помѣстье; точно на такомъ же основаніи приморскіе округа поставляютъ матросовъ для флота. Такимъ образомъ Финляндія имѣетъ земское войско, неразрывно связанное съ страною. Эта прекрасная шведская система напоминаетъ во многомъ нашу до-петровскую.

Такъ какъ финляндскія крѣпости заняты русскими войсками, и кромѣ того въ ней расположено еще достаточное для охраненія порядка число русскихъ линейныхъ войскъ и казаковъ, то императорское правительство, желая дать отдыхъ Финляндіи послѣ военныхъ тягостей времени шведскаго владычества, не созывало подъ знамена поселеннаго войска до 1854 года; въ этомъ году, по случаю войны сформировано было изъ поселеннаго войска шесть стрѣлковыхъ батальоновъ. Въ настоящее время въ Финляндіи девять батальоновъ поселеннаго войска и кромѣ того небольшая эскадра и постоянный батальонъ стрѣлковъ, причисленный къ императорской гвардіи.

Всѣ сословія Финляндіи на основаніи конституціи и высочайшихъ манифестовъ пользуются личной свободой (крѣпостное право не существуетъ), правомъ имѣть поземельную собственность, правомъ свободы вѣры, т. е. домашняго и публичнаго богослуженія для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, равенствомъ на судѣ, правомъ не быть лишеннымъ жизни, чести и имущества иначе, какъ по судебному рѣшенію, и наконецъ правомъ экспатріаціи (пе-

реселенія въ другія государства). Дворянство и духовенство пользуются нѣкоторыми преимуществами предъ другими сословіями. Дворянинъ освобожденъ отъ подушной подати,—въ случаѣ преступленія онъ судится прямо въ гофъ-герихтѣ, только дворянинъ можетъ владѣть *обѣльными*, т. е. освобожденными отъ податей поземельными имуществами (allodial frälsejord.

Въ Финляндіи шведское населеніе составляетъ всего 1/10 общаго числа жителей; остальные, т. е. почти все населеніе, Финны—племя по своему характеру ближе сходящееся съ русскимъ, нежели съ шведскимъ. Тѣмъ не менѣе много-вѣковое господство шведовъ и ихъ цивилизація сдѣлали то, что шведскій языкъ признанъ оффиціальнымъ, шведскіе законы, наука и литература господствуютъ. Шведскій элементъ заслужилъ такое почетное мѣсто потому, что ему обязана страна цивилизаціей и гражданской свободой. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время началось въ литературѣ и общественной жизни національное финское движеніе, которое должно еще тѣснѣе соединить Финляндію съ Россіей, потому что для финскаго элемента скандинавскій языкъ и литература совершенно чужды. Съ другой стороны нельзя не замѣтить постояннаго увеличенія числа русскихъ переселенцевъ, привлекаемыхъ въ Финляндію ея общественными льготами.

Чрезъ 52 года послѣ перваго финляндскаго сейма—29 марта (10 апрѣля) 1861 года, послѣдовалъ Высочайшій манифестъ Императора Великаго Князя о созваніи выборной комиссіи. Въ манифестѣ вначалѣ сказано о необходимости созванія сейма для принятія законодательныхъ мѣръ къ преуспѣянію края; что правительство съ этой цѣлью поручило сенату Великаго Княжества вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ представить, какія изъ дѣлъ должны быть прежде всего разсмотрѣны. «И хотя, гласитъ манифестъ, созваніе государственныхъ чиновъ тотчасъ же по приуготовленіи этихъ дѣлъ болѣе всего согласовалось бы съ всегдашнимъ нашимъ сердечнымъ желаніемъ блага вѣрноподданнымъ финляндцамъ, однако другіе болѣе важные госу-

дарственные интересы, попеченіе о которыхъ Провидѣніе возложило на насъ, какъ самый священнѣйшій долгъ, не позволяютъ намъ въ настоящее время воспользоваться этимъ правомъ, основными законами Финляндіи намъ предоставленнымъ.»

Коммиссія состояла изъ депутатовъ по 12 отъ каждаго изъ 4 сословій. А именно: 1) 12 дворянскихъ депутатовъ избраны по 4 каждою изъ трехъ категорій (графами и баронами, рыцарями, младшимъ дворянствомъ), избирали всѣ дворяне, имѣющіе голосъ, то-есть всѣ главы родовъ, записанныхъ въ метрику; 2) мы видѣли, что въ камерѣ духовенства засѣдаютъ eo ipso епископы, далѣе выборные отъ духовенства, и кромѣ того депутаты отъ ученаго сословія. Въ коммиссіи 11 депутатовъ духовенства были избраны слѣдующимъ образомъ: «Въ каждой изъ трехъ финляндскихъ епархій епископъ, консисторія и пасторы избираютъ въ абоской архіепархіи 4-хъ, въ боргской епархіи 4-хъ и въ куопіоской 3-хъ человѣкъ.» Кромѣ 11 депутатовъ собственно духовенства, ученое сословіе было представлено 1 депутатомъ, избраннымъ Александровскимъ (гельсингфорскимъ) университетомъ. 3) Въ Швеціи каждый городъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, посылаетъ на сеймъ депутата, тоже и въ Финляндіи. Въ Финляндіи теперь 32 города, слѣд. на сеймѣ отъ городовъ должно быть не менѣе 32 депутатовъ. Выборъ же 12 депутатовъ въ коммиссію произведенъ на слѣдующемъ основаніи: города раздѣлены на 2 разряда: 1) большіе, изъ которыхъ каждый послалъ по депутату, 2) малые, гдѣ одинъ депутатъ избранъ нѣсколькими городами. Эта система очень развита въ германскихъ конституціяхъ, да и въ Швеціи, хотя каждый городъ имѣетъ право посылать депутата, но обыкновенно нѣсколько малыхъ соединяются вмѣстѣ для выбора одного депутата. Раздѣленіе городовъ на эти двѣ групы основано единственно на количествѣ жителей. Именно, къ 1-му разряду отнесено 6 городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ не менѣе пяти съ половиною тысячъ жителей: Гельсингфорсъ (17,000), Або (15,000), Выборгъ (5,500), Бьернеборгъ (5,500),

Николайстадъ (Ваза) (5,500); затѣмъ остальные города раздѣлены на 6 группъ, въ каждой по 4 или 5 городовъ съ общемъ населеніемъ въ группѣ отъ $5^1/_2$ до 10 тысячъ. Выборы членовъ въ комиссію отъ крестьянъ происходили на двухъ степеняхъ (тогда какъ въ другихъ сословіяхъ прямые). Именно, крестьяне каждаго уѣзда избирали столькихъ избирателей, сколько въ уѣздѣ судебныхъ округовъ, эти избиратели собирались въ губернскихъ округахъ и избирали депутатовъ: въ Абоской, Выборгской, Вазаской и Куопіоской губерніяхъ по 2 депутата; въ 4-хъ остальныхъ по одному. Разница въ числѣ депутатовъ отъ губерній основана опять на количествѣ жителей: въ каждой губерніи первой категоріи не менѣе 250,000 жителей, а въ каждой изъ остальныхъ—всего отъ 140 до 170 тысячъ.

Назначеніе комиссіи, какъ видно изъ указа, скромное: она разсматриваетъ проекты, приготовленные сенатомъ, и выражаетъ мнѣніе, какіе изъ нихъ могутъ быть, по существу своему, приведены въ исполненіе безъ государственныхъ чиновъ—административнымъ путемъ, и какія должны быть отложены до созванія чиновъ; другими словами: комиссія должна рѣшить, что составляетъ законодательный вопросъ, а что административный *).

*) Въ конституціонныхъ государствахъ, т. е. тамъ, гдѣ законодательная власть принадлежитъ палатѣ представителей и монарху, строго опредѣлено, что такое законъ въ практическомъ смыслѣ; другими словами, какая мѣра, имѣющая обязательную силу для всѣхъ гражданъ, можетъ быть приведена въ исполненію не иначе, какъ съ согласія народнаго представительства. Вообще считаются закономъ въ этомъ практическомъ смыслѣ не только гражданскія и уголовныя постановленіи, но, главнымъ образомъ, подати и налоги, ежегодный бюджетъ, а въ большей части государствъ—количество военой силы и трактаты. Всякія другія мѣры, которыя направлены только къ исполненію законовъ, къ распорядку управленія и проч. хотя и уподобляются закону, но принадлежатъ къ функціямъ исполнительной власти. По финляндскому государственному праву, законы, въ практическомъ значеніи слова, имѣютъ три вида: 1) Дополненія и поясненія къ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ, также ежегодный бюджетъ—совершаются административнымъ путемъ, т. е. по представленію сената и утвержденію императора; 2) законы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. гражданскіе, уголовные и другія постановленія—издаются сеймомъ съ утвержденія императора; 3) законы основные, касающіеся правъ сословій,

Въ рескриптѣ сенатору Гриппенбергу, назначенному предсѣдателемъ (безъ права голоса) коммиссіи, выражено, что депутаты должны представить по вопросамъ перваго рода (т. е. тѣмъ, которые могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ при содѣйствіи государственныхъ чиновъ) только проекты, которые впослѣдствіи и будутъ предложены на утвержденіе сейма; по вопросамъ втораго рода коммиссія составляетъ всеподданнѣйшія представленія, утвержденіе которыхъ зависитъ отъ благоусмотрѣнія государя. — Членамъ коммиссіи предоставлено выразить свободно и откровенно, по разсужденіи о предложенныхъ дѣлахъ, мнѣнія о нуждахъ края. Рескриптъ оканчивается словами, подтверждающими право коммиссіи на свободу мнѣній: «При семъ, вполнѣ полагаясь на патріотическій образъ мыслей и вѣрноподданническую преданность членовъ коммиссіи, Мы Всемилостивѣйше поручаемъ вамъ (т. е. г-ну Гриппенбергу) удостовѣрить каждаго изъ нихъ, что благородныя, справедливыя и законныя мнѣнія всегда найдутъ въ Насъ покровителя и защитника».

Чрезъ два года послѣ созванія коммиссіи, 14 іюля 1864 года, въ оффиціальной Финляндской газетѣ былъ распубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ о созваніи сейма:

«Божіею милостію Мы Александръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ вамъ, наши подданные, земскіе чины великаго княжества Финляндіи, графы, бароны, рыцарство и дворянство, архіе-

набора войска и наложенія новыхъ податей, принимаются чрезвычайнымъ способомъ, именно требуютъ согласія всѣхъ четырехъ камеръ (а не трехъ, какъ законъ второй категоріи). Поясненіе и дополненіе закона можетъ быть такого рода, что въ сущности составляетъ новый законъ; поэтому понятно, что на практикѣ не легко отличить съ перваго взгляда, что относится къ первой категоріи или къ мѣрамъ, могущимъ быть приведенными въ исполненіе безъ сейма, и что ко второй и третьей. Эта трудность увеличивается послѣ пятидесятилѣтняго отсутствія сейма. Поэтому значеніе коммиссіи было очень важно: она должна рѣшить, по-крайней мѣрѣ до перваго сейма, что принадлежитъ къ компетенціи одной правительственной власти и что къ компетенціи сейма.

пископъ, епископы, духовенство, граждане городовъ и крестьяне, съ помощію Всевышняго, нашу особенную благосклонность, монаршее благоволеніе и высочайшую волю.

«Обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на то, что множество дѣлъ, особенно важныхъ и имѣющихъ вліяніе на развитіе дальнѣйшаго благосостоянія великаго княжества Финляндскаго, требуютъ разсмотрѣнія и содѣйствія земскихъ чиновъ, для полученія такого рѣшенія, какое мы, ко благу края, имѣли въ виду, и, бывъ убѣждены, что земскіе чины великаго княжества въ своихъ совѣщаніяхъ о сихъ важныхъ для отечества дѣлахъ примутъ наши благія намѣренія съ довѣріемъ, и посвятятъ себя спокойному и зрѣлому обсужденію предложенныхъ дѣлъ, какъ того разсмотрѣніе ихъ и общее благо требуетъ, мы предписываемъ и повелѣваемъ открыть общій сеймъ въ Гельсингфорсѣ, 3-го (15-го) будущаго сентября сего года.

«Вслѣдствіе сего, имѣютъ всѣ земскіе чины великаго княжества Финляндіи явиться означеннаго числа въ помянутый городъ, а именно: рыцарство и дворянство съ соблюденіемъ того, что въ этомъ отношеніи постановлено въ положеніяхъ о рыцарскомъ домѣ отъ 6-го іюня 1626 г. и прибавленіи къ оному отъ 3-го ноября 1778 г.; отъ духовенства: абоскій архіепископъ, епископы боргоскій и куопіоскій, и по одному духовному лицу отъ каждаго пробстскаго округа; отъ городскаго сословія: не болѣе двухъ уполномоченныхъ отъ каждаго штапельнаго, или большаго внутренняго города, а отъ меньшихъ только по одному уполномоченному, и отъ крестьянскаго сословія—по одному сеймовому депутату отъ каждаго судебнаго округа, во всемъ согласно съ дѣйствующими постановленіями касательно сеймовыхъ представителей. Всѣ избранные представители должны быть снабжены надлежащими уполномочіями, дабы безъ замедленія можно было приступить къ обсужденію тѣхъ дѣлъ, которыя мы признаемъ за благо передать на разсмотрѣніе сейма.

«Ожидая отъ всѣхъ и каждаго изъ васъ точнаго испол-

ненія сей нашей монаршей воли и поручая васъ покровительству Всевышняго, пребываемъ къ вамъ, съ особенною императорскою нашею милостію, благосклонны.

«Данъ въ Царскомъ Селѣ 6-го (18-го) іюня 1863 года.

«Александръ.»

«Скрѣпилъ статс-секретарь графъ *Армфельдъ.*»

Манифестъ призываетъ дворянство къ участію въ сеймѣ на основаніи положеній о рыцарскомъ домѣ 1626 и 1778 годовъ. Положенія эти состоятъ въ слѣдующемъ. Король Густавъ Адольфъ въ 1617 году жаловался, что никто не знаетъ точно, кто имѣетъ право присутствовать и подавать голосъ въ первой камерѣ. Простые владѣльцы свободныхъ участковъ (Frälsemän) никѣмъ не были возводимы въ родословное дворянство, и поэтому не могутъ имѣть голоса въ первой камерѣ. Вслѣдствіе этого было издано слѣдующее постановленіе: «Впредь шведское рыцарство и дворянство будетъ состоять изъ трехъ классовъ: a) графовъ и бароновъ (Lehns Adel), b) изъ рыцарства (въ тѣсномъ смыслѣ слова), c) изъ остальныхъ благородныхъ родовъ (Swennar). Если король возведетъ свена (члена третьей категоріи) въ рыцари, то онъ переходитъ съ тѣмъ вмѣстѣ во второй классъ. Учреждена матрикула для записанія всѣхъ родовъ, принадлежащихъ къ составу перваго сословія государственныхъ чиновъ. Всѣ совершеннолѣтніе члены матрикулированныхъ фамилій имѣютъ право присутствовать на сеймѣ; но право голоса принадлежитъ только главѣ (caput) каждой фамиліи, ею избираемому. Каждый изъ трехъ дворянскихъ классовъ подаетъ особый куріатскій голосъ, и большинство куріатскихъ голосовъ (т. е. двухъ классовъ изъ трехъ) представляетъ рѣшеніе всего дворянскаго сословія. Но различные классы не разсуждаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ. Государственные совѣтники имѣютъ особую скамью, но голоса не подаютъ, потому что они представляютъ права короны. Король назначаетъ для каждаго сейма маршала рыцарскаго дома (предсѣдателя дворянства), который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и государственный маршалъ (Landmarchall, т. е. предсѣ-

датель всего сейма)». Такъ какъ два высшіе класса тѣсно связаны между собою, то въ ихъ руки перешли всѣ права дворянства, потому что они получили большинство куріатскихъ голосовъ. На сеймѣ 1626 года первый классъ состоялъ всего изъ 12 членовъ (трехъ графовъ: Браге, Левенгаупта, де-ла-Гарди и 8 бароновъ), классъ рыцарей имѣлъ 22 представителя, въ третьемъ классѣ было 120 матрикулированныхъ родовъ. Съ теченіемъ времени число лицъ втораго класса, рыцарей въ тѣсномъ смыслѣ, все уменьшалось, они переходили постоянно въ первый классъ, который постоянно возрасталъ, такъ что во второй половинѣ XVIII вѣка въ этомъ послѣднемъ считалось 48 графовъ и 140 бароновъ. Оставшіеся немногіе рыцари слѣпо слѣдовали за первымъ (или господскимъ) классомъ. Король Густавъ III рѣшился ослабить высшее дворянство созданіемъ многочисленнаго и преданнаго династіи втораго класса, который бы по своему духу и происхожденію былъ ближе къ третьему классу, и такимъ образомъ господствовалъ бы въ дворянскомъ сословіи. На сеймѣ 1778 года онъ представилъ слѣдующія предложенія: Классъ рыцарей будетъ состоять изъ 300 членовъ (capita); въ составъ его войдутъ: a) всѣ фамиліи третьяго класса которыхъ дворянство простирается до времени Густава Адольфа (слѣд. не менѣе 124 лѣтъ), b) всѣ владѣльцы заповѣдныхъ имуществъ, доходъ съ которыхъ не менѣе 500 талеровъ, c) лица, пожалованныя командорами орденовъ Сѣверной звѣзды или Меча. Это предложеніе было принято рыцарскимъ домомъ за исключеніемъ втораго пункта, которымъ вводился германскій феодализмъ, противный шведамъ. Во всякомъ случаѣ третьимъ пунктомъ король пріобрѣталъ возможность имѣть сильное вліяніе на составъ дворянской камеры, потому что пожалованіе орденами зависѣло отъ его усмотрѣнія, да и вообще введеніе молодаго дворянства въ права древняго родословнаго измѣняло значеніе и духъ послѣдняго. Впослѣдствіи, именно въ 1835 и 1844 годахъ были изданы въ Швеціи нѣкоторыя измѣненія и новыя постановленія относительно состава и способа дѣйствія дворян-

ской камеры, но они не могли имѣть приложенія къ Финляндіи, такъ какъ постановлены послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи, и объ нихъ не упомянуто въ Высочайшемъ манифестѣ (*). При этомъ нельзя не замѣтить слѣдующаго: право на присутствіе въ рыцарскомъ классѣ командоровъ орденовъ Сѣверной звѣзды и Меча имѣло цѣлью, какъ мы видѣли, ввести туда элементъ по назначенію короля. Будучи буквально приложено къ нынѣшнему финляндскому сейму оно вовсе теряетъ свое значеніе, потому что не вводитъ лицъ по избранію русскаго императора. — Переведя это постановленіе сообразно не буквѣ, а смыслу, слѣдовало бы, чтобы въ рыцарскомъ классѣ присутствовали лица пожалованныя высшими степенями орденовъ теперешняго государя Финляндіи, т. е. Русскаго императора, а иначе въ дворянской камерѣ вовсе нѣтъ лицъ по удостоенію государя, а введеніе такихъ лицъ и было главной цѣлью акта 1626 года.—Города относительно представительства раздѣлены на два класса: отъ большихъ по два депутата, отъ меньшихъ по одному.

Государь Императоръ отправился 1 сентября въ Финляндію въ сопровожденіи государственнаго вицъ-канцлера, министровъ двора и военнаго, и министра статсъ-секретаря Финляндіи. Члены сейма были на сборѣ: 141 со стороны дворянъ, 32 отъ духовнаго сословія, 39 горожанъ, 49 крестьянъ, всего 257. Сентября 3 (стр. ст.) предводитель дворянскаго сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ (по шведскому обычаю) ландмаршалъ сейма генералъ Норденстамъ далъ присягу Государю, а вслѣдъ за нимъ архіепископъ Абоскій Бергенгеймъ, какъ тальманъ (предводитель) духовенства, а 5 сентября присягали тальманы городскаго и крестьянскаго сословія. На другой день было торжественное богослуженіе, въ присутствіи Государя Императора, который

(*) Несмотря на то, на послѣднемъ финляндскомъ сеймѣ дворянство старалось дать силу нѣкоторымъ изъ шведскихъ постановленій о рыцарскомъ домѣ 1835 и 1844 годовъ, напр. относительно дворянъ, непроживших три года въ странѣ предъ открытіемъ сейма, причемъ Россію хотѣли считать за иностранную землю

указалъ, какъ глава церкви въ Финляндіи, текстъ для проповѣди. Послѣ богослуженія въ государственномъ залѣ былъ открытъ сеймъ слѣдующею рѣчью Государя Императора и Великаго Князя:

«Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

«Видя васъ собранными вокругъ меня, я радуюсь, что могу исполнить свои желанія и ваши надежды.

«Мое вниманіе уже давно было обращено на извѣстное число вопросовъ, возникшихъ послѣдовательно и касающихся наиболѣе важныхъ интересовъ страны. Они оставались неразрѣшенными, потому что разрѣшеніе ихъ требовало содѣйствія чиновъ. Высшія соображенія, которыхъ оцѣнка принадлежитъ мнѣ, не дозволили мнѣ собрать представителей четырехъ сословій великаго княжества въ теченіи первыхъ лѣтъ моего царствованія. Тѣмъ не менѣе я своевременно приступилъ къ приготовительнымъ мѣрамъ, дабы достигнуть этой цѣли, и нынѣ, такъ какъ обстоятельства не представляютъ болѣе поводовъ къ дальнѣйшей отсрочкѣ, я созвалъ васъ, чтобъ, выслушавъ предварительно мой финляндскій сенатъ, сообщить вамъ проекты законовъ и нѣкоторыя административныя дѣла, которыми вы имѣете заняться въ продолженіе нынѣшней сессіи. Во вниманіе къ ихъ важности, я повелѣлъ разсмотрѣть ихъ предварительно въ комиссіи, составленой изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа. Гласность, предоставленная преніямъ этой комиссіи, дала вамъ средство ознакомиться заранѣе съ предметомъ вашихъ совѣщаній, и вы получили возможность зрѣло обдумать проекты законовъ, соображаясь съ мнѣніями и потребностями страны. Несмотря на ихъ многочисленность и на ихъ важность, вамъ, вслѣдствіе этого, будетъ возможно завершить окончательное разсмотрѣніе ихъ въ срокъ, опредѣленный закономъ.

«Финансовый отчетъ, который вамъ будетъ сообщенъ, докажетъ вамъ, что государственныхъ доходовъ всегда было достаточно для покрытія текущихъ расходовъ, и что значительное увеличеніе косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующее объ общественномъ благосостояніи, дозволило

употребить болѣе обширныя средства на дѣло матеріальнаго и нравственнаго развитія страны.

«Я уполномочилъ правительство великаго княжества заключать займы съ единственною цѣлью удовлетворить потребностямъ послѣдней войны и покрыть издержки на сооруженіе желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ.

«Отчетъ объ употребленіи этихъ займовъ, который также вамъ будетъ сообщенъ, покажетъ вамъ, что настоящихъ доходовъ государства достаточно для погашенія этого долга съ его процентами. Во всякомъ случаѣ я желаю, чтобъ въ будущемъ ни одинъ новый заемъ не былъ производимъ безъ участія чиновъ великаго княжества, исключая развѣ случая, когда внезапное вторженіе непріятеля или какое нибудь непредвидѣнное общественное бѣдствіе поставятъ насъ въ необходимость обойтись безъ этого участія.

«Новые налоги, которые я повелѣлъ предложить сейму, клонятся къ осуществленію различныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду увеличеніе благосостоянія страны и процвѣтаніе народнаго образованія. Вамъ предстоитъ разрѣшеніе вопроса о безотлагательной необходимости и объемѣ этихъ мѣръ.

«Многія изъ постановленій основныхъ законовъ великаго княжества не соотвѣтствуютъ болѣе положенію дѣлъ, наступившему послѣ его присоединенія къ имперіи; другимъ недостаетъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти несовершенства, я намѣренъ повелѣть изготовить проектъ закона, который будетъ заключать въ себѣ объясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, и будетъ представленъ на обсужденіе чиновъ въ слѣдующую сессію сейма, который я намѣренъ созвать черезъ три года. Сохраняя монархическій конституціонный принципъ, присущій нравамъ финляндскаго народа и отпечатлѣвшійся во всѣхъ его законахъ и учрежденіяхъ, я желаю внести въ этотъ проектъ болѣе обширное право, чѣмъ то, которымъ уже пользуются чины, какъ относительно разсмотрѣнія финансовой смѣты, такъ и относительно права

предлагать законы, которымъ они пользовались издревле, но сохраняю за собою, во всякомъ случаѣ, право на иниціативу во всѣхъ вопросахъ, касающихся перемѣнъ въ основномъ законѣ.

«Вамъ извѣстны мои чувства и мои желанія счастія и благоденствія народамъ, ввѣреннымъ моему попеченію. Ни одно изъ моихъ дѣйствій не могло нарушить согласія, которое должно господствовать въ отношеніяхъ между государемъ и народомъ. Я желаю, чтобъ это согласіе продолжало быть, по прежнему, залогомъ добрыхъ отношеній, соединяющихъ меня съ достойнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественнымъ образомъ содѣйствовать благосостоянію страны, весьма дорогой для моего сердца, и доставитъ мнѣ новый поводъ созывать васъ періодически.

«Вамъ, представители великаго княжества, слѣдуетъ доказать достоинствомъ, умѣренностію и спокойствіемъ вашихъ совѣщаній, что въ рукахъ народа благоразумнаго, рѣшившагося трудиться въ согласіи съ государемъ для развитія практическимъ путемъ своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но являются обезпеченіемъ порядка и благосостоянія.

«Я объявляю нынѣшній сеймъ открытымъ.»

Рѣчь Государя была на французскомъ языкѣ, подобно рѣчи императора Александра I. Вслѣдъ за произнесеніемъ, она была прочитана въ переводѣ на шведскій и финскій языки статсъ-секретаремъ Великаго Княжества. Сейму предложено было правительствомъ около 50 проектовъ законовъ:—о гарантіи займа финляндскаго гипотечнаго общества, о морскимъ уставѣ, о новомъ церковномъ положеніи, о свободной торговлѣ хлѣбомъ, о пересмотрѣ положеній о личной подати, о бюджетѣ для школъ и путей сообщенія, о реформахъ въ гражданскомъ правѣ, какъ-то: о совершеннолѣтіи незамужней женщины, которая по шведскому закону находится въ вѣчной опекѣ, объ экспропріаціи, далѣе о реформѣ уголовнаго законодательства, и многіе другіе. Срокъ сессіи сейма назначенъ былъ трехмѣсячный.

Но это время почти все ушло на одни формальности, весьма сложныя при четырехъкамерномъ представительствѣ, какъ-то: на образованіе сеймовыхъ комиссій, бюро, установленіе способа сношеній между камерами, распредѣленіе проектовъ между комиссіями и. т. под. Поэтому Государь продолжилъ сеймъ еще на два срока: до 3 марта, а во второй разъ до 3 апрѣля. Сеймъ сверхъ обсужденія проектовъ законовъ представилъ Государю множество прошеній. Государь Императоръ по уложенію только одинъ имѣетъ законодательную инціативу, но онъ разрѣшилъ сейму представлять въ формѣ петицій изъявленіе желаній о пользѣ установленія извѣстнаго закона, или отмѣны дѣйствующаго,—кромѣ основныхъ.

Сеймъ финляндскій, открытіе котораго встрѣчено было Россіей съ добрымъ чувствомъ, успѣлъ во время своего семимѣсячнаго существованія возбудить много горечи въ русскихъ патріотахъ. Въ отвѣтахъ ландмаршала и архіепископа Абоскаго при принятіи присяги, въ проповѣди пастора Борга предъ открытіемъ сейма звучало какое-то странное чувство неблагодарности къ Россіи за ея благодѣянія къ Финляндіи, и желанія казаться отдѣльнымъ государствомъ, связаннымъ съ имперіей только личнымъ началомъ (царствующей династіей). Это стремленіе все ярче выражалось съ постепеннымъ ходомъ занятій сейма. Такъ дворянство съ трудомъ и оговорками допустило къ засѣданію адмирала Шанца, дворянъ Бруна и Углу, даже не допустило ихъ сначала къ засѣданію, на томъ основаніи, что они служатъ *за границей*, — эта за-граница была Россія! Между тѣмъ какъ теорія отдѣльнаго финляндскаго государства разбивается съ перваго взгляда: 1) Императоромъ Александромъ I обѣщаны Финляндіи всѣ тѣ права, которыми она пользовалась при шведскомъ владычествѣ. Но пр. шведскомъ владычествѣ Финляндія была только провинціей швеціи и *не имѣла отдѣльнаго сейма*; 2) Императоръ Александръ присоединилъ къ Финляндіи Выборгскую губернію конечно не съ той цѣлью, чтобы часть имперіи отдать иностранному государству, а чтобы округлить провинцію

вновь присоединенную. Кромѣ того, надобно замѣтить, что Финляндія пользуется при соединеніи съ Россіей великими льготами въ экономическомъ отношеніи, какими она не пользовалась подъ шведскимъ владычествомъ и какими не могло бы пользоваться, будучи отдѣльнымъ государствомъ. Такъ, она не участвуетъ въ содержаніи двора, въ содержаніи дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, хотя пользуется для своей торговли покровительствомъ означенныхъ агентовъ, наравнѣ съ Россіей. Далѣе, она не ставитъ рекрутъ въ русскую армію, а содержитъ только нѣсколько батальоновъ поселеннаго войска и одинъ регулярный батальонъ, вообще не болѣе 7,000 человѣкъ (и то считая нерегулярныя войска), тогда какъ по общему положенію Европы и Россіи она должна была бы содержать при населеніи въ 1,900,000 человѣкъ отъ 20 до 30 тысячъ солдатъ. Финляндское дворянство пользуется въ имперіи относительно государственной службы всѣми правами русскаго дворянства, финскіе купцы пользуются по торговлѣ также правами русскихъ, но наоборотъ: русскій дворянинъ не пользуется въ Финляндіи политическими правами мѣстнаго дворянства, даже русское духовенство въ самой Финляндіи не пользуется правами финскаго.

При такомъ порядкѣ вещей стремленія части финляндскаго сейма къ нейтралитету Финляндіи во время войны имперіи съ другими державами, къ отдѣльной монетной системѣ, къ отдѣльному флагу, и вообще довольно явныя тенденціи считат все русское за чужеземное, оскорбили русское національное чуство, особенно со стороны того края, который облагодѣтельствованъ Россіей и за который до сихъ поръ ежегодно платитъ Россія въ разныхъ статьяхъ своего бюджета. *Московскія Вѣдомости* помѣстили рядъ статей, вызванныхъ этимъ чувствомъ. Впрочемъ, одного намека Государя Императора было достаточно для прекращенія недоразумѣній членовъ финскаго сейма. Третьяго апрѣля сеймъ, окончившій свои занятія принятіемъ предложенныхъ правительствомъ проектовъ съ разными измѣненіями, былъ распущенъ. Генералъ-губернаторъ, ставши у подно-

жія трона, прочелъ на *русскомъ языкѣ* прощальную рѣчь Государя Императора. Государь Императоръ обѣщалъ созывать сеймъ періодически всякіе три года, если не представится особыхъ препятствій, повелѣлъ образовать комитетъ для выработки проекта новаго устройства финляндскаго сейма и другихъ проектовъ дополненій къ основнымъ законамъ. Проекты эти предположено представить на обсужденіе будущаго сейма. Такимъ образомъ уже будущій сеймъ будетъ занятъ чисто политическими вопросами, и конституціонная жизнь Великаго Княжества упрочена. Разсмотрѣніе подробное вопроса о Финляндіи съ русской точки зрѣнія не входитъ въ планъ настоящей статьи.

Польша.

Конституція 3 мая 1791 г.—Конституція 1807 г.—Конституція 1815 г.—Органическій Статутъ 1832 г.—Указы $\frac{14}{26}$ марта и $\frac{24\ \text{мая}}{5\ \text{іюня}}$ 1861 г.—Возстаніе 1863 г.—Общественныя преобразованія.—Польскій вопросъ относительно Европы и Россіи.—

Посполитая Рѣчь пала въ то самое время, когда сознала все безобразіе своей старинной конституціи и почти единогласно дала себѣ новую конституцію 3 мая 1791 года, основанную на началахъ національнаго представительства, а не шляхетнаго единогласія,—раздѣленія властей, прочности исполнительной власти и т. д., словомъ, на тѣхъ началахъ, которыя провозглашены были тогда на Западѣ. Послѣ третьяго раздѣла національность польская исчезла изъ политической сферы. Польская эмиграція направилась во Францію и дѣлила съ французскою арміей славу и неудачи итальянскихъ войнъ. Во время войны 1807 года съ Пруссіей и Россіей,—театръ которой быстро перешелъ на почву бывшей Польши,—Наполеонъ сдѣлалъ воззваніе къ польской націи къ возстанію, обѣщая ей возстановленіе ея независимости. Поляки вооружили нѣсколько полковъ, которые участвовали въ главныхъ сраженіяхъ этой кампаніи. По тильзитскому договору, Наполеонъ заставилъ Пруссію отказаться отъ Великой Польши, которой онъ далъ политическое бытіе, но полузависимое, подъ именемъ герцогства Варшавскаго.

Конституція новаго государства, подписанная Наполеономъ въ Дрезденѣ 22 іюля 1807 года, составлена по образцу тогдашней французской. Отъ старыхъ польскихъ

установленій остались большею частью одни имена безъ значенія.

Первыя статьи конституціи провозглашаютъ: свободу всѣхъ вѣроисповѣданій и публичнаго ихъ отправленія, и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія.

Герцогская варшавская корона объявлена наслѣдственной въ саксонскомъ королевскомъ домѣ. Королю предоставлена вся исполнительная власть и, по старому польскому проекту, предсѣдательство въ сенатѣ и иниціатива законовъ. Содержаніе короля опредѣлено въ семь мильоновъ гульденовъ. Управленіе ввѣрено отвѣтственному министерству изъ семи министровъ, въ числѣ которыхъ былъ и министръ полиціи: безъ послѣдняго не обходились наполеоновскія конституціи. Министры составляли государственный совѣтъ почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ французскій, т. е. онъ разсматривалъ и приготовлялъ проекты законовъ, издавалъ административные регламенты, рѣшалъ конфликты, или столкновенія между административной и судебной властями.

Законодательная власть раздѣлена была между королемъ и сеймомъ; король не только имѣлъ общее конституціонное право утверждать законы или налагать veto, но также, по французскому тогдашнему образцу, законодательную инициативу. Впрочемъ, сейму назначена самая скромная роль: онъ созывался всего разъ въ два года и притомъ не долѣе, какъ на 15 дней.

Сеймъ составляли 2 камеры: 1) сенатъ изъ 18 пожизненныхъ членовъ—6 епископовъ, 6 воеводъ или палатиновъ, 6 каштеляновъ. Сенатъ есть хранитель конституціи; онъ останавливаетъ законъ, если таковой былъ вотированъ не по правиламъ, или если его содержаніе противно общественной безопасности; 2) палата депутатовъ — изъ 50 представителей дворянства и 40 отъ общинъ. Такимъ образомъ, сословіе дворянъ получило самостоятельность и даже перевѣсъ въ представительствѣ предъ остальнымъ народомъ. Депутаты обоихъ сословій вотировали вмѣстѣ, и дѣло рѣшалось абсолютнымъ большинствомъ. Слѣд., дво-

рянство всегда господствовало, составляя сильное большинство. Кромѣ общаго сейма, были установлены окружныя собранія дворянства и общинныя собранія.

Новому государству дано судебное устройство, близкое къ французскому: открытое судопроизводство, независимость судебнаго сословія, пожизненное назначеніе судей, мировые судьи, трибуналы, апелляціонный судъ, кассаціонный, устроенный однако довольно странно — изъ министровъ съ прибавкою 4 рекетмейстеровъ; и наконецъ главное—введенъ въ Польшу французскій гражданскій кодексъ (Code Napoleon).

Эта конституція пустила довольно глубокіе корни; многое изъ нея повторено въ послѣдующихъ. Нѣкоторыя установленія, напр: судебныя и наполеоновскій кодексъ, сохранились до сихъ поръ.

Варшавское герцогство основано было Наполеономъ, какъ угроза и аванпостъ противъ Россіи. Впослѣдствіи Наполеонъ увеличилъ его присоединеніемъ отъ Австріи части Галиціи. Открывая компанію 1812 года, Наполеонъ называлъ ее второю польскою войною и обѣщалъ полякамъ возстановленіе Польши въ прежнихъ предѣлахъ. Но война имѣла другой исходъ: Варшавское герцогство завоевано было русскою арміею, Австрія и Пруссія отдѣльными трактатами признали за Россіею это пріобрѣтеніе. На Вѣнскомъ конгресѣ судьба польской націи была предметомъ самыхъ жаркихъ споровъ. Наконецъ рѣшено было: «Герцогство Варшавское, за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинцій, присоединяется къ Россійской имперіи. Оно соединяется съ ней безвозвратно посредствомъ своей конституціи и будетъ находиться вѣчно подъ властью Его Величества Императора Всероссійскаго, его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его Величество сохраняетъ право дать этому государству, пользующемуся отдѣльной администраціей, такое расширеніе, которое онъ найдетъ приличнымъ. Онъ принимаетъ титулъ царя, короля польскаго.

«Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, полу-

чать представительство и національныя учрежденія, какія эти государства найдуть приличнымъ имъ дать».

Темнота выраженій объ этихъ постановленіяхъ была причиной того, что впослѣдствіи ихъ объяснили весьма различно. Тѣмъ не менѣе, императоръ Александръ I далъ 27 ноября 1815 года царству весьма либеральную конституцію, тогда какъ Австрія и Пруссія ничего не дѣлали для своихъ польскихъ земель.

На основаніи этой конституціи (согласно съ рѣшеніемъ Вѣнскаго конгреса), Польша объявлена на вѣчно соединенною съ Россіей, т. е. она соединена съ имперіей не только на личномъ основаніи—единствѣ монарха, но и на реальномъ: она соединена съ самой Россіей неразрывно и должна слѣдовать ея политической судьбѣ.

Верховная правительственная власть принадлежитъ королю: его именемъ творится судъ и расправа, онъ командуетъ арміей, назначаетъ всѣхъ начальственныхъ лицъ по гражданской и военной части, признаетъ епископовъ, объявляетъ войну, заключаетъ трактаты. При короновании онъ произноситъ клятву: «Клянусь и обѣщаю предъ Богомъ, на евангеліи, хранить вѣрно конституцію и всею моею властію приводить ее въ исполненіе».

Такъ-какъ Польша неразрывно и реально стала соединена съ Россіей, то постановлено было, что русскіе законы о регентѣ и его прерогативы, существующіе или впредь изданные, получаютъ eo ipso полную силу относительно царства. Но все это касалось только особы регента, а не совѣта и другихъ учрежденій. Напротивъ того, Польша и въ этомъ случаѣ сохранила самостоятельность,—именно: по полученіи увѣдомленія о регенствѣ въ имперіи (т. е. о кончинѣ императора и малолѣтствѣ наслѣдника) намѣстникъ созываетъ сенатъ, который избираетъ четырехъ членовъ, послѣдніе отправляются въ столицу Россіи, гдѣ пребываетъ регентъ, и, подъ его предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ статс-секретаремъ, составляютъ регентство царства Польскаго. Члены регентства отвѣтствены за все, что они сдѣлаютъ противнаго конституціи и законамъ царства.

Когда король не живетъ въ Польшѣ, то для управленія назначаетъ намѣстника; намѣстникъ долженъ быть или принцъ императорскаго дома, или, въ противномъ случаѣ, коренной или натурализированный полякъ. Администрація подъ главнымъ завѣдываніемъ намѣстника распредѣлена между 5 коммиссіями (министерствами): 1) духовнымъ дѣлъ и просвѣщенія, 2) юстиціи, члены которой избираются изъ судей верховнаго суда, 3) внутреннихъ дѣлъ и полиціи, 4) военныхъ дѣлъ, 5) финансовыхъ. Коммиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ министровъ. Кромѣ того учрежденъ государственный контроль, подчиненный непосредственно королю (царю). При намѣстникѣ состоитъ *государственный совѣтъ* изъ министровъ и другихъ лицъ, назначаемыхъ царемъ. Онъ имѣетъ совѣщательный голосъ во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ, но въ дѣлахъ судно-административныхъ рѣшительный.

Законодательная власть раздѣлена между царемъ и сеймомъ. Царь имѣетъ право на абсолютное veto, т. е. безъ его утвержденія не можетъ получить силы рѣшеніе сейма. Сеймъ состоитъ изъ двухъ камеръ: 1) сената, 2) камеры представителей. Сенатъ состоитъ изъ принцевъ императорскаго и царскаго дома, епископовъ, палатиновъ, каштеляновъ; число сенаторовъ не должно быть болѣе половины камеры представителей. На каждое вакантное мѣсто сенатора самъ сенатъ выбираетъ двухъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ утверждаетъ императоръ.

Камера представителей состоитъ: 1) изъ 77 уполномоченныхъ дворянства, избираемыхъ на провинціяльныхъ дворянскихъ сеймахъ; 2) изъ 51 депутата отъ городовъ и общинъ. Представители избираются на 6 лѣтъ. Сеймъ собирается обыкновенно одинъ разъ въ 2 года и засѣдаетъ не долѣе 30 дней; впрочемъ императоръ-царь можетъ продлить засѣданія и также созвать чрезвычайный сеймъ. Засѣданія сейма публичны, но могутъ быть по желанію десятой части членовъ обращены въ тайный комитетъ. Сеймъ разсуждаетъ о гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, бюджетѣ и другихъ вопросахъ, касающихся администраціи. Но зако-

нодательная инициатива принадлежитъ только правительству: всѣ проекты законовъ выработываются въ государственномъ совѣтѣ и вносятся въ сеймъ по опредѣленію короля; сеймъ однако, имѣетъ право представлять на благоусмотрѣніе государя чрезъ государственный совѣтъ прошенія и желанія о нуждахъ отечества. Что касается до порядка разсужденій о законахъ и до отношенія въ этомъ случаѣ правительства къ сейму, то конституція 1815 г. ввела почти такой же порядокъ, который существовалъ въ первой французской имперіи: проектъ закона защищается предъ сеймомъ, назначеннымъ для этого членомъ государственнаго совѣта; каждая камера сейма для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ избираетъ 3 коммиссіи: финансовую, гражданскаго и уголовнаго законодательства, органическихъ и административныхъ законовъ. Коммиссіи могутъ дѣлать замѣчанія на проекты законовъ. Эти замѣчанія представляются въ государственный совѣтъ, и отъ воли правительства зависитъ принять ихъ, или оставить проектъ въ прежнемъ видѣ.

Замѣтимъ еще одну очень оригинальную статью конституціи: во время преній члены сейма могли только *импровизировать*,—право *читать* письменныя рѣчи предоставлено исключительно коммиссарамъ правительства.

Конституція 1815 года давала въ устройствѣ великихъ государственныхъ властей—полный перевѣсъ правительственной: законодательная инициатива, право не допускать амендементовъ сейма, право приготовлять письменныя рѣчи, созывать и распускать сеймъ,—исключительно принадлежало правительству. Кромѣ того, двѣ главныя силы государственной власти—войско и финансы находились въ рукахъ правительства въ такой степени, что оно было почти независимо отъ сейма: хотя бюджетъ вотировался сеймомъ, но правительство, въ случаѣ непринятія имъ составленной смѣты, имѣло право оставить въ силѣ послѣдній вотированный бюджетъ,—это начало существуетъ теперь въ прусской и другихъ германскихъ конституціяхъ; армія нетолько находилась въ полномъ распоряженіи правительства, но и самое число ея не зависѣло отъ сейма. Конституція

говорила, что монархъ содержитъ число войска, нужное для защиты страны и сообразное съ состояніемъ финансовъ. Кромѣ регулярной силы, была учреждена милиція также подъ исключительнымъ завѣдываніемъ правительства. Но при всемъ томъ, эта конституція была великимъ пріобрѣтеніемъ для польской націи послѣ тѣхъ бѣдствій, которыми она поражена была. Надобно вспомнить, что въ это время ни въ одномъ германскомъ государствѣ не было представительныхъ государственныхъ собраній,—во Франціи конституція не была широка, а въ другихъ государствахъ, напр. въ Испаніи, она дана была нехотя и вскорѣ отмѣнена. Императоръ Александръ I непремѣнно желалъ упрочить и развить польскую конституцію. Этимъ чувствомъ проникнуты его рѣчи, произнесенныя при открытіи сейма 1817 года 27 апрѣля и 1825 года 13 мая.

Революція 1830 года положила конецъ конституціи 1815 года. Императоръ Николай I далъ вмѣсто нея органическій статутъ (1832 года 26 февраля).

Статутъ отличается отъ конституціи 1815 года слѣдующими постановленіями: 1) отдѣльная польская армія не существуетъ—поляки вступаютъ въ ряды русской арміи; законъ долженъ опредѣлить количество войска, нужнаго для обороны Польши и количество денегъ, платимыхъ царствомъ имперіи въ счетъ содержанія общаго войска; 2) законъ имперіи о регенствѣ распространяется вполнѣ и на царство, особаго регенства царство не имѣетъ; 3) введена конфискація за государственныя преступленія; 4) безсмѣнность судей отмѣнена; 5) сенатъ и камера представителей также отмѣнены.

Управленіе Польши устроено слѣдующимъ образомъ. Во главѣ управленія стоитъ намѣстникъ и правительственный совѣтъ. Совѣтъ состоитъ изъ директоровъ, или президентовъ разныхъ коммиссій (министерствъ), генералъ-контролера и другихъ членовъ, назначаемыхъ государемъ. Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ намѣстникъ, имѣющій голосъ, равный съ членами.

Совѣтъ рѣшаетъ по большинству голосовъ. Но если на

мѣстникъ не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, то можетъ пріостановить исполненіе и представить протоколъ на благоусмотрѣніе государя. Правительственный совѣтъ занимается: 1) принятіемъ должныхъ мѣръ къ исполненію императорскихъ повелѣній, 2) разрѣшеніемъ дѣлъ, превосходящихъ власть директоровъ и правительственныхъ комиссій, 3) сообщеніемъ государственному совѣту дѣлъ, принадлежащихъ его вѣдомству (указъ 24 декабря 1832 года.) Правительственныхъ комиссій (министерствъ) установлено три, вмѣсто прежнихъ пяти, именно: 1) внутреннихъ дѣлъ, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 2) юстиціи 3) финансовъ.

Кромѣ правительственнаго совѣта оставленъ и государственный, но не съ тѣмъ значеніемъ, какъ прежде. Вѣдомству государственнаго совѣта подлежатъ дѣла: разсмотрѣніе проектовъ новыхъ законовъ и мѣръ, касающихся общей администраціи царства; разсмотрѣніе изготовляемой правительственнымъ совѣтомъ ежегодной смѣты приходовъ и расходовъ; разрѣшеніе споровъ о компетенціи между административными и судебными властями, и проч. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ директоровъ, генералъ-контролера и другихъ лицъ, призываемыхъ императоромъ-царемъ.

Собранія дворянства оставлены въ прежнемъ видѣ; предводители назначаются государемъ; собраніе происходитъ только по созыву правительства. Наконецъ установлены статьями 53 и 54 собранія *провинціяльныхъ чиновъ*: «для разсужденія о мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью благоустройство всего королевства, будутъ созываться провинціяльныя собранія съ совѣщательнымъ голосомъ. Особымъ постановленіемъ будетъ опредѣленъ кругъ занятій провинціяльныхъ чиновъ». Такого постановленія не послѣдовало, и провинціяльные чины не были созываемы.

Впослѣдствіи произошли важныя перемѣны въ этомъ статутѣ: 1) государственный совѣтъ царства Польскаго перестать существовать, какъ отдѣльное учрежденіе; вмѣсто него учрежденъ въ государственномъ совѣтѣ имперіи департаментъ дѣлъ царства Польскаго и, такимъ образомъ

автономія царства умалилась; оно получило одно общее съ имперіей учрежденіе—государственный совѣтъ; 2) вѣдомство просвѣщенія въ царствѣ изъято отъ завѣдыванія правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и подчинено, подъ именемъ варшавскаго учебнаго округа, министру просвѣщенія въ имперіи; 3) хотя Польша сохранила свои отдѣльные гражданскіе и уголовные законы, свое отдѣльное судопроизводство, но вмѣсто бывшаго прежде верховнаго суда, высшее судебное мѣсто получило названіе IX и X департаментовъ правительствующаго сената (имперіи). Хотя варшавскіе департаменты дѣйствуютъ по особому положенію и оба вмѣстѣ составляютъ *общее собраніе*, но въ самомъ названіи заключается понятіе о соединеніи съ имперіей въ одно, хотя отвлеченное, цѣлое въ судебномъ отношеніи. Что касается до административнаго порядка, то вмѣсто прежняго дѣленія на воеводства введено раздѣленіе на 5 губерній, и наконецъ, въ царствѣ введена табель о рангахъ—существенная черта нашего административнаго устройства.

Императоръ Александръ II вскорѣ по вступленіи на престолъ, $^{14}/_{26}$ марта 1861 года, издалъ высочайшій указъ, отмѣнявшій тѣ постановленія, послѣдовавшія послѣ изданія статута 1832 года, которыя были въ дисгармоніи съ автономіей царства, и давшій практическое существованіе многимъ постановленіямъ статута, остававшимся до сихъ поръ въ бездѣйствіи. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ: 1) Въ *возстановленіи* государственнаго совѣта царства Польскаго, вмѣсто общаго собранія варшавскихъ правительствующаго сената департаментовъ. Совѣту присвоено то значеніе, которое означено въ органическомъ статутѣ 1832 года, а именно: a) разсмотрѣніе смѣты приходовъ и расходовъ, b) разсмотрѣніе отчетовъ различныхъ административныхъ управленій, c) разсмотрѣніе представленій губернскихъ совѣтовъ объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, d) разсмотрѣніе жалобъ на злоупотребленія чиновниковъ, и кромѣ того, всѣ тѣ дѣла, которыя прежде подлежали вѣдомству общаго собранія варшавскихъ де-

партаментовъ сената. Что касается до состава этого совѣта, то въ этомъ отношеніи ему дано широкое развитіе. По всѣмъ польскимъ конституціямъ 1807, 1815, 1832 г., государственный совѣтъ состоялъ изъ двухъ категорій: a) изъ министровъ. b) изъ нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ государемъ. Вторая категорія была совершенно неопредѣлена. А по указу 14/26 марта эта категорія состоитъ изъ лицъ, временно или постоянно призываемыхъ къ засѣданію, изъ среды епископовъ или вообще членовъ высшаго духовенства, изъ числа предсѣдателей управленія земскаго кредитнаго общества и предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ, а также и другихъ лицъ по усмотрѣнію государя. Слѣдственно въ государственномъ совѣтѣ кромѣ прежнихъ лицъ, министровъ, и назначаемыхъ государемъ безъ опредѣленія условій, будутъ непремѣнно засѣдать лица, имѣющія самостоятельное положеніе по своему званію, которое пріобрѣтается на половину по волѣ правительства, а на половину по избранію или другимъ началамъ: санъ епископа дается по взаимному согласію правительства и римскаго двора; предсѣдатели губернскихъ совѣтовъ хотя и назначаются правительствомъ, но непремѣнно изъ числа членовъ, которые всѣ выборные; предсѣдатели земскаго кредитнаго общества лица избирательныя. Такой личный составъ дѣлаетъ совѣтъ не столько административнымъ, сколько политическимъ корпусомъ. Даже составъ бывшаго сената былъ менѣе торжественный и самостоятельный. Введеніе временно - засѣдающихъ членовъ можетъ дать новому совѣту еще болѣе земскаго значенія. 2) Учреждаются избирательные губернскіе и уѣздные совѣты. Губернскіе совѣты положены были и въ прежнихъ конституціяхъ, 1807 и 1815, подъ именемъ палатинатскихъ собраній; главная цѣль ихъ была—избраніе кандидатовъ въ должности судей и разныя административныя; статутъ 1832 года, какъ мы видѣли, упоминаетъ о провинціяльныхъ чинахъ, но это учрежденіе не получило развитія. Въ указѣ 1861 года обозначены подробно дѣла губернскихъ совѣтовъ, именно—они не политическія, а чисто экономическія: развитіе земледѣлія и торговли, пути

сообщенія, призрѣніе бѣдныхъ, больницы, благотворительныя и тюремныя заведенія, равно работы, имѣющія цѣлью общественную пользу. День съѣзда и время продолженія засѣданія совѣтовъ будетъ опредѣляться въ актахъ созыва, но терминъ созванія опредѣленъ однажды въ годъ, слѣдовательно они будутъ учрежденіями не случайными, а регулярными. Кромѣ губернскихъ, учреждены уѣздные совѣты, а въ Варшавѣ и другихъ значительныхъ городахъ городскіе совѣты, и тѣ и другіе избирательные.

Наконецъ вѣдомство просвѣщенія въ царствѣ получило собственное управленіе: образовалась четвертая правительственная коммиссія для народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ (управленіе послѣдними въ 1864 г. было соединено съ внутренними дѣлами).

Такимъ образомъ возстановлена административная автономія царства, получили не только возстановленіе, но и развитіе учрежденія, обѣщанныя статутомъ 1832 года. Великая мѣра, принятая въ имперіи, объ обращеніи усадебъ въ собственность крестьянъ получила приложеніе и въ царствѣ (личная крѣпостная зависимость уничтожена еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія); указомъ, послѣдовавшимъ на въ 1862 году, объявленъ выкупъ усадебъ, вслѣдствіе этого огромная масса населенія должна была получить прочное существованіе.

Указомъ 24 мая (5 іюня 1861 г.) послѣдовало обѣщанное развитіе и разъясненіе установленій, данныхъ царству Польскому. Именно: 1) опредѣлены съ большей подробностью составъ и предметы вѣдомства государственнаго совѣта, 2) опредѣлены составъ и предметы вѣдомства губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ, 3) изданъ избирательный законъ.

Государственный совѣтъ раздѣленъ на четыре отдѣленія: 1) законовъ, 2) спорныхъ дѣлъ (дѣлъ герольдіи), 3) финансово-административное, 4) прошеній и жалобъ. Значеніе первыхъ трехъ отдѣленій не требуетъ объясненій, но четвертое имѣетъ особенный характеръ. Оно принимаетъ и разсматриваетъ жалобы гражданъ на чиновниковъ, въ

проступкахъ по должности, такимъ образомъ стоитъ въ непосредственной связи съ народомъ. Поэтому 24 статья новаго указа опредѣляетъ съ величайшей подробностью, какого рода прошенія и жалобы могутъ быть принимаемы къ разсмотрѣнію. «Просьбы и жалобы могутъ быть подаваемы или отдѣльными лицами, или отъ законно-признанныхъ сословій частныхъ лицъ; но во всякомъ случаѣ не иначе какъ *ихъ именемъ*». Слѣдственно не отъ имени области, а тѣмъ болѣе—всего народа. Далѣе: «Никакое прошеніе, касающееся перемѣнъ въ политическомъ положеніи царства Польскаго или въ основаніяхъ его правленія, не можетъ быть принято къ разсмотрѣнію».

Три первыя отдѣленія вмѣстѣ составляютъ *судное присутствіе* государственнаго совѣта, то-есть оно 1) составляетъ высшую судебную инстанцію по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, замѣняющую упраздненное общее присутствіе варшавскихъ департаментовъ сената, и по дѣламъ о разрѣшеніи конфликтовъ между судебной и административной властями; 2) верховный судъ надъ высшими сановниками въ преступленіяхъ по службѣ по примѣру государственнаго совѣта имперіи, т. е. надъ членами совѣта управленія, государственнаго совѣта, сенаторами, гражданскими губернаторами и проч. При судномъ присутствіи учреждаются адвокаты для защиты подсудимыхъ; они избираются директоромъ юстиціи изъ сословія адвокатовъ разныхъ степеней. Принципъ судебной защиты, одно изъ главныхъ основаній правильнаго суда, введенный въ Польшу вмѣстѣ съ Наполеоновымъ кодексомъ, какъ видно, пустилъ глубокіе корни.

Вопросы законодательные, финансовые, также жалобы на злоупотребленія чиновниковъ, разсматриваются въ департаментахъ только предварительно, а вершатся въ общемъ собраніи совѣта (по примѣру имперіи).

Государственный совѣтъ царства, подобно совѣту имперіи, не имѣетъ исполнительной власти, а только совѣщательную; при немъ состоитъ особый статс-секретарь съ властью, равною государственному секретарю имперіи

то-есть всѣ бумаги поступаютъ предварительно къ нему.

Составъ государственнаго совѣта опредѣленъ слѣдующій:

1) Члены, присутствующіе по занимаемымъ должностямъ (то-есть члены совѣта управленія или министры); 2) государственные совѣтники, назначаемые императоромъ; 3) лица, постоянно или временно засѣдающія, избранныя государемъ изъ категорій, означенныхъ въ органическомъ указѣ (то-есть изъ епископовъ, членовъ губернскихъ совѣтовъ и проч.). Въ число членовъ второй категоріи поступили всѣ сенаторы бывшаго общаго присутствія варшавскихъ департаментовъ сената.

Составъ уѣздныхъ и губернскихъ совѣтовъ малочисленный, такъ что они въ этомъ отношеніи скорѣе составляютъ комитеты, нежели земскія собранія уполномоченныхъ. Именно: уѣздный совѣтъ состоитъ изъ 15 или 18 членовъ, а губернскій изъ числа равнаго числу уѣздовъ, слѣдовательно отъ 5 до 12 *). Хотя при такомъ скромномъ числѣ выборныхъ, естественно, не можетъ образоваться въ совѣтахъ ни партій, ни вообще политической жизни, но законъ принялъ нѣкоторыя мѣры противъ возможности выхода совѣтовъ изъ роли, имъ назначенной: комиссаръ правительства (при губернскомъ совѣтѣ—гражданскій губернаторъ, при уѣздномъ—уѣздный начальникъ) постоянно присутствуетъ при засѣданіяхъ, и имѣетъ право закрыть засѣданія, если совѣтъ станетъ разсуждать о предметахъ, выходящихъ изъ предѣловъ его занятій; всѣ такого рода совѣщанія и постановленія совѣтовъ признаются незаконными и не имѣющими никакой силы; совѣтъ управленія можетъ также представить на усмотрѣніе государственнаго совѣта всѣ такого рода дѣйствія, для преданія виновныхъ отвѣтственности по закону. Предметы занятій губернскихъ совѣтовъ исчислены были въ органическомъ указѣ:—это вопросы благочинія и хозяйства: земледѣліе, торговля, пути сообщенія, тюрьмы, благотворительныя заведенія. Сноше-

*) Въ Варшавской губерніи 12 уѣздныхъ городовъ, въ Люблинской и Радомской по 8, въ Августовской 6, Плоцкой 5.

нія губернскихъ совѣтовъ съ уѣздными и другъ съ другомъ—воспрещены.

Гораздо болѣе значенія имѣютъ уѣздные совѣты. Уѣздъ въ царствѣ есть *юридическое лицо*, то-есть онъ имѣетъ свою недвижимую собственность, капиталы и проч., имѣетъ право иска. Уѣздному совѣту предоставлено не одно совѣщательное значеніе, но также хозяйственное, финансовое и даже отчасти административное. 15 статья устава объ уѣздныхъ совѣтахъ исчисляетъ ихъ занятія и права: 1) они постановляютъ опредѣленія относительно устройства дорогъ, каналовъ и всякихъ другихъ сооруженій, относящихся къ общественному удобству, поколику таковыя работы могутъ быть вполнѣ или частью произведены собственными средствами уѣзда; 2) они дѣлаютъ представленія объ учрежденіи, поддержаніи пособіемъ и улучшеніяхъ заведеній, предназначенныхъ для пользы цѣлаго уѣзда или части онаго; 3) имъ принадлежитъ избраніе способа производства общественныхъ работъ и утвержденіе плановъ; 4) въ ихъ завѣдываніи находятся денежныя средства и имущества уѣзда: они составляютъ роспись расходовъ уѣзда и изыскиваютъ средства къ удовлетворенію ихъ, могутъ пріобрѣтать и отчуждать уѣздную собственность, принимать мѣры къ извлеченію изъ нея доходовъ, вчинять иски и проч.; 5) они составляютъ раскладки поставкамъ, повинностямъ и податямъ въ особенности относительно квартирной повинности и поставки подводъ. Далѣе, уѣздные совѣты участвуютъ въ администраціи уѣзда представленіемъ своихъ замѣчаній и предположеній относительно улучшенія городовъ, въ которыхъ не учреждены особые городскіе совѣты, относительно мѣръ охраненія народнаго здравія, искорененія нищенства, содержанія церквей, кладбищъ, первоначальныхъ училищъ, составляютъ проекты и даютъ мнѣнія о предупрежденіи наводненій, объ осушеніи болотъ и укрѣпленіи сыпучихъ песковъ. Кромѣ того уѣздные совѣты имѣютъ право представлять, въ началѣ каждаго года, замѣчанія свои о состояніи уѣзда въ истекшемъ году и предположенія о мѣрахъ къ удовлетворенію

общихъ его потребностей. Постановленія уѣздныхъ совѣтовъ, за исключеніемъ мѣръ по раскладкѣ повинностей, приводятся въ исполненіе по утвержденіи правительственными властями.

Наконецъ, уѣздные совѣты избираютъ изъ числа избирателей по три кандидата въ должности мировыхъ судей, членовъ совѣтовъ благотворительныхъ заведеній, членовъ делегаціи для военной переписи. Выборы въ губернскіе и уѣздные совѣты происходятъ слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ округѣ составляется уѣзднымъ начальникомъ списокъ избирателей. Избирателями могутъ быть только лица, владѣющія въ уѣздахъ недвижимой собственностью (на полномъ правѣ или какъ арендой), годовая подать съ которой не менѣе 6-ти рублей, имѣющія 25-ть лѣтъ отъ роду, умѣющія читать и писать по польски; въ выборахъ участвуютъ лица всѣхъ сословій. Выборныя собранія, если будутъ имѣть болѣе 600 голосовъ, раздѣляются на отдѣленія. Въ собраніяхъ предсѣдательствуютъ мировые судьи. Избираемыми въ уѣздные совѣты могутъ быть лица, принадлежащія къ числу избирателей, и которыя, кромѣ того, владѣютъ недвижимой собственностью, годовая подать съ которой не менѣе 15-ти рублей, также начальники и профессора высшихъ учебныхъ заведеній, фабриканты и т. д.

Занятія выборныхъ собраній ограничиваются только избираніемъ членовъ и кандидатовъ въ уѣздные совѣты. Члены губернскихъ совѣтовъ избираются уѣздными совѣтами только изъ своей среды: то-есть каждый уѣздный совѣтъ изъ числа своихъ членовъ и кандидатовъ избираетъ члена въ губернскій совѣтъ. Вѣдомству уѣздныхъ совѣтовъ подлежатъ не только селенія, но и небольшіе города; для Варшавы и другихъ значительныхъ городовъ учреждены особые городскіе совѣты, значеніе которыхъ сходно съ значеніемъ уѣздныхъ.

Главныя черты постановленія 1861 года: 1) дворянство не имѣетъ особыхъ собраній, не отдѣляется отъ земства, какъ было по прежнимъ конституціямъ; невысокій цензъ, вмѣстѣ съ распоряженіемъ объ обязательномъ выкупѣ уса-

дебъ, сдѣлаетъ массу крестьянъ избирателями; 2) общины и губерніи имѣютъ слабое значеніе; главное значеніе придано уѣзду, который дѣлается реальной единицей; губернія не есть юридическое лицо, она не имѣетъ недвижимой собственности, не имѣетъ права иска; кругъ дѣятельности губернскихъ совѣтовъ весьма ограниченъ; общины также не имѣютъ самостоятельнаго значенія: онѣ находятся подъ опекой уѣзда, даже иски объ общинной собственности ведетъ уѣздный совѣтъ.

Всѣ эти планы мирнаго развитія политическихъ учрежденій царства были прерваны возстаніемъ, которое, начавшись въ январѣ 1863 года, быстро охватило все царство и значительную часть западныхъ губерній. Во время этого безпримѣрнаго возстанія уяснился польскій вопросъ и съ международной и съ русской точки зрѣнія. Франція и Англія сдѣлали Россіи предложенія въ дерзкой формѣ относительно умиротворенія царства. По ихъ мнѣнію завоеваніе царства русскими войсками въ 1830 году не измѣнило обязательствъ Россіи, принятыхъ на Вѣнскомъ конгресѣ. Статьи Вѣнскаго трактата относительно Польши онѣ старались объяснить въ смыслѣ обязательства не только сохранить Польшу, какъ самостоятельное государство, но и распространить его предѣлы на счетъ Россіи, и даже дать особое политическое бытіе тѣмъ областямъ имперіи, гдѣ находятся въ числѣ прочаго населенія Поляки. Русское правительство не испугалось угрозы. Оно объявило, что мысль императора Александра I о расширеніи царства была временнымъ настроеніемъ, что она прошла при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ западныхъ и югозападныхъ областяхъ населеніе польское или ополяченное составляетъ меньшинство, всего $^1/_9$ часть общаго населенія; даже все народонаселеніе католическое, (т. е. кромѣ польскаго, значительная часть литовскаго племени) все-таки составляетъ меньшинство въ сравненіи съ руссимъ православнымъ населеніемъ. Сила польскаго меньшинства состояла въ томъ, что оно было владѣющимъ и высшимъ общественнымъ классомъ. Имѣя

въ своихъ рукахъ землю, повелѣвая сельскимъ народонаселеніемъ на основаніи бывшаго крѣпостного права, занимая по праву дворянства и по образованію всѣ мѣста по администраціи и суду, оно страшно угнетало русское народонаселеніе и неудержимо вело польскую и католическую пропаганду. Католическое духовенство, все шляхетскаго происхожденія, дѣйствовало съ нимъ за-одно. Выходило такъ, что мы сами помогали врагу укрѣплять свою власть надъ русскимъ населеніемъ, и этотъ врагъ назывался дворянствомъ имперіи. Нигдѣ въ Россіи злоупотребленія помѣщичьяго права не доходили до такихъ размѣровъ, какъ въ западныхъ губерніяхъ. Крайняя бѣдность и униженіе народа, русскаго сельскаго населенія, богатство и сила польскаго дворянства ярко бросались въ глаза.

Порядокъ въ странѣ поддерживался только правительствомъ,—безъ него польское населеніе было бы истреблено озлобленнымъ народомъ. А между тѣмъ *жондъ народовый* (тайное революціонное правительство, руководившее возстаніемъ) не хотѣлъ и слышать о политическомъ бытіи царства безъ включенія всей западной Россіи, т. е. желалъ Польши въ тѣхъ предѣлахъ, которые она имѣла до перваго раздѣла. Такое стремленіе жонда взволновало глубоко русское національное чувство,—вопросъ пересталъ являться въ той простой формѣ, какую имѣлъ въ началѣ, т. е. вопроса о расширеніи автономіи царства, а сдѣлался вопросомъ о политическомъ бытіи Россіи, какъ европейской державы, о подчиненіи значительной ея части господству чуждаго народа. Наше правительство въ отвѣтныхъ нотахъ Англіи и Франціи объявило, что оно относительно западныхъ губерній недопуститъ даже дружескаго обмѣна мыслей съ иноземными державами,—на что̀ оно согласилось относительно царства. Впрочемъ этотъ обмѣнъ мыслей не привелъ ни къ какимъ результатамъ и относительно царства. Въ отвѣтныхъ нотахъ было объяснено, что слово «конституція» въ 1815 г. вовсе не такъ разумѣлось, какъ въ наше время, и что русское правительство, опредѣливши въ Вѣнскомъ трактатѣ дать царству польскому особенную

конституцію, выполнило обѣщаніе, и намѣрено впредь развивать общественныя льготы царства. За тѣмъ наше правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказомъ принять предложеніе западныхъ державъ относительно царства. Россія приготовилась къ вооруженному отпору и русскій народъ заявилъ, что онъ не пощадитъ ничего для защиты предѣловъ имперіи и національнаго достоинства. Западныя державы, возбудивши Поляковъ своимъ вмѣшательствомъ, отступили передъ войной, и польскій вопросъ вышелъ изъ сферы международной.

Покончивши съ вооруженнымъ возстаніемъ Россія рѣшилась твердо прекратить на будущее время возможность такой катастрофы. Она увидѣла, что сложность и опасность польскаго вопроса заключалось именно въ господствѣ польскаго дворянскаго класса въ западныхъ губерніяхъ. Освобожденіе крестьянъ въ 1861 году мало сдѣлало въ этомъ отношеніи, потому что во первыхъ власть надъ сельскимъ населеніемъ, чрезъ мировыя и дворянскія учрежденія, низшую администрацію и наконецъ чрезъ отношенія крестьянъ къ помѣщику, чрезъ плату работой за землю—осталась почти прежняя, особенно вслѣдствіе непомѣрнаго возвышенія, сдѣланнаго помѣщиками, крестьянскихъ повинностей. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1862 года объявленъ былъ Высочайшій указъ объ обязательномъ выкупѣ съ помощью казны крестьянскаго надѣла, замѣщеніи мѣстъ мировыхъ посредниковъ и вообще всей администраціи чиновниками русскаго происхожденія.

Въ самомъ царствѣ правительство увидѣло необходимость общественныхъ измѣненій. Царство представляло господство полное двухъ враждебныхъ Россіи силъ—шляхты и католическаго духовенства, въ особенности монашескаго. Народъ царства никогда въ исторіи не дѣйствовалъ. Это самое важное отличіе Польши отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, что тамъ націей всегда считалась только шляхта, а земледѣльческое населеніе только рабочей силой. Вся исторія Польши совершалась шляхтой и для шляхты. Этотъ господствующій классъ простирается до мильона

душъ. Къ нему принадлежитъ кромѣ земледѣльцевъ масса городскаго населенія. Крестьяне, не смотря на освобожденіе. совершившееся еще въ началѣ текущаго столѣтія, были въ полной власти шляхты, которая имѣла патримоніальную власть, судила, управляла; гминными войтами (волостными головами) съ правомъ наказывать тѣлесно крестьянъ были помѣщики.

Въ 1864 году, въ день памятный для Россіи—19 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ объ устройствѣ крестьянскаго населенія царства на тѣхъ же началахъ, какъ это было сдѣлано въ западныхъ губерніяхъ, т. е. съ обязательнымъ выкупомъ части поземельной собственности въ пользу крестьянъ, объ освобожденіи ихъ отъ всякихъ незаконныхъ, введенныхъ помѣщиками, повинностей, объ устройствѣ общиннаго волостнаго управленія на выборномъ началѣ. Для приведенія въ исполненіе этой великой мѣры, а равно и другихъ подобныхъ, былъ образованъ *учредительный комитетъ* почти исключительно изъ русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 30 августа послѣдовало распоряженіе о реформѣ народнаго просвѣщенія въ царствѣ. Политическая сторона этой реформы соститъ въ томъ, что народныя школы вырваны изъ рукъ католическаго духовенства, далѣе — допущены наряду съ польскими нѣмецкія и русскія училища. Наконецъ, въ ноябрѣ вышла важная мѣра о закрытіи католическихъ монастырей, принимавшихъ участіе въ возстаніи или не имѣвшихъ каноническаго числа монаховъ. Подъ эти условія подошла большая часть католическихъ монастырей. Кромѣ того правительство отмѣнило обязательность десятины, которой обложенъ былъ сельскій классъ въ пользу ксендзовъ. Судьба царства Польскаго рѣшится на всегда вслѣдствіе того направленія, которое устанавливается въ настоящее время.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.